ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ,

издаваемый

Михайломъ Каченовскимъ.

ЧАСТЬ XXV

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1806 года.

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ЯНВАРЬ 1806.

№ 1.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Что сдѣлано въ Россіи для просвѣщенія народа и для славы отечества отъ временъ Рюрика до ПЕТРА Великаго.

Въ сочиненіяхъ иностранныхъ Авторовъ — Поссевина, Олеарія, Карлиля и прочихъ, писавшихъ о Россіи — находимъ множество противорѣчій; но всѣ они согласно называютъ Россію страною непросвѣщенною, необразованною, дикою. Кто же сіи люди, произносящіе столь дерзкой, оскорбительной приговоръ? Съ чистою ли совѣстію они искали истины, чтобъ открыть ее свѣту? Имѣли ль способы точно и обстоятельно развѣдать о томъ, что писали? Почти ни одинъ изъ нихъ не зналъ языка Русскаго и

отечественной нашей Исторіи; сами повѣствователи по большей части были люди непросвѣщенные и грубые; почти всѣ они, живъ очень не долго въ Москвѣ, въ четырехъ стѣнахъ комнаты, возвращались въ отечество съ тѣми жъ предразсудками, съ какими пріѣзжали, и хотѣли выдумками прикрыть свое невѣжество. Чего ожидать отъ людей, которые обманулись въ своей надеждѣ, никакими пронырствами, никакими хитростями не могши склонить *варваровъ* къ измѣнѣ противъ союзниковъ, къ нарушенію святой клятвы въ наблюденіи договоровъ, къ отпаденію отъ вѣры православной? Чего ожидать отъ людей, которые переселялись въ Россію для достиженія цѣли затѣйливыхъ своихъ намѣреній, или для видовъ корыстолюбивыхъ — но не получивъ удачи, съ разтерзаннымъ сердцемъ уѣзжали обратно? Чего ожидать отъ людей, которые мечтали о своемъ могуществѣ — и побѣждены Россіянами? Чего наконецъ ожидать отъ людей, которые совсѣмъ не были въ Россіи — и писали о нравахъ и образѣ жизни Россіянъ по сказаніямъ, сплетеннымъ завистію и злобою? — Будемъ однакожъ справедливы, и признаемся, что иногда съ пользою можно читать нѣкоторыхъ иностранныхъ Авторовъ, оставившихъ намъ память о такихъ подробностяхъ, которыя старинным нашимъ Лѣтописателямъ казались недостойными вни-

манія по своей извѣстности, но которыя для иностранцевъ были любопытны. Такимъ образомъ напрасно стали бы мы искать въ Ливіѣ и Тацитѣ того, что находимъ въ Діонисіѣ Галикарнасскомъ и другихъ Греческихъ Историкахъ, описавшихъ, на примѣръ, одежду и оружіе древнихъ Римлянъ.

Не разкрывая ни Герберштейна, ни Поссевина, ни Олеарія — ибо въ нихъ не найдемъ того, что для насъ нужно — взглянемъ на ходъ и успѣхи образованія Русскаго народа, и справимся, точно ли Россія всегда покрыта была густымъ, непроницаемымъ мракомъ невѣжества? Вопросимъ нелицемѣрную Кліо, что сдѣлали Россійскіе Монархи и незабвенные Патріоты для просвѣщенія своихъ подданныхъ и согражданъ.

Когда человѣкъ чувствуетъ въ себѣ побужденіе дѣйствовать и трудиться не только для удовлетворенія тѣлесныхъ нуждъ своихъ, но и для потребностей душевныхъ, для образованія умственныхъ способностей: въ то время онъ выходитъ изъ круга животныхъ и занимаетъ мѣсто, достойное своего назначенія. Жители Новагорода сдѣлали шагъ къ просвѣщенію, когда, наскучивъ безначаліемъ, терзавшимъ республику, призвали на княженіе знаменитыхъ братьевъ Варяжскихъ, поручили имъ жребій свой, и отъ

ихъ мудрости ожидали порядка и благочинія въ отечествѣ. Лишь только народъ узнаетъ сію потребность; лишь только попадетъ на мысль, что безъ начальника нѣтъ безопасности въ обществѣ, нѣтъ счастія въ жизни: тогда онъ знакомится съ просвѣщеніемъ, и становится на чреду образованныхъ народовъ. Скоро Новгородцы пожали плоды благоразумныхъ своихъ начинаній. Рюрикъ утвердилъ могущество ихъ такъ, что его преемники, Олегъ и Игорь, заботились уже не о безопасности владѣній, но о завоеваніяхъ; удалились отъ странъ холоднаго Сѣвера и перенесли престолъ свой подъ благословенное небо Юга. Давно уже Греки завели свои селенія въ провинціяхъ, сопредѣльныхъ съ Россіею; колонисты имѣли безпрерывныя сношенія съ отечествомъ своимъ, слѣдственно не отставали въ просвѣщеніи отъ жителей Константинопольскихъ. Князья Русскіе, утвердивъ престолъ свой въ Кіевѣ, сдѣлались сосѣдами Грековъ просвѣщенныхъ и воинственныхъ. Юное Государство исполинскими стопами шествовало ко славѣ и величію. Россія едва ощутила бытіе свое, уже посылаетъ восемдесятъ тысячь ратниковъ для покоренія новой столицы Римской; едва стала на чреду образованныхъ Государствъ, уже налагаетъ дань на побѣжденныхъ Грековъ, и заключаетъ торговые договоры съ Кесаремъ. Левъ, проименованный

Философомъ, сидѣвшій на престолѣ восточномъ, обязался Русскихъ купцовъ снабжать съѣстными припасами, и дозволить имъ безпошлинной торгъ въ Царьградѣ. Намъ не извѣстно, по какимъ законамъ Россія тогда была управляема; но знаемъ, что они уже существовали: въ статьяхъ торговаго договора между Олегомъ и Кесаремъ упоминается о томъ ясно и опредѣлительно. Развалины древнихъ чертоговъ Рюриковыхъ свидѣтельствуютъ, что Зодчество было въ уваженіи у сѣверныхъ Славянъ.

Великая Княгиня Ольга сдѣлала еще болѣе для образованія и просвѣщенія народа. Она путешествовала по обширнымъ своимъ владѣніямъ, назначала пошлины и подати, строила города и мосты, и такимъ образомъ облегчала средства къ торговымъ сношеніямъ Россіянъ съ народами чужестранными. Этого не довольно. Великая Жена предпринимала путешествіе даже въ Константинополь, и озаренная свѣтомъ крещенія, возвратилась въ отечество со множествомъ людей мудрыхъ и благочестивыхъ. Она, во знаменіе православной вѣры, воздвигала кресты, созидала храмы, и неутомимо пеклась о разпространеніи Христіанства, наукъ и художествъ.

Перейдемъ къ царствованію Владиміра I, великаго Внука великой Бабки. Можетъ быть,

ни одинъ Монархъ, ни одинъ человѣкъ не имѣлъ большаго права на титла *Святаго* и *Великаго*. Какой потребно было рѣшительности для того, чтобы отважною рукою сбросить съ себя тяжкія оковы суевѣрія, опровергнуть жертвенники идоловъ, и заставить ослѣпленную толпу принять ученіе Христіянское! Подданные послѣдовали его примѣру, и отреклись отъ суевѣрнаго закона своихъ предковъ. Владиміръ призвалъ изъ Греціи мужей просвѣщенныхъ для наученія народа. Его супруга Анна, Греческая Княжна, много споспѣшествовала исполненію благодѣтельныхъ, великихъ его начинаній. Онъ построилъ города и храмы, ободрилъ торговлю, разпространилъ границы великаго Княжества, и вознесъ его на такую степень просвѣщенія, что весьма немногія Государства въ Европѣ тогда могли съ нимъ равняться.

Заслуги великаго Владиміра пребудутъ незабвенны. Онъ завелъ училища для людей всякаго состоянія; опредѣлилъ къ нимъ Греческихъ наставниковъ для обученія дѣтей даже противъ воли родителей; издалъ учрежденіе для училищъ, которое сдѣлало бы честь самой просвѣщеннѣйшей націи; содержалъ на своемъ жалованьѣ мужей, искусныхъ въ Греческомъ и Славянскомъ языкахъ; поручилъ имъ перевести Библію и церковныхъ Писателей на языкъ отечественный; подлин-

ники сихъ переводовъ приказалъ, украсивъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, положить во святыхъ храмахъ, а списки съ нихъ раздавать народу. Скажемъ громко передъ Европою, что Россіяне прежде всѣхъ новѣйшихъ народовъ начали обработывать языкъ свой, и прежде всѣхъ племенъ Славянскихъ начали писать на немъ хроники. Греческая Грамматика вмѣстѣ съ Религіею принесена въ Кіевъ изъ Константинополя. Языкъ Славянскій, образованный по Греческому, пріобрѣлъ новую гибкость, оборотливость, богатство, великолѣпіе и доброгласіе. Даже правописаніе, которое у Французовъ и Нѣмцовъ установилось только въ прошедшемъ столѣтіи, со строжайшею точностію наблюдено въ нашихъ церковныхъ книгахъ: всѣ народы Славянскаго племени въ нихъ должны искать чистоты и изящества праотеческаго языка. Какое Владиміръ имѣлъ попеченіе объ устроеніи дѣлъ церковныхъ, видимъ изъ его учрежденія о власти Митрополита и о десятинѣ. Изящныя искуства были предметомъ особливаго его вниманія. Зодчіе, живописцы и писцы, находившіеся въ службѣ его, имѣли обязанность не только созидать храмы и домы, не только писать изображенія Святыхъ, не только переписывать книги, но и учить молодыхъ Россіянъ упомянутымъ искуствамъ. Онъ отправлялъ посольства въ страны отдаленныя, чтобъ узнать вѣру

ихъ и законы, и съ Волжскими Булгарами заключилъ торговые договоры.

Здѣсь Патріотъ долженъ оплакать излишнюю нѣжность родителя въ особѣ Государя. Добрый Владиміръ слишкомъ много полагался на братское дѣтей своихъ единодушіе, и не думалъ, что, раздѣливъ обширное Княжество Русское, положитъ начало войнамъ междоусобнымъ и бѣдствію отечества. Однакожъ и въ смутныя времена Россія имѣла Государей, которые по примѣру своихъ предшественниковъ пеклись о славѣ и счастіи народа. Ярославъ I, сынъ Великаго Владиміра, Государь просвѣщенный, самъ занимался чтеніемъ и науками. Онъ также призвалъ въ Россію ученыхъ мужей, которымъ поручилъ перевести Греческія книги на языкъ Славянскій; сіи переводы хранились въ Кіевской церкви Св. Софіи. Онъ завелъ въ Новѣгородѣ училища для воспитанія трехъ сотъ юношей; написалъ учрежденіе о дѣлахъ, подлежащихъ вѣдомству Митрополита, котораго поставилъ уже не по благословенію Патріарха Константинопольскаго, но по избранію Россійскихъ Епископовъ; разпространилъ Христіянство въ Лифляндіи, и положилъ основаніе Дерпту, названному Юрьевымъ; сочинилъ для Новгородцевъ уложеніе, извѣстное подъ именемъ Русской Правды, которое мо-

жетъ служить доказательствомъ сколь человѣколюбивы и снизходительны были Россіяне въ отношеніи къ чужестранцамъ. Въ царствованіе Ярослава Россія была уважаема въ Европѣ; сильнѣйшіе Монархи были сопряжены съ нимъ союзомъ родства и дружбы.

Скоро потомъ Анна, дщерь Всеволода I, учредила въ Кіевѣ, въ монастырѣ Св. Андрея, училище для воспитанія дѣвицъ и наученія ихъ разнымъ наукамъ и рукодѣліямъ, женскому полу приличнымъ. Ея современникъ, Ефремъ, Епископъ Переяславскій, построилъ въ Епархіи своей каменныя бани и больницы для пользы общественной. Въ Духовной великаго Князя Владиміра Мономаха дѣтямъ его находимъ кроткія Христіянскія наставленія о любви къ Богу и ближнему; онъ совѣтуетъ имъ помогать бѣднымъ, не божиться, не обманывать, пещись о домашнемъ хозяйствѣ. Тогда не умѣли еще сочинять философскихъ трактатовъ о должностяхъ человѣка и гражданина: за то у каждаго затвержена была пословица: „*кто не устоитъ въ словѣ, тому будетъ стыдно.*“ Сей великій Князь написалъ о Всеволодѣ I: „мой отецъ сидѣлъ дома, и умѣлъ на пяти языкахъ изъясняться.“ Безсмертный Несторъ, черноризецъ монастыря Кіевопечерскаго, былъ первый Россійской Лѣтописатель. Его учености и трудолюбію обязано отечество сохраненіемъ знаменитыхъ дѣяній

Монарховъ первобытныхъ; его лѣтописямъ обязана Россія своею древностію. Никакой народъ въ свѣтѣ не имѣетъ сокровища, столь драгоцѣннаго для Сочинителя прагматической Исторіи народной. Несторъ писалъ на своемъ языкѣ просто, чисто, ясно, даже иногда краснорѣчиво; писалъ со всею исправностію, какой требуетъ Исторія, между тѣмъ какъ въ прочихъ Государствахъ Европы, нынѣ славящихся просвѣщеніемъ своимъ, едва ли были современные лѣтописатели. Патерикъ, содержащій житія Святыхъ Печерскихъ, есть другой памятникъ Несторова трудолюбія. Сильвестръ, Епископъ Переяславскій, двое неизвѣстныхъ Писателей, Симеонъ, Епископъ Суздальскій, и Іоаннъ, Священникъ Новгородскій, продолжали Русскія лѣтописи послѣ Нестора. — Пѣснь о походѣ Игоря противъ Половцевъ, изобилующая множествомъ красотъ піитическихъ, свидѣтельствуетъ, что Россіяне и въ сей части Словесности превосходили всѣхъ своихъ современниковъ. Въ двенадцатомъ столѣтіи въ Смоленскѣ на Княжескомъ иждивеніи учили юношей Греческому и Латинскому языкамъ. Михаилъ Юрьевичь и другіе Князья разумѣли по Гречески и по Латыни. Особенно уважали науки Князья Ярославъ Галицкій, Романъ Смоленскій, Святополкъ Новгородскій и Константинъ Всеволодовичь, великій Князь Бѣлорусскій. Ярославъ Владиміровичь, Князь Га-

лицкій, Андрей Юрьевичь, великій Князь Бѣлорусскій, и другіе, бывъ сопряжены родствомъ съ Европейскими Государями, вызывали въ области свои иностранныхъ художниковъ и ремесленниковъ.

Страшный Батый, Ханъ Татарскій, пользуясь междоусобными распрями Князей, опустошилъ большую часть Россіи, наложилъ на нее тяжкое иго зависимости, но не изтребилъ въ жителяхъ ея того мужества, которое нѣкогда заставляло трепетать гордыхъ сосѣдовъ. Времена бѣдственныя ознаменованы геройствомъ Александра Невскаго и Димитрія Донскаго. Первой поражалъ при Невѣ и озерѣ Чудскомъ Лифляндскихъ Рыцарей, Шведовъ и Финновъ; освободилъ Псковъ, и взялъ дань съ побѣжденныхъ; отвергъ коварныя предложенія пословъ Папы Римскаго, которой хотѣлъ соединить Греческую церковь съ Латинскою, и подчинить Россію своей духовной власти: другой разсыпалъ грозное Мамаево ополченіе, и проложилъ дорогу къ совершенному освобожденію отечества. Не будемъ удивляться, что просвѣщеніе не сдѣлало успѣховъ въ Россіи, когда народъ стенялъ подъ игомъ Татарскаго порабощенія; но замѣтимъ, что если съ одной стороны науки и художества приходили въ упадокъ, то съ другой Россіяне знакомились съ вещами, которыя до того времени были имъ не-

извѣстны. Наши предки отъ Татаръ научились бить монету и дѣлать разныя орудія; узнали новыя роды пищи, одежды, домашнихъ снарядовъ, оружій, звѣрей, растеній и тому подобнаго. Россійской языкъ обогатился многими словами, принятыми изъ Татарскаго (*). Посредствомъ Лифляндіи Россіяне вели торговыя дѣла свои съ Европою, и пышный Новгородъ принадлежалъ къ союзу городовъ Ганзеатическихъ.

Родился человѣкъ великій, одаренный всѣми способностями души и тѣла, потребными для того, чтобы свергнуть постыдное иго зависимости, угнетавшее Россію два вѣка съ половиною, — спаситель отечества и его славы, сильною рукою повергнувшій страшнаго непріятеля, и указавшій народу своему новой путь къ образованію и просвѣщенію: читатель произноситъ въ сердцѣ своемъ — это Іоаннъ Васильевичь I. Въ цвѣтущей юности принявъ бразды правленія, онъ скоро узналъ, что соединенная только сила Россіи избавитъ Россію отъ чуждаго ига. Подчинивъ удѣльныя Княжества своей власти, онъ первой отважился презрѣть гордыню ти-

(*) На пр. деньга, полушка, алтынъ, арбузъ, дыня, калпакъ, кафтанъ, кушакъ, кирейка, сарафанъ, сундукъ, фонарь, фарфоръ, бумага, ямъ, барабанъ, козакъ и проч.

рана; отважился идти на Орду, разсыпать непріятельскія ополченія, и наложить дань, которую до тѣхъ поръ Цари Капчакскіе сами получали отъ его предмѣстниковъ. Іоаннъ былъ менѣе счастливъ на битвахъ съ Поляками и Лифляндцами; не потому что не имѣлъ довольно силы и мужества, но по недостатку знаній въ военномъ искуствѣ, которое часто замѣняетъ собою силу и многолюдство. Великій мужъ немедленно обратилъ вниманіе свое на просвѣщеніе народа. Изъ Италіи — куда послѣ покоренія Турками Константинополя переселились Греческія науки и художества, и гдѣ нашли для себя спокойное пристанище — вызваны Ученые и Художники, изъ числа которыхъ Аристотель Бононскій оказалъ важныя услуги высокому своему Покровителю; подъ его надзираніемъ Кремль разпространенъ и обнесенъ каменною стѣною, построены храмы и чертоги, и вылиты мѣдныя пушки. Въ царствованіе Іоанна найдены въ Россіи руды серебряныя и мѣдныя; Россійскіе ремесленники подъ руководствомъ иностранцевъ упражнялись въ дѣланіи золотой и серебряной посуды; исправлены и вновь изданы многія полезныя узаконенія; переведены на Славянскій языкъ многія Греческія книги жившимъ въ Москвѣ ученымъ Грекомъ Максимомъ, которой сочинилъ Грамматику для Русскихъ. Слава возвѣстила міру о дѣлахъ Іоанна, и

Максимиліянъ Императоръ отправляетъ въ Россію посольства, для заключенія дружескихъ договоровъ. Такимъ образомъ обычаи Азійскіе соединились съ Европейскими, и Россіяне болѣе и болѣе знакомились съ просвѣщеніемъ.

Внукъ его, Царь Іоаннъ Васильевичь, пошелъ по слѣдамъ своего Дѣда. Рожденный съ счастливыми склонностями къ подвигамъ безсмертнымъ, возлюбившій съ юныхъ лѣтъ книжное ученіе, Монархъ помышлялъ не столько о разпространеніи Государства, сколько о просвѣщеніи своего народа. Казань и Астрахань преклонили колѣна; Польша, Литва, Лифляндія и Швеція трепетали передъ побѣдоноснымъ Іоанномъ; неизмѣримая Сибирь вмѣстилась въ предѣлахъ Россійскаго Царства. Для разпространенія успѣховъ просвѣщенія въ своемъ отечествѣ, онъ старался заключить дружескій союзъ съ Императоромъ Карломъ V. и Папою Григоріемъ XIII., которые тогда управляли всею Европою. Царь зналъ, въ чемъ состоитъ тайна Политики, и умѣлъ понравиться Императору и Папѣ: первому было пріятно дружеское предложеніе отъ сильнѣйшаго Монарха на Сѣверѣ; второй льстился надеждою соединить Греческую церковь съ Латинскою. Къ Карлу V. отправлено было тор-

жественное посольство для изпрошенія у него законоискусниковъ, зодчихъ, разныхъ художниковъ и ремесленниковъ. Болѣе трехъ сотъ человѣкъ Нѣмцовъ рѣшилось, оставивъ отечество свое, искать счастія въ Россіи; Любекской Магистратъ, по дѣйствію завистливыхъ Лифляндцевъ, помѣшалъ сему переселенію, и путешественникамъ велѣно не выѣзжать изъ Германіи. Большая часть изъ нихъ возвратилась въ домы, а прочіе другими дорогами прибыли въ Россію.

Чрезъ посредство Императора Рудольфа II. и Папы заключенъ миръ съ Польшею. — Случай указалъ Англичанамъ дорогу къ Архангельску — и Царь тотчасъ отправляетъ посольство въ Англію для подписанія торговаго договора. Россіянамъ оказаны въ Лондонѣ отличныя почести; — отъ Королевы Маріи посланы къ Царю дорогіе подарки. Тогда учреждены въ Россіи разныя мануфактуры, введены художества, оживились науки, процвѣла торговля, и вновь устроенное безсмѣнное войско готово было отражать непріятелей.

Іоаннъ Васильевичь дозволилъ свободное исповѣданіе вѣръ, даровалъ иностранцамъ многія выгоды и преимущества, и всячески старался привлекать ихъ въ Царство свое, желая ускорить ходъ народнаго

просвѣщенія. Ничто не могло укрыться отъ его проницательности; изъ любви къ полезнымъ знаніямъ, онъ велъ очень долгой разговоръ съ бывшимъ тогда въ Москвѣ при Польскомъ посольствѣ Ѳеологомъ Иваномъ Рокитою о сектѣ Богемскихъ братьевъ. Великій Монархъ, возведшій Россію на степень земныхъ царствъ, движимый Христіянскимъ благочестіемъ, не стыдился изправлять должности церковнослужителей во святыхъ храмахъ. Если кто вздумалъ бы приписывать сіе обстоятельство болѣе слабости и суевѣрной боязни, нежели истинной набожности; тому совѣтуемъ прочесть письмо сего Монарха къ Св. Гурію, Архіепископу Казанскому. „Господь на судищѣ Своемъ не спроситъ — пишетъ мудрый Государь къ Святому мужу — какъ вы долго молились, какъ много постились, какъ чинно пѣли во храмѣ; хотя все сіе и похвально: но спроситъ, сколько явили милости бѣднымъ, сколько научили" и проч. — Царь Іоаннъ Васильевичь сдѣлалъ для наукъ и Словесности болѣе, нежели великій Дѣдъ его. По невѣжеству писцовъ вкралось множество ошибокъ въ церковныя книги; Монархъ повелѣлъ разсмотрѣть ихъ и исправить; а чтобы навсегда сохранить чистоту текста, по примѣру Государствъ чужестранныхъ, съ помощію ученаго Митрополита Макарія, учредилъ въ Москвѣ книгопечатню. Первая книга, вышедшая изъ тисненія,

была — *Апостолъ*. Далѣе, Государь повелѣлъ, чтобы живописцы писали святые образа съ хорошихъ подлинниковъ, а не по своему воображенію. Въ 1551 мъ году собранъ былъ духовной Соборъ. Опредѣленія сего Собора составляютъ особую книгу подъ именемъ: *Стоглавъ*, которая однакожь не была напечатана. Когда Князь Константинъ Острожскій предпринялъ издать Библію на Славянскомъ языкѣ, Царь не только послалъ къ нему древнія рукописи Славянскихъ переводовъ, но и отправилъ искуснаго типографщика Московскаго Ивана Федорова (*). Великій мужъ обратилъ вниманіе свое на законодательство и гражданскій порядокъ. Судебникъ, Таможенный Уставъ, Губная Грамата и другіе законы, изданные въ его царствованіе, свидѣтельствуютъ, что Царь Іоаннъ не въ однѣхъ только завоеваніяхъ полагалъ славу и благоденствіе отечества. Онъ имѣлъ намѣреніе учредить школы въ Новгородѣ и Псковѣ для обученія Россіянъ Латинскому и Нѣмецкому языкамъ. Вспыльчивость и излишняя строгость — слѣдствія темперамента и воспитанія — подали причину назвать его Грознымъ; завистливые иностранцы старались очернить его въ потомствѣ именемъ тирана:

(*) Первая на Славянскомъ языкѣ Библія напечатана въ городѣ Острогѣ, что въ Волынской Губерніи; теперь весьма трудно найти ее.

но безпристрастный дѣеписатель прежде, нежели произнесетъ о немъ рѣшительный приговоръ, долженъ опредѣлить цѣну его справедливости, мудрости, щедрости въ награжденіи заслугъ и особливо неусыпнымъ попеченіямъ о просвѣщеніи и благоденствіи отечества. ПЕТРЪ Великій признавался, что почитаетъ для себя отличною честію идти по слѣдамъ Царя Іоанна Васильевича. Послѣ сего, нужны ли свидѣтельства многихъ писателей, которые стараются смыть пятно жестокости? . . .

(Окончаніе въ слѣдующемъ Нумерѣ.)

II.

О Стихотворицѣ Дезульерѣ и ея сочиненіяхъ.

Во Франціи были двѣ Стихотворицы, извѣстныя подъ именемъ Дезульеръ: мать и дочь. Мы хотимъ говорить о матери, заслужившей отъ современниковъ, подобно Лезбійской Сафѣ, названіе десятой Музы и Французской Калліопы.

Антуанетта Дезульеръ, урожденная Лижьеръ де ла Гардъ, жила во Франціи между 1634 мъ и 1694 годами, и скончалась въ Парижѣ. Она прилѣжно и съ успѣхомъ училась Латинскому, Италіянскому и Испан-

скому языкамъ. Стихотворческій талантъ ея обнаружился еще въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Умъ, память, вкусъ и проницательность были равны ея дарованію. Стихотворенія Г-жи Дезульеръ почитаются образцомъ легкой Поэзіи и памятникомъ золотаго вѣка Французской Словесности. Одинъ Авторъ пишетъ слѣдующее: „Въ сочиненіяхъ Г-жи Дезульеръ удивляются изяществу мыслей, пріятности выраженій и гармоніи. Никто лучше ея не умѣлъ говорить о любви и нѣжности; никто лучше ея не умѣлъ украшать цвѣтами правилъ нравственности.“ Она сочиняла по большей части мѣлкіе стихи; въ родѣ пастушеской Поэзіи до сихъ поръ не уступаетъ ни одному изъ Французскихъ Стихотворцевъ. Въ Идилліяхъ особенно видѣнъ вкусъ ея и дарованія, которыя Читатели наши замѣтятъ въ слѣдующихъ двухъ примѣрахъ, признанныхъ лучшими.

III.

ИДИЛЛІИ.

I.

Ручей.

Ручей! одну судьбу имѣемъ мы съ тобою;
Къ предмету одному стремимся съ быстротою;
Тебя ждетъ море, насъ — земля.
Но, ахъ! правдиво ли сіе уподобленье,
Когда сравнимъ твое и наше мы теченье?
Не зная никакого зла,
Не зная тягостныхъ заботъ и огорченій,
Желаній тщетныхъ, опасеній,
Ты слѣдуешь всегда наклонности своей:
Законъ не нуженъ ей! — —
Есть старость для тебя: она тебѣ не горе;
Чѣмъ ближе твой конецъ — родительское море,
Тѣмъ ты здоровѣе, полезнѣе для насъ
Еще прекраснѣе для глазъ,
Чѣмъ въ скромныхъ берегахъ младенчества златова.
Съ минутой каждою тебѣ забава нова;
Прелестной сей лѣсокъ
Прохладой струй твоихъ растетъ и зеленѣетъ —

Онъ благодарнымъ быть умѣетъ;
Сплетяся вѣтвями, склонясь на твой потокъ,
Хранитъ его отъ бурь онъ дружескою тѣнью;
По бѣлому песку, по травкѣ, по цвѣтамъ,
Ты катишься одинъ съ безпечной, сладкой лѣнью.
Подобясь золотымъ на небѣ облакамъ,
Во глубинѣ твоей прозрачной
Мелькаютъ рыбочекъ игривыя стада;
Отъ нихъ не знаешь ты досады, скуки мрачной;
Ты кормишь ихъ, поишь безъ всякаго труда,
При счастіи такомъ къ чему твое роптанье?
Чего тебѣ желать?.... Умолкни же ручей!
Пусть мы одни, пусть мы — несчастное созданье
На небо плачемся объ участи своей.

*

Мы страсти многія въ душѣ своей питаемъ
Мы вѣримъ; ... иль себя увѣрить лишь желаемъ...
Что счастія безъ нихъ не можетъ быть, и нѣтъ, —
И сердцемъ познаемъ, что мы живемъ для бѣдъ!
Заботы тяжкія, раскаянье, мученье —
Вотъ плодъ страстей; вотъ намъ судьбы опредѣленье!
Ты камнемъ не рожденъ: такъ въ горести жизни!..

Ахъ! кто не зналъ любви!....
Вселенную она дыханьемъ оживляетъ,
Она сердцами обладаетъ;
Міръ полонъ радостей, міръ полонъ красоты;
Но безъ нее для насъ все — хладныя мечты!
Я счастливъ.... нѣтъ! мечта! — единое мгновенье
Умѣетъ умертвить златое обольщенье,
И сердце страстное преобращаетъ въ ледъ,
Иль новой красотѣ въ неволю отдаетъ! —
Ручей — ты счастливъ передъ вами! —
Невѣрныхъ ручейковъ не слышно между вами; —
Когда Всевышняго законъ,
Которой искони вселенной управляетъ,
Съ другимъ ручьемъ тебя соединяетъ;
Союзъ сей заключенъ, и будетъ вѣренъ онъ,
Въ минуту подружась, вы неразлучны вѣчно. —
Какой союзъ между людей,
Какое дружество у насъ чистосердечно? —
Корысть его родитъ на жертву злыхъ страстей! —
Источникъ кроткій и спокойный!
Знать, менѣе тебя мы счастія достойны! —
Къ чему притворствовать! — признаемся хоть разъ:
Что значатъ всѣ сіи достоинства надмѣнны;
Сіи права священны,
Сіи мечтательны отличія для насъ? —

Ихъ гордость создала, чтобъ скрыть свою ничтожность!
Лишь выдумай намъ зло: оно намъ будетъ должность. —
Откуда взяли мы, что въ промыслѣ своемъ,
Богъ создалъ смертнаго для тварей всѣхъ царемъ?

Признаться откровенно,
Мы не цари — тираны ихъ.
За чѣмъ бы на примѣръ, намъ воды принужденно
Вести къ чужимъ брегамъ для прихотей своихъ?

За чѣмъ, на зло Природѣ,
Ихъ прыгать заставлять на воздухѣ по модѣ? —

Но пусть такъ: все покорно намъ;
Мы властны подавать законы всѣмъ мірамъ;
Почто же властью сей мы править не умѣемъ?

Почто собою не владѣемъ? . . . .
О заблужденіе! Рабъ бѣдствій, рабъ страстей!
Ты смѣешь называться
Владыкой тварей всѣхъ, которы, можетъ статься,
Стократъ свободнѣе, стократъ тебя добрѣй. —
Познай, познай свое, безумецъ, униженье! —
Но что я говорю! — безплодное ученье. . .

Мнѣ кажется, душа на то и создана,
Чтобъ жить обидами, и слабостью гордиться;
Порокъ во мнѣ — ничто, въ другомъ порокъ — вина;
Съ своей виной мирюсь, съ чужой — нельзя ужиться!
Увы! — къ несчастію для насъ и страха нѣтъ!
Пороки праведной улики не боятся;
Льстецовъ наполненъ свѣтъ.
Умѣнье жить унасъ — умѣнье притворяться.
Коль искренность теперь осталась на землѣ,
Ручей! въ твоихъ водахъ сыскать ее возможно!
Являешь намъ въ твоемъ прозрачнѣйшемъ стеклѣ!
Порокъ передъ тобой теряетъ видъ притворной;
Для пастуховъ и для Царей
Ты правду говоришь безъ лести незазорно;
За то не въ милости большой ты у людей!
Они, какъ съ совѣстью, страшатся быть съ тобою! —
Другъ доброй съ искренней душою
Тяжелъ для нынѣшнихъ вѣковъ! —
Обычай бѣдственный! — но онъ у всѣхъ таковъ!
Уроки стыдъ уснувшій пробуждаютъ —
И такъ — они скучаютъ! —

Коварной, льстецъ, злодѣй
Хотятъ правдивыми и честными казаться!
Таковъ былъ свѣтъ, такимъ ему остаться! — —
И въ горестной юдоли сей, —
Въ жилищѣ гордости и бѣдности презрѣнной
Я долженъ мучиться терпѣть и кончить вѣкъ!
О жалкой человѣкъ!
Смѣшенье слабости и злобы ослѣпленной!
И ты присвоивши безсмертныя права, —
И ты себя зовешь подобьемъ Божества! . . .

*

Спокойной совѣсти изобразитель ясный,
Ручей, спѣши, неси струи твои прекрасны
На родину твою въ объятія морей!
Мы — жертва слабости своей!
Сію печальну жизнь,
Несемъ въ ничтожество, въ которомъ родились.

2.

Овечки.

Какъ не завидовать, овечки, вашей долѣ!
Ахъ! съ вами не пасется въ полѣ
Ни скука, ни тоска, знакомая всѣмъ намъ;
Вы веселы всегда, безпечны и счастливы;
Не посѣщаютъ васъ желанья прихотливы,
Не принуждаютъ васъ къ слезамъ!

Вы пробуждаетесь всегда для наслажденій,
Вы знаете любовь, не знавъ ея мученій;
Ни гордость, ни корысть, ни пагубная лесть,
Которыя вездѣ гоняются за нами,
Не встрѣтятся вовѣки съ вами . . . .
За то у насъ разсудокъ есть! . . .
А вы отчуждены его употребленья! —
Ахъ! не завидуйте, любезныя творенья:
Разсудокъ — не великій кладъ!
Разсудокъ гордый сей, о коемъ трубитъ слава,
Возмогъ ли отъ страстей себя оберегать? —
Вино его мрачитъ; — онъ злой любви забава;
И сердце бѣдное навѣкъ,
Защиты ждавъ себѣ, тирана въ немъ находитъ! —
Что пользы въ кормщикѣ, которой все протекъ,
Извѣдалъ всѣ моря, — а въ пристань не приводитъ! . . .
Нашъ бѣдной умъ всегда безсиленъ, строгъ, надмѣнъ,
Всему противится, — и вѣчно побѣжденъ! —
Вы безопаснѣе стократно
Отъ лютости волковъ, съ собакою своей,
Чѣмъ мы, подъ кровомъ сей химеры непонятной,
Отъ собственныхъ страстей.

Не лучше ль жить, какъ вы, въ безпечности
спокойной;
Не лучшель жить, какъ вы, съ безвѣстно-
стью пристойной,
Чѣмъ съ этой знатностью пустой,
Съ богатствами, съ умомъ и вредной кра-
сотой?
Сіи сокровища ни мало незавидны,
И ваша простота полезнѣе сто кратъ! — —
Отъ нихъ заботы намъ постыдны;
Онѣ-то самой рай преобращаютъ въ адъ!
Мы вѣчность, кажется, доставить имъ же-
лаемъ,
Трудимся, мучимся, и въ горѣ умираемъ!
Природа по своимъ намѣреньямъ те-
четъ:
До насъ ей нужды нѣтъ!
Фортуна вѣтрена и въ прихотяхъ жестока,
По волѣ жалуетъ, казнитъ; —
И мудрость смертнаго стоока
Отъ грознаго бича ея не защититъ!
Къ чемужъ полезны вы успѣхи просвѣще-
ныя? . . .
Овечки милыя, писитесь въ доброй часъ;
Оставьте намъ сіи печальны заблужденья;
Безъ нихъ вы счастливы, безъ нихъ умнѣе
насъ!

А. Мрзлкевъ.

IV.

Сравненіе Спарты съ Аѳинами.

Кажется, сказалъ одинъ почтенный Филосовъ осмнадцатаго вѣка, что Природа производила людей только въ Лакедемонѣ. — Спартанцы для всѣхъ вѣковъ суть примѣръ патріотизма, добродѣтели, великодушія.

Въ Аѳинахъ и другихъ городахъ Греціи находимъ ораторовъ, поэтовъ, живописцевъ, зодчихъ, ваятелей: въ Лакедемонѣ находимъ законодателей, правителей, полководцевъ, гражданъ. Въ Аѳинахъ научались хорошо *говорить* — въ Спартѣ хорошо *дѣлать*. Въ Аѳинахъ учили *философствовать* — въ Спартѣ *быть Философами*. Аѳины никогда не наслаждались внутреннимъ спокойствіемъ, и самая свобода не рѣдко служила для нихъ орудіемъ бѣдствій, междоусобныхъ браней, битвъ кровавыхъ: — законы Ликурговы, до Лизандра процвѣтавшіе, были единственны, примѣрны. Желѣзныя деньги Лакедемонянъ служили имъ оплотомъ противъ роскоши. Спартанцы были люди — и *безъ золота*!

Спартанецъ Памѳоидъ, прогуливаясь нѣкогда въ Аѳинскомъ Лицеѣ, отвѣчалъ тѣмъ, которые спрашивали его: что онъ думалъ о правилахъ нравственности, объясняемыхъ

Философами? — „Онѣ прекрасны, но безполезны для вашего народа, которой не дѣлаетъ изъ нихъ никакого употребленія.“ — Одинъ Спартанскій старикъ, увидѣвъ въ Академіи Философа, посѣдѣвшаго надъ умозрительными изслѣдованіями, спросилъ: кто таковъ сей старецъ? — Это мудрецъ, отвѣчали ему, изыскивающій, въ чемъ состоятъ обязанности, налагаемыя добродѣтелью. — „Когдаже онъ будетъ выполнять ихъ?“ возразилъ почтенный Лакедемонецъ. —

Я оставилъ людей, сказалъ Діогенъ, пріѣхавъ изъ Спарты въ Аѳины. —

Нашъ вѣкъ болѣе, можетъ быть, прославился своею роскошью, нежели древнія Аѳины; можетъ быть, мы имѣемъ своихъ Софокловъ, своихъ Димосѳеновъ: но гдѣ у насъ Спартанцы? — Предоставляю рѣшить сей вопросъ Философамъ, особливо тѣмъ, которые любятъ и въ дурномъ — находить хорошее.

N. N.

V.

Ея Превосходительству, Прасковьѣ Ивановнѣ Мятлевой.

Стени дочь нѣжная надъ урною отца (*)!
Я самъ въ смущеніи забылъ талантъ Пѣвца:
Не въ силахъ пѣть вождя Героевъ,
Достигшаго сѣдинъ подъ лаврами средь боевъ;
Но доброму отцу, но другу лишь людей
Вздохъ сердца посвящаю,
И окомъ полнымъ слезъ со брега жизни сей,
Тѣнь милую для насъ въ міръ лучшій провожаю.

Дм.

VI.

КРИТИКА.

I.

Опыты лирическіе и другія мѣлкія сочиненія въ стихахъ А. Востокова. Часть первая. Въ С. Петербургѣ въ Морской Типографіи 1805 года.

Авторъ подъ скромнымъ названіемъ *Опытовъ* представляетъ благосклонности читателей и суду Критиковъ свои сочиненія, которыми — такъ намъ кажется, — и чи-

(*) *Генералъ-Фельдмаршала, Графа Ивана Петровича Салтыкова.*

тители и Критики останутся довольны; тѣ и другіе найдутъ въ стихахъ Г-на Востокова талантъ, вкусъ и знанія, обѣщающія много хорошаго.

Разсмотримъ первую Оду: *Фантазія.*

Поэтъ одушевляется восторгомъ и взываетъ къ Фантазіи:

Спустися мглами или тучей,
Налягъ, наполнь собою лѣсъ (1),
Раскинь рукой своей могучей
Прохладну тѣнь густыхъ древесъ
Шатромъ надъ головой моею;
Чтобъ ключь, крутящейся стезею,
Гремя (2) по камнямъ, внизъ бѣжалъ,
Пустыннымъ гуломъ повторяясь,
И листвій съ шорохомъ *мѣшаясь* (3),
Твое присутствобъ возвѣщалъ.

*

И вѣтры бъ свирѣпѣть престали
Къ землѣ со скрыпомъ древо гнуть;
Одни Зефиры бъ лобызали
Младой весны цвѣтущу грудь.
Въ твоемъ присутствіи, богиня,
И Африканская пустыня
Творится садомъ Гесперидъ!
И дебри Финновъ каменисты,
И Сѣверны поморья льдисты,
Теряютъ свой унылой видъ.

Прекрасные стихи! Далѣе Поэтъ мечтаетъ объ Астреѣ, низходящей на землю, о началѣ золотаго вѣка, о блаженствѣ смертныхъ; человѣкъ достигъ высокаго своего назначенія (4)

Пороки всѣ изкоренились,
Изсякъ тлетворный оныхъ ядъ;
Съ разсудкомъ страсти помирились,
Устроясь во взаимный ладъ (5);
Прямое щастіе познали,
И Ангелами люди стали!!
Но сбудется ль сіе иль нѣтъ?
Вникать глубоко не желаю,
Къ другимъ предметамъ направляю
Съ тобой, Фантазія, полетъ.

*

Съ тобой я на Кавказъ взбираюсь;
И въ жерло Этны низхожу;
Въ моря шумящія пускаюсь
И въ тишинѣ пустынь брожу.
Исполненный благоговѣнья
По необъятностямъ творенья
Я на крылахъ твоихъ парю!
Во Океанѣ звѣздъ *купаюсь* —
Но вверьхъ лечуль, иль внизъ спускаюсь,
Бреговъ и дна нигдѣ не зрю.

*

Съ тобой люблю я въ мысляхъ сладкихъ
Собрать, устроить, просвѣтить
Народы — тигровъ къ крови *ладкихъ*
Въ смиренныхъ агнцевъ *превратить* (6).

Съ тобой я изверговъ караю,
И добродѣтель награждаю,
Достойнымъ скиптры раздаю,
А угнетеннымъ всѣмъ свободу,
И человѣческому роду
Съ Сен-Пьеромъ вѣчный миръ даю.

*

Тебѣ стихіи всѣ послушны;
Послушны небеса и адъ.
Тамъ строишь *замки ты воздушны* (7),
А тамъ садишь Армидинъ садъ.
Махнешь — и Грацій узришь пляски;
Воскликнешь — божества Парнасски
Сладчайшу пѣснь тебѣ гласятъ.
Фантазія многообразна,
Всегда нова, всегда прекрасна,
Ты тьму намъ *даруешь* (8) отрадъ.

Поэтъ опять предается восторгу, возносится къ *центру* всѣхъ добротъ, наслаждается, видитъ небесное совершенство, и упивается имъ:

Ахъ! льзяль мнѣ днесь землей прельщаться;
Тщетѣ, неправдѣ покланяться?
Пусть въ сихъ восторгахъ я умру.

*

Но что — уже ли изчезаетъ
Питавшая мой духъ мечта?
Отъ уха пѣнье утекаетъ,

Отъ взоровъ райска красота!
Я съ содроганіемъ *очнулся*, (9)
Кругомъ печально оглянулся,
И зрю лишь дикій темный лѣсъ.
Въ отвѣтъ на вздохъ мой вѣтръ ревущій
И ключь въ гранитно дно біющій,
Шумятъ сквозь вѣтвіе древесъ.

*

Почто, Фантазія всесильна,
Покровъ снимаешь съ глазъ моихъ!
Печалей жатва столь обильна
А роза - радость — вянетъ въ мигъ!
Но должноль *изъ* (10) того терзаться
И плакать? — Нѣтъ; мы будемъ *знаться*,
Посланница небесъ, съ тобой!
Когда ко мнѣ съ улыбкой входишь,
Ты *всякую* печаль отводишь
И въ душу сладкій льешь покой.

*

Что есть жизнь смертныхъ? сонъ единый.
Блаженъ, пріятно кто мечталъ;
Кто избѣгать умѣлъ *кручины* (11)
И счастливымъ себя считалъ!
Кто могъ, сомкнувъ охотно вѣжды,
Держася объ руку надежды,
Прейти отважно жизни путь;
И не заботясь по пустому,
Подобно отроку младому,
Играть, играть. . . . *да и* заснуть (12).

И такъ пріятными мечтами
Почаще духъ мой услаждай;
Живыми, нѣжными цвѣтами
Дорогу къ смерти усыпай.
И будь мой Ангелъ благодѣтель!
Ты облекаешь добродѣтель
Небесныхъ Грацій въ златъ хитонъ,
И насъ красой ея плѣняя,
Велишь, Фантазія благая,
Любить святой ея законъ.

Въ чемъ состоитъ планъ Оды? Авторъ въ восторгѣ видитъ блаженство земнородныхъ. Читатель, обвороженный прекрасными стихами и живымъ чувствомъ Поэта, мечтаетъ съ нимъ вмѣстѣ, и предается сладкому забвенію. При словахъ

Но сбудется ль сіе, иль нѣтъ?

кажется, очарованіе изчезаетъ. Поэтъ перемѣняетъ тонъ и говоритъ, что по дѣйствію Фантазіи, онъ взбирается на Кавказъ, низходитъ въ пропасти Этны, пускается въ моря, бродитъ въ пустыняхъ, возносится къ звѣздамъ, просвѣщаетъ народы; что по мановенію Фантазіи поютъ Музы и пляшутъ Граціи. Послѣ того въ другой разъ приходитъ въ изступленіе, видитъ совершенство, опять опамятывается; разсуждаетъ, что жизнь смертныхъ есть одинъ сонъ, и что блаженъ тотъ, кто мечталъ

пріятно, и почиталъ себя счастливымъ; наконецъ проситъ Фантазію усыпать дорогу его къ смерти нѣжными цвѣтами.

Двойной восторгъ въ сей Одѣ можно почесть раздѣленіемъ единства, которое должно быть сохранено во всякомъ сочиненіи, не изключая самой Оды. Вдохновенный Пѣвецъ заставитъ читателя забыться; но — одинъ только разъ. Послѣ хладнокровнаго разсужденія о разныхъ предметахъ трудно уже въ другой разъ привести его въ изступленіе, — а главное искуство Поэта состоитъ въ томъ, чтобы читатель непримѣтнымъ образомъ раздѣлялъ его чувства. *Прелестной безпорядокъ*, о которомъ говоритъ Боало въ своей Піитикѣ, кажется, значитъ другое. Однакожъ, не упоминая о многихъ примѣрахъ, которыми оправдывается расположеніе сей Оды, можно извинить его еще самымъ, названіемъ *Фантазіи*; говоря о ней, изчисляя дѣйствія богини на душу, почти противъ воли переходишь отъ предмета къ предмету, отъ восторга къ восторгу.

Прежде нежели замѣтимъ неправильности въ мысляхъ и слогѣ, скажемъ, что Г. Востоковъ знаетъ, въ чемъ состоитъ тайна Поэзіи, непроницаемая для самозванцевъ-Поэтовъ. Погрѣшности не закрываютъ дарованія, которое Г. Авторъ *Ольтовъ* обработываетъ съ такимъ успѣхомъ.

(1) Въ первой строфѣ Фантазїя наименована дщерью Олимпа, слѣдственно существомъ одушевленнымъ. За чѣмъ же теперь требовать, чтобы она явилась во мглахъ или тучѣ, налягла бы на лѣсъ и наполнила его собою? за чѣмъ Поэтъ требуетъ пришествїя Фантазїи въ грозномъ видѣ, когда хочетъ изобразить прелестную сельскую картину?

(2) Ключу приличнѣе журчать, нежели гремѣть.

(3) „Чтобъ ключь пустыннымъ гуломъ повторяясь, и мѣшаясь съ шорохомъ листвїй" и проч. Соединенїе идей несходственныхъ! Прибавьте слово: журчанїе, и все будетъ правильно. Ибо ключь не можетъ *повторяться*, а еще болѣе мѣшаться съ шорохомъ листвїй.

(4) Здѣсь, въ одномъ стихѣ строфы, нами пропущенной, слово *разширилъ* у Автора имѣетъ ударенїе на второмъ слогѣ; по свойству языка послѣднїй слогъ долженъ быть долгїй.

(5) Этому стиху здѣсь не мѣсто; онъ низокъ и неправиленъ.

(6) Послѣ глагола *люблю*, поставленнаго въ такомъ, какъ здѣсь, знаменованїи, прочїя неопредѣленныя наклоненїя должны быть

учащательныя: *собирать*, *устраивать*, *просвѣщать*, *превращать*. ОкеаномЪ можно назвать вЪ переносномЪ смыслѣ безпредѣльное пространство, звѣздами усѣянное; но *купаться* не льзя вЪ немЪ ни вЪ точномЪ, ни вЪ переносномЪ значенїи сего слова.

(7) Строенїе воздушныхЪ замковЪ не принадлежитЪ кЪ числу *благодѣянїй*, даруемыхЪ Фантазїею, на которую здѣсь должно смотрѣть только сЪ хорошей стороны.

(8) Надобно, чтобЪ не первой, но среднїй слогЪ былЪ долгїй. Можно поправить:

Ты тьму даруешь намЪ отрадЪ.

(9) *Очнулся* годится вЪ разговорѣ, не вЪ Одѣ.

(10) По чему не *отЪ того*?

(11) *Знаться* и *кручины* слова низкїя для Оды. *Всякую* поставлено для наполненїя стиха недостающими слогами.

(12) *ПотомЪ заснуть* было бы приличнѣе.

Четвертая пїэса: *Тлѣнность*, названа вЪ оглавленїи ДиѳирамбомЪ; судя по ея характеру, думаемЪ, что приличнѣе было бы наименовать ее какЪ нибудь иначе. ДиѳирамбЪ есть родЪ стихотворенїй, которыя вЪ древности пѣты были вЪ честь Вакху, и значитЪ *два раза рожденный*. Для Поэзїи Диѳирамбической не было особенныхЪ правилЪ;

изступленіе управляло мыслями Поэта. Жаль, что Пиндаровы Диѳирамбы не дошли до насъ; они могли бы служить прекрасными образцами въ семъ родѣ стихотворства, о которомъ Горацій даетъ намъ нѣкоторое понятіе, говоря о Пиндарѣ:

Per audaces nova Dithyrambos
Verba devolvit, numerisque fertur
Lege solutis.

Можетъ быть, 1 з я Олимпійская Ода Пиндарова принадлежитъ къ сему роду. Аѳеней сохранилъ намъ отрывокъ Диѳирамба, пѣтаго Вакхилидомъ, славнымъ Лирическимъ Поэтомъ, современникомъ Пиндаровымъ. Болѣе же всего подходятъ къ характеру Диѳирамба двѣ Оды Горацїевы: 1 я Bachum in remotis carmina rupibus, переведенная Г-мъ Востоковымъ, съ наблюденіемъ мѣры подлинника; 2 я Quo me, Bacche, rapis. Сіи примѣры и слова Горацїевы о Пиндарѣ показываютъ, что отличительныя черты Диѳирамба суть: изступленіе, случаи неожиданные, важные и чудесные, движеніе разнообразное и быстрое, фигуры частыя и разительныя, идеи сильныя и рѣзкія, слогъ живой, стремительной и гремящій, наконецъ прославленіе Вакховыхъ подвиговъ и благодѣяній. Делиль назвалъ Стихи свои на безсмертіе души Диѳирамбомъ, то есть пѣснью въ честь Вакху — но правильно ли? —

Въ стихотворной пїесѣ *Тлѣнность* о Вакхѣ не упоминается ни слова; изступленїя также въ ней не видно. Впрочемъ сїя пїеса имѣетъ свое достоинство.

Изъ переводовъ Г-на Востокова, помѣщенныхъ въ сей первой части *Ольтовъ*, Вольтерова сказка *Телема и Макаръ*, и Кантаты Ж. Б. Руссо: *Цирцея* и *Амилмона*, заслуживаютъ особенное вниманїе и одобренїе.

2.

Путешествїе въ полуденную Россїю Владимира Измайлова. Новое изданїе, вновь обработанное Автором. 4 Ч. Москва, 1805.

Г. Измайловъ извѣстенъ Публикѣ по разнымъ сочиненїямъ и переводамъ, которыя вообще были приняты очень благосклонно. Тому доказательствомъ служить могутъ въ третїй разъ изданное *Путешествїе въ полуденную Россїю*, и перепечатанїе безъ вѣдома Автора (то есть . . . . . .) переведенной имъ книги, подъ названїемъ: *Картина Европы въ изходѣ 18 го столѣтїя.* — Нѣкоторыя письма его помѣщены въ иностранныхъ Журналахъ.

Свободное печатанїе книгъ, распространяетъ успѣхи просвѣщенїя, когда Ученые и Литтераторы соединенными силами трудятся для доставленїя пользы и удовольствїя своимъ согражданамъ. По несчастїю Господа Авторы не всегда согласно живутъ между собою; составляются разныя партїи; самолюбїе дѣйствуетъ; благородное соревнованїе засыпаетъ; нападаютъ на дарованїя; вмѣсто полезныхъ истинъ выдаются странныя мнѣнїя. Отъ того нѣкоторые люди — бесѣдующїе съ читателями своими, наблюдая благоразумную осторожность, то есть не сказываясь, кто они таковы — всѣ Путешествїя, не ботаническїя, не статистическїя, не гидро-топо-географическїя осуждаютъ на вѣчное изгнанїе изъ областей Россїйской Литтературы; въ прїятныхъ сочиненїяхъ, писанныхъ для Публики, видятъ на каждой страницѣ какую-то сантиментальность, вредную и опасную.

Мы — съ позволенїя сихъ строгихъ господъ — осмѣливаемся думать иначе. Ставимъ себя на мѣсто читателя, и говоримъ: „Всякая книга — отъ эпопеи до романа — нравится, когда она занимаетъ, когда доставляетъ мнѣ способъ провести время съ удовольствїемъ. Угодно вамъ упражняться въ чтенїи Авиценны и Аверроеса, въ изученїи Скотистической Философїи, въ изслѣдованїи

таинствЪ Алхимїи, вЪ повторенїи опытовЪ черной или бѣлой Магїи Албертовой? Дѣлайте себѣ, что хотите, и не мѣшайте мнѣ пользоваться невинною забавою. Терпимость нужна не вЪ одной только Религїи. Мальчика противЪ воли заставляютЪ учить урокЪ, котораго часто онЪ не понимаетЪ: я — слава Богу! — уже вЪ совершенныхЪ лѣтахЪ."

Письма просвѣщеннаго путешественника — искуснымЪ перомЪ описавшаго видѣнные предметы, которые казались ему болѣе любопытными, болѣе дѣйствовали на его душу и сердце — всегда будутЪ уважаемы. ВЪ семЪ новомЪ изданїи Путешествїя Г-на Измайлова много писемЪ выпущено, нѣкоторыя мѣста перемѣнены, другїя прибавлены. Книги сего рода не подходятЪ подЪ правила Пїитики Аристотелевой или Боаловой. АвторЪ прибавилЪ, что считалЪ нужнымЪ; выпустилЪ — что ему не нравилось: до этого никому другому нѣтЪ дѣла. Путешествуя по Россїи, изЪ Москвы вЪ Кїевъ, вЪ КрымЪ, вЪ Астрахань, можно видѣть много хорошаго; Г. АвторЪ видѣлЪ, чувствовалЪ, восхищался и описывалЪ. Живыя и разнообразныя мысли, прелестныя картины, и живописной слогЪ — хотя и не вездѣ правильной — составляютЪ достоинство сей книги. Нѣкоторыя письма изЪ Кїева, изЪ Крыма и изЪ Сарепты — прекрасны. Жаль только, что Г. ИзмайловЪ

въ семъ изданіи не отмѣнилъ ошибокъ; почитатели дарованій Г-на Автора хотѣли бы видѣть болѣе исправности въ его *Путешествіи въ полуденную Россію.*

Сперва замѣтимъ погрѣшности противъ правилъ Грамматики, Логики и Реторики. Ч. I. Стр. 6. Онѣ (то есть Малороссійскія женщины) стройны и ловки *для крестьянокъ.* (это галлицизмъ.) — Стр. 7 *осокоревъ,* (Вмѣсто осокорей.) — Стр. 8. *Приближаясь къ Кіеву, виды* перемѣняются. (Галлицизмъ! выходитъ, что виды приближаются, а не путешественникъ.) — Тамъ же: *я ожидалъ* увидѣть мѣста прекрасныя. (Приличнѣе: надѣялся.) — Стр. 12. Величественный Днѣпръ, въ синей равнинѣ *развивается* (вмѣсто открывается) нечувствительно передо мною. — Тамъ же: *льедесталомъ.* (Вмѣсто: подножіемъ.) — Стр. 32. *Легкія* отверстія. — Стр. 33. Подземный ходъ *къ пещерамъ* простирается почти на триста саженъ. (Надлежало сказать: въ пещерахъ.) — Стр. 35.... никакая Поэма, картина, статуя насъ не тронетъ, естьли, *хотѣвъ* дѣйствовать на чувства наши, *она не произведетъ...* и проч. (Кромѣ Грамматической погрѣшности здѣсь находимъ еще другую, важнѣйшую: поэтъ, живописецъ, ваятель могутъ *хотѣть,* но не Поэма, и проч.) — Стр. 54. Царствовала въ *школахъ* пустая *схоластика* подъ

именемъ Аристотелевой; (и ниже) *школьной схоластики.* (То есть, *схоластической схоластики!* Авторъ разумѣетъ Аристотелеву Философїю, такъ называемую, схоластическую.) — Стр. 5 .... чтобы оно (то есть земледѣлїе) процвѣтало, требуется уже нѣкоторое совершенство во всѣхъ *отрасляхъ* человѣческой науки, которой *заря* едва возходитъ на землѣ нашей. (*Отрасли и заря* науки! Аллегорїя, ни чистая, ни смѣшанная, не терпитъ такихъ внезапныхъ переходовъ въ одномъ перїодѣ.

Non ut
Serpentes avibus geminentur, tigribus agni.)

Стр. 10 Мрачныя сосны, облаками увѣнчанныя, *опирались* на песокъ столѣтними корнями; святая древность покоилась на ихъ кудрявыхъ вершинахъ. (Какимъ существомъ должно здѣсь представлять святую древность, которая покоилась на вершинахъ сосенъ, увѣнчанныхъ облаками, и по чему святая древность полюбила вершины такихъ деревъ, которыхъ корни не старѣе ста лѣтъ?) — Стр. 12. Я напрягалъ зрѣнїе, но — не могъ ничего видѣть. *Одно* любопытство мое воспалялось. (Что значитъ здѣсь: *одно*?) — Тамъ же: . . . которое (то есть небо) *осѣняетъ*, кажется, златые куполы. (*Осѣнять*, значитъ: покрывать тѣнью; Г. Авторъ, кажется, хотѣлъ здѣсь сказать дру-

гое.) — Стр. 31. Они (то есть Святые, почивающіе къ Кіевскихъ пещерахъ) побѣдили искушенія и страсти, и *терновый вѣнецъ* сдѣлался наградою страдальческой добродѣтели. (Въ житіяхъ сихъ Святыхъ не упоминается о терновыхъ вѣнцахъ, будто бы полученныхъ ими въ награду; еслижъ *терновые вѣнцы* должно здѣсь разумѣть не въ собственномъ значеніи, то что они значатъ?) — Стр. 32. *Взоры* мои чрезъ каменные своды и чрезъ хладные *прахи летѣли* на небо. . . (О мысляхъ сказать можно летѣли; *прахи*! . . .) — Стр. 66. Нѣтъ того истиннаго духа общежитія, *которымъ жаждетъ* юноша съ пылкою новою душею, зрѣлый мужъ съ основательнымъ разумомъ, и старецъ съ *богатыми воспоминаніями опытности*. — Стр. 67. Вотъ красавица *во всѣхъ чертахъ и во всемъ станѣ*. — Стр. 69. Но если хотите быть достойны *олтарей міра*. . . . — Стр. 75. Онъ *обработалъ* такъ самые *постулки*, и проч. — Тамъ же: сей Философъ-Христіянинъ умѣетъ, подобно умной пчелѣ, извлекать *лучшій сокъ изъ необходимыхъ состояній* человѣческой жизни. — Стр. 76. Иногда онъ *углубляетъ* заступъ въ садовую землю; и *взоръ* его, *слѣдуя за корнемъ младыхъ растѣній, въ то же время погружается во глубину бездны, готовой поглотить остатки ветхаго человѣка*. (1. Взоръ *слѣдуетъ* за корнемъ. — Надобно, чтобы сей корень

двигался. 2. За *корнемъ* младыхъ растеній. Вмѣсто: корнями. 3. *Взоръ погружается во глубину бездны.* — Бездна означаетъ пустое пространство бездонное, или по крайней мѣрѣ весьма глубокое, а не почву земли, которую Авторъ разумѣетъ. 4. Готовой поглотить *остатки ветхаго человѣка.* — *Ветхій человѣкъ* означаетъ или Адама, или вообще человѣка, не обновленнаго крещеніемъ. Здѣсь говорится о старцѣ.) — Тамъ же: *Среди прекрасныхъ часовъ Природы*. . . — Стр. 78. *Завидую вамъ въ садикѣ вашемъ.* (То есть: я, находясь теперь въ садикѣ вашемъ, завидую вамъ? или: я завидую вамъ, когда бываете въ садикѣ?) — Стр. 78. Онъ богатъ *мыслями и чувствами*, подобно Природѣ. (Природа богата мыслями и чувствами!) — Стр. 80. Чтеніе *сообщаетъ* Автору вкусъ и *мастерство.* — Стр. 81. Сей послѣдній (Виргилій) *издали* произвелъ Расина. — Стр. 84. Жидъ снимаетъ шляпу свою передъ каждымъ (это ужь слишкомъ часто) человѣкомъ, и Христіянинъ *показываетъ* ему благосклонность, естьли на его, (то есть, Христіянина) вѣжливость отвѣчаетъ (то есть Жидъ) также вѣжливостію. — Стр. 90. Человѣкъ есть нѣкоторымъ образомъ *средоточіе* міра. Не для него сотворена, не для него украшена вселенная; но бытіе міра *предполагало* бытіе человѣка. — Тамъ же: . . . . благородной твари, которая. . . . *дѣйствіемъ пре-*

восходнаго понятія возносится къ владычеству надъ животными. . . . — Стр. 94. Нѣтъ *въ умахъ* системы и правилъ. (Надлежало сказать: для умовъ) — Стр. 103. *Стоя* на семъ мѣстѣ, *взоры обнимаютъ*. . . . — Стр. 110. . . . явился за Ломоносовымъ и Сумарокогымъ на зарѣ нашей Поэзіи, и *принесъ ей новые успѣхи*. . . . имѣлъ щастіе жить въ *эпоху* другаго Августа. (Эпоха не значитъ продолженнаго времени, но только одно какое нибудь произшествіе, отъ котораго начинается періодъ времени, или которымъ оной оканчивается.) — Стр. 111. . . Внимаетъ. . . . жалобамъ *Царевны Карфагенской*. (Если Авторъ разумѣетъ Дидону, то надлежало сказать Царицы Карѳагенской.) — Стр. 122. Строгое *вниманіе на вещи приносило* Россійскому Государю даръ предвѣдѣнія; Шведской Король отъ чрезвычайной живости *лишался искуства проницанія*. Первой *соображалъ всѣ шаги свои* и проч. — Стр. 124. Уже *съ преднамѣреваніемъ дѣлъ великихъ*, Царь отлагаетъ на время скипетръ, власть и проч. (Кажется, Г. Авторъ хотѣлъ здѣсь сказать совсѣмъ противное.) — Стр. 125. *Осыпанный* блескомъ славы. — Стр. 128. На *игривыхъ* берегахъ прекрасной Ворсклы. . . — Тамъ же: какъ *пріятно развивается*. . . . обширная цвѣтущая равнина. — Стр. 136. Мы дышемъ *подъ* одною атмоферою. — Стр. 139. *Легкія*

горы. — Стр. 140. *Огромные* обозы. — Стр. 141. Живыя существа не населяли еще *міръ нашъ*. (Вмѣсто: міра нашего.) — Въ послѣдующихъ трехъ частяхъ ошибки, кажется, рѣже встрѣчаются, нежели въ первой; признаемся, что многое пропустили мы безъ замѣчанія, опасаясь, чтобы не подпасть нареканію въ излишней привязчивости.

Обратимъ вниманіе на погрѣшности другаго рода, особливо противъ истины исторической. Часть I. стр. 7. У каждаго поселяни-на есть скрипка. (Кто жилъ въ Малороссіи, тотъ знаетъ, что въ тамошнихъ деревняхъ нѣкоторые поселяне играютъ на скрыпкѣ, но не всѣ.) — Стр. 10. Сѣдой старецъ. . . . *возносилъ* (вмѣсто возводилъ) на небо томное око, моля его о спасеніи *Царя* и народа Русскаго. (Кіевское Княжество было управляемо Князьями, не Царями.) — Стр. 61. Чувствительная женщина (Рогнеда) вознесла убійственную руку на своего *любимца* (Едва ли несчастная Рогнеда почитала любимцемъ своимъ такого человѣка, которой насильно женился на ней, умертвивъ отца ея и братьевъ.) — Стр. 130. Онъ (то есть городъ Полтава) населенъ Малороссіянами, Козаками и Жидами. (Малороссіяне и Козаки суть однѣ и тѣ же люди въ Полтавѣ.)

Часть II. стр. 11. Говардъ погибъ жертвою человѣколюбія за *десять тысячь* верстъ отъ своего отечества. (Отъ Херсона до Англіи не будетъ и четырехъ тысячь верстъ.) — Стр. 44. . . . и была записана въ цехъ купцовъ *ея Государя*. (Простительно такъ писать иностранцу, не знающему Русскихъ законовъ и обычаевъ. Купеческое сословіе раздѣляется не на цехи, но на гильдіи; при томъ же слово *за Государя* совсѣмъ лишнее). — Стр. 121. Многіе, какъ Невтонъ и Палласъ, родятся для однихъ *наблюденій*. (Невтонъ болѣе умствовалъ и вычислялъ, нежели наблюдалъ.)

Часть III. стран. 11. Всего болѣе надобно здѣсь удивляться *дѣлу* и уму Генуэзцовъ. Пораженные на всемъ полуостровѣ въ концѣ XI вѣка. . . . (Генуэзцы начали приставать къ Тавридѣ гораздо позже.) — Стр. 69. Какая разница между Кафой, которая представляется глазамъ вашимъ, и Ѳеодосіей, о которой говорятъ *Саллюстіи* и Страбоны. И ниже стран. 70. По словамъ Страбона и *Саллюстія*. . . (Отъ Саллюстія не осталось никакихъ Географическихъ описаній; Г. Авторъ вѣроятно хотѣлъ сказать о старшемъ Плиніѣ.) — Стран. 135. Первоначальное ихъ общество, извѣстное подъ именемъ Сѣчи Запорожской. . . (Сѣчью называлось не общество, но мѣсто, на кото-

ромъ жило общество Запорожскихъ Козаковъ.) — Стр. 141. Теперь ихъ Кошевый Атаманъ Г-нъ Козлеревскій. . . . . (Вмѣсто: Котляревскій. Въ прежнемъ изданіи также; слѣдственно это не Типографская ошибка.)

Часть IV. стр. 32. Изъ сего *разбоя младенцевъ* родится народъ Героевъ. — Стр. 56. . . Я чувствовалъ великую истину, доказанную мнѣ опытомъ, что человѣкъ, *на зло всѣхъ гражданскихъ отличій*, остается всегда человѣкомъ. (I. На зло чему, а не чего; 2. гражданскія отличія не мѣшаютъ быть человѣкомъ.) — Стр. 63. Послѣ Кремля, Собора, крѣпости, которые служатъ памятниками отдаленнаго вѣка, далѣе во внутренности города *низпадаетъ завѣса древности*, чтобъ уступить мѣсто перемѣнамъ новѣйшихъ временъ. (Не говоря о неправильной картинѣ и противномъ соединеніи идей, скажемъ, что Астрахань старая разрушена Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, а новая построена совсѣмъ на другомъ мѣстѣ; въ ней не можетъ быть *множества храмовъ и зданій* — стр. 62 — *покрытыхъ печатію вѣковъ.*) — Тамъ же: Татаре нѣкогда побѣдители міра (?), а нынѣ рабы народовъ. (Татаре и нынѣ господствуютъ въ Китаѣ, Великой Татаріи и Восточной Индіи.) — Стр. 64. . . . смотришь на безобразнаго Калмыка, и *рядомъ съ ними плѣняешься* ростомъ, одеждою и красотою Чер-

кеса. (Правильнѣе: плѣняешься ростомъ, одеждою и красотою Черкеса, стоящаго рядомъ съ ними).

Лучше было бы, еслибъ Г. Авторъ въ семъ новомъ изданіи согласилъ противорѣчія, которыя тамъ и здѣсь встрѣчаются; на примѣръ въ Iй части на стр. 6й Авторъ, замѣчая вообще о Малороссійскомъ народѣ, пишетъ: нѣтъ прекрасныхъ женщинъ; а на стр. 67 въ письмѣ изъ Кіева: я сижу въ царствѣ красоты; женщины однѣ другихъ прелестнѣе, и проч. — У Автора на стр. 31й монахъ говоритъ о пещерахъ: „Вы видите не каменные, но земляные своды" и проч., а далѣе на стр. 32й написано: взоры мои чрезъ каменные своды... летѣли на небо.

Предположивъ наблюдать краткость въ замѣчаніяхъ о вновь выходящихъ — не всѣхъ, но только нѣкоторыхъ — Россійскихъ книгахъ, мы невольнымъ образомъ написали болѣе, нежели хотѣли. Повторяемъ однакожъ, что многія неправильныя слова и фразы нами пропущены, и признаемся чистосердечно, что останавливались только надъ тѣми мѣстами, которыя можно было замѣчать безъ дальнихъ справокъ.

Сіе *новое*, *вновь обработанное* Авторомъ изданіе напечатано въ Типографіи Христо-

фора Клаудія, въ 12ю долю листа довольно четкими литерами. Будемъ ожидать еще новѣйшаго и болѣе исправнаго изданія *Путешествія въ Полуденную Россію.* Надѣемся, что Г-нъ Авторъ, по любви своей къ наукамъ и Россійской Словесности, не сочтетъ нашего мнѣнія оскорбительнымъ. Мы произносимъ его съ добрымъ намѣреніемъ, и имѣемъ уваженіе къ таланту и трудолюбію Г-на Измайлова.

ПОЛИТИКА.

I.

Объ Австрїйской Монархїи (*).

Австрїйская Монархїя въ наше время окружена Россїею, Францїею, Пруссїею и Турецїею; слѣдственно въ каждой политической перемѣнѣ въ Европѣ неминуемо должна принимать участїе. Важность, которую она имѣетъ отъ богатства земли своей, отъ многолюднаго населенїя и отъ силъ военныхъ, вдвое увеличилась отъ ея положенїя.

Владѣнїя Австрїйскаго Дома не составляютъ — подобно Россїи, Францїи и Испанїи — особой, отдѣленной части на земномъ шарѣ, такой части, гдѣ Политикѣ остается только хранить единство, котораго основанїе положено самою Натурою. Можно сказать, что та же самая Натура раздѣлила Австрїйскую Монархїю на пять великихъ частей. Округъ Австрїйскїй, вмѣстѣ съ областями, полученными въ вознагражденїе,

(*) Авторъ сей статьи есть Г. Мальте Брунъ, Датскїй Поэтъ и Литтераторъ, живущїй нынѣ въ Парижѣ. Онъ почерпалъ извѣстїя свои изъ сочиненїй особъ, весьма уважаемыхъ въ ученомъ свѣтѣ.

вмѣщаетъ въ себѣ 6,000 Французскихъ миль квадратныхъ (которыхъ 25 считается въ градусѣ) и 4,000,000 жителей. Королевство Богемское съ Моравіею и Австрійскою Шлезіею, составляетъ вторую часть Монархіи; въ нихъ полагается 3,900 кв. миль и 4,700,000 жителей. Подъ именемъ Галлиціи разумѣются земли, присоединенныя отъ Польши, и Буковина, отдѣленная отъ Молдавіи, къ которой она прежде принадлежала; пространство сихъ провинцій весьма велико; по всей вѣроятности, онѣ содержатъ въ себѣ 8,000 миль, а число жителей не превосходитъ $4\frac{1}{2}$ милліоновъ. Четвертую часть составляютъ: Венгрія, Седмиградская область, Славонія и прочія къ ней принадлежащія провинціи; часть сія равняется со всею Прусскою Монархіею пространствомъ и многолюдствомъ, — ибо поверхность земли ея вмѣщаетъ въ себѣ 15,400 миль кв. и около 9,200,000 жителей. Наконецъ, Австрійско-Венеціянскія области составляютъ хотя меньшую, но прекраснѣйшую часть Монархіи; содержатъ въ себѣ 1,900 миль кв. и два милліона жителей.

Разсмотрѣвъ и изслѣдовавъ точность показаній, и сложивъ все въ одно мѣсто, съ вѣроятностію можно заключить, что Австрійская Монархія нынѣ занимаетъ пространства на земномъ шарѣ 36,000 миль

кв., и вмѣщаетъ въ себѣ около 25 милліоновъ жителей: слѣдственно Австрія почти одною шестою частію болѣе, нежели Франція. Но пространство земли, на которомъ во Франціи помѣщается 100 человѣкъ, въ Австріи содержитъ только 66, въ Пруссіи 60, въ Россіи 14.

Государственная сила Австрійской Монархіи ослабѣваетъ отъ того, что жители ея раздѣлены между собою породою, языкомъ, выгодами. Едва можно насчитать въ ней 7 милліоновъ Нѣмцовъ. Число народа, происходящаго отъ племени Славянскаго, какъ-то: Богемцовъ, Поляковъ, Венгерскихъ Славянъ, простирается до 12 милліоновъ. Собственно такъ называемые Венгерцы составляютъ народъ совсѣмъ особой, и происходятъ не отъ Гунновъ, но отъ великаго племени Финновъ, которые въ старину обитали въ сѣверной и восточной Россіи. Наконецъ Волохи, Венеціяне, и другіе не столько многочисленные народы сохранили свой языкъ, свои нравы, память о славѣ предковъ своихъ, и собственныя выгоды, соотвѣтствующія мѣстнымъ обстоятельствамъ. Прибавьте къ тому, что каждая провинція имѣетъ свою особую конституцію. Одна Область Седмиградская управляется тремя разными способами. Въ Венгріи Дворянство безпрестанно старается ввести Аристократію. Положеніе

и нравы Тиролоцевъ даютъ имъ возможность помышлять о Демократіи. Венеціяне и Богемцы не забыли о старинныхъ своихъ преимуществахъ, которыя Австрійскою политикою весьма ограничены, между тѣмъ какъ Полякамъ оставлена одна только тѣнь ихъ Сеймовъ. Австрія есть соединенная Монархія. Іосифъ II почувствовалъ, сколь вредно сіе раздѣленіе выгодъ, сіе раздробленіе силы: но по своей пылкости употребилъ дурныя средства къ отвращенію зла; нападалъ на всѣ предразсудки и отвратилъ отъ себя сердца. Во всѣхъ провинціяхъ въ одинъ день хотѣлъ ввести строгое однообразіе, начиная отъ обрядовъ богослуженія даже до нарѣчій въ языкѣ. Сей преобразитель почиталъ достаточнымъ одно имянное повелѣніе, чтобы Венгерцовъ и Брабантцовъ превратить въ Нѣмецкихъ Философовъ, и принудить несравненно большую часть людей принять языкъ, нравы и образъ мыслей меньшей части. Слѣдствія столь насильственной системы угрожали Австрійской Монархіи конечнымъ разрушеніемъ. Тиролецъ роптал; Брабантецъ поднялъ оружіе; Полякъ въ молчаніи смотрѣлъ на страшныя движенія; жребій Австріи находился въ рукахъ Венгерцовъ, и сіи самые Венгерцы, которыхъ благородная вѣрность спасла Марію Терезію, сказали въ слухъ, что Іосифъ не есть Король ихъ, но посторонній завоеватель, потому что онъ не при-

зналъ нужнымъ короноваться въ Венгріи. Несчастный Монархъ, лежа на одрѣ смерти, услышалъ вопли мятежа и раздоровъ междоусобныхъ. Леопольдъ II, его преемникъ, тотчасъ по возцествіи своемъ на престолъ все передѣлалъ по старому, дозволилъ всѣмъ невозбранно держаться прежнихъ предразсудковъ, и каждой части Государства возвратилъ то, что народы почитаютъ основаніемъ своего счастія и залогомъ свободы.

Одно только дѣйствіе вѣковъ, медленное и непримѣтное, можетъ уничтожить преграды, раздѣляющія пылкую отважность Венгерцовъ отъ холоднаго равнодушія Австрійцевъ, грубое суевѣріе Волоховъ отъ остроумія и прилѣжанія Богемцовъ. Одно время въ состояніи приучить мужество Поляковъ и гордость Венеціянъ къ чуждому господству, сколь ни было бы сіе послѣднее благоразумно и счастливо.

Венеція, обитаемая людьми образованными, и Прага, ревнительница наукъ и художествъ, съ завистію взираютъ на блескъ Вѣны, осчастливленной присутствіемъ верховной власти — той самой Вѣны, на которую Берлинцы и даже жители Гамбурга нападаютъ эпиграммами. Вѣнскіе граждане носятъ на себѣ такое имя въ Германіи, подъ какимъ извѣстны были Беотійцы

въ древней Греціи, или жители Шампани во Франціи. Такіе предразсудки клонящіеся къ безславію націи конечно не основательны; однакожъ справедливо и то, что Вѣна не имѣетъ еще такого вліянія на общественный духъ и нравы жителей всего Государства, какое Парижъ и Лондонъ. Мыслящія головы почитаютъ сіе обстоятельство немаловажнымъ.

Поляки и Венгерцы съ нѣкотораго времени весьма ревностно стараются языкъ свой обработывать, обогащать и возводить на степень совершенства. Нѣмецкой языкъ только въ Богеміи и Моравіи пріобрѣтаетъ успѣхи.

Мы до сихъ поръ говорили о слабой сторонѣ Австріи. Взлянемъ теперь на блестящую картину богатства земли ея.

Богемія окружена горами, скрывающими въ нѣдрахъ своихъ драгоцѣнные камни, желѣзо, мѣдь, и въ особенности олово. Сосна и ель вѣнчаютъ вершины горъ сихъ; дубъ и липа покрываютъ хребты ихъ. Холмы красятся золотыми колосьями и пурпуровыми плодами. Грозды виноградные източаютъ пріятной напитокъ, хотя впрочемъ неудобной къ провозу въ земли отдаленныя. Пшеница, рожъ, ленъ и конопли имѣютъ отличную доброту; Богемской хмѣль почитается лучшимъ въ Европѣ. Теперь стара-

ются разводить породы хорошихъ овецъ, и сдѣлать шерсть болѣе тонкою и чистою. Заячья шерсть Богемская почитается драгоцѣнностїю на шляпныхъ фабрикахъ. Моравїя изобилуетъ почти всѣми произведенїями, которыми славится Богемїя; но въ горахъ Австрїйской Шлезїи скотоводство получило еще большїе успѣхи. Прекрасныя провинцїи, которыя сначала были обитаемы одними лѣнивыми Славянами, теперь обязаны Нѣмцамъ, поселившимся между горами, изобилїемъ въ полотнахъ, сукнахъ, кисеѣ, шляпахъ, стеклянной и хрустальной посудѣ: сїи издѣлїя ежегодно склоняютъ торговой перевѣсъ на ихъ сторону.

Собственно такъ называемая Австрїя, изобилующая болѣе виномъ, нежели хлѣбомъ, имѣетъ немаловажныя соловарни, хотя кристаллизацїя соли не почитается самою лучшею. По правилу государственнаго хозяйства, весьма худо обдуманному, стараются всѣ фабрики и мануфактуры помѣщать въ столицѣ. Фабрики шелковыя, бумажныя, Индїйскихъ матерїй, часовыя, галантерейныя и оружейныя находятся въ цвѣтущемъ состоянїи; однакожъ Императорская шерстяная фабрика, заложенная не далеко отъ Линца, несравненно всѣхъ ихъ полезнѣе.

Стирїя въ древнїя времена снабжала Римлянъ желѣзомъ; ея рудокопни и теперь

еще не истощились. Каринтской свинецъ не уступаетъ въ добротѣ Стирійскому желѣзу. Ртутные рудники Идрійскіе не имѣютъ нигдѣ себѣ подобныхъ. Наконецъ Тироль и Сальцбургъ обладаютъ необъятнымъ запасомъ каменной соли, которая лежитъ при сѣверной подошвѣ величественныхъ Альпъ, возносящихъ здѣсь верхи свои немного ниже Бѣлой Горы (*). Горы и острова суть отечество мужества, усилій и дѣятельности; на нихъ умъ отважнѣе, тѣло крѣпче. Въ Тиролѣ поселянинъ съ помощію веревочной лѣстницы взбирается на крутой утесъ, и засѣваетъ тамъ уголокъ земли, способной къ плодородію; желтыя колосья колеблются подъ ледяными горами, и награждаютъ трудъ земледѣльца. Вопреки неутомимой дѣятельности поселянъ Тирольскихъ, не всегда удается имъ оплодотворять непокорную землю; но это не приводитъ ихъ въ уныніе. Тиролецъ умѣетъ составлять ароматическую воду изъ Алпійскихъ растѣній; ловитъ сурковъ; развозитъ сіи богатства по Германіи, продаетъ мѣлочныя товары Италіянскія и съ немалымъ прибыткомъ возвращается къ своему стаду.

(*) Эрцгерцогъ Іоаннъ, имѣющій обширныя познанія въ Минералогіи и Геологіи, Князь — Архіепископъ Гуркъ и другія знаменитыя Особы недавно путешествовали по Альпамъ; описаніе сего любопытнаго путешествія напечатано въ Журналѣ Барона Молля.

Житель Австрійско - Венеціянскихъ областей не имѣетъ нужды столь трудными способами доставать себѣ пропитаніе; Альпы защищаютъ его отъ сѣвернаго вѣтра; для него стада Падуанскія покрываются мягкою волною, которая почти не уступаетъ Испанской; для него померанцовыя, фиговыя и лимонныя деревья украшаются листьями и плодами; для него гибкая виноградная лоза обвивается около вѣтвей шелковичнаго дерева, и защищаетъ отъ солнечнаго жара зрѣющую пшеницу. Живописныя горы Истріи и Далматіи возвышаются надъ множествомъ пристаней, которыя могутъ быть весьма полезны для торговли, когда соединятъ Дунай съ Адріятическимъ моремъ посредствомъ канала. Теперь уже стараются рѣку Кульпу, впадающую въ Саву, сдѣлать судоходною; отъ ея источника до Кварнарскаго мыса только шесть миль.

Венгрія получитъ весьма великія выгоды, когда откроется упомянутое сообщеніе. Сія часть Австрійской Монархіи достойна особливаго вниманія правительства. Ея произведенія безчисленны; не трудолюбіе, не догадливость умножаетъ ихъ, но благоразтворенный воздухъ и тучная почва. Здѣсь на обширныхъ пажитяхъ пасутся быки, удивляющіе величиною роговъ своихъ; тамъ на отлогихъ холмахъ прыгаютъ кони, быстрые

и сильные. Къ нивамъ, обремененнымъ богатою жатвою, примыкаютъ сады, наполненные деревами фиговыми, миндальными и каштановыми. Токайскія лозы виноградныя заимствуютъ вкусной сокъ отъ почвы изъ вывѣтреннаго базальта; кисти прежде высушиваются, потомъ кладутся въ тиски для давленія. Красное Сирмійское вино имѣетъ сходство съ Монтепульчіянскимъ; вообще въ винограде Славонскомъ и Кроатскомъ видно Греческое и Италіянское произхожденіе. Другія части Венгріи не представляютъ взору ничего пріятнаго. На горахъ и утесахъ, покрытыхъ лѣсами, изрѣдка родится овесъ; но внутренность ихъ изобилуетъ минеральными сокровищами — чистымъ золотомъ, превосходною мѣдью, единственнымъ родомъ опала, и множествомъ каменной соли.

Нѣтъ ни одной провинціи въ Австрійской Имперіи, которая не была бы богата своими особенными произведеніями. Холодная Галлиція гордится тучными стадами, плодоносными нивами и въ особенности славными соляными рудниками, находящимися подлѣ Велички; сіи рудники столько извѣстны, что излишне было бы здѣсь о нихъ разпространяться. Выгоды отъ желѣзныхъ рудъ, отъ лѣсовъ и овцеводства могли бы озолотить Галлицію; но главнѣйшіе каналы, которыми Натура снабдила страну сію для

вывоза товаровъ, то есть Висла и Днѣстръ, большею частїю находятся подъ чужимъ владѣнїемъ. То же можно сказать о Дунаѣ, вразсужденїи Венгрїи, и объ Эльбѣ, вразсужденїи Богемїи. Такимъ образомъ Австрїя, послѣ многократныхъ присоединенїй областей къ своимъ владѣнїямъ, все еще видитъ себя стѣсненною со всѣхъ сторонъ, потому что со всѣхъ сторонъ имѣетъ сосѣдовъ.

Взглянувъ на Австрїйскїя границы въ отношенїи военномъ, тотчасъ увидимъ невыгоды системы частнаго округленїя (partiellen arrondiſſements). Галлицїя и ея границы не имѣютъ натуральной защиты. Австрїйскїя войска въ случаѣ войны съ Россїянами или Прусаками, могутъ надѣяться только на свою храбрость и на безопасное отступленїе въ Карпатскїя горы. Богемїя теперь защищена отъ внезапнаго нападенїя: крѣпости Эгра, Терезїенштадтъ, Плесъ, Ольмюцъ, окружаютъ Прагу. Тироль есть другая защита для Австрїи; онъ и Богемїя суть два бастїона, которые непремѣнно должны быть соединены славною линїею рѣки Инна. Въ прежнихъ Венецїянскихъ областяхъ являются крѣпости; но положенїе Далматїи и линїя отъ устья Каттаро до Орсовы или Бѣлграда показываютъ, что Австрїи много еще остается сдѣлать.

Австрїйская военная сила состоитъ въ мирное время изъ 380,000 человѣкъ, то есть изъ 240,000 регулярной пѣхоты, 50,000 регулярной конницы, 12,000 артиллерїи, 70,000 пограничной милицїи и другихъ войскъ нерегулярныхъ. Венгерская и Польская конница страшна въ сраженїи; Тирольцы искусно стрѣляютъ въ цѣль. Австрїйцы, побывавши въ ужасной школѣ семилѣтней войны, сдѣлались не послѣдними солдатами въ Европѣ. Неудачи, которыя терпѣло войско въ сраженїяхъ, произошли отъ влїянїя Придворнаго Военнаго Совѣта, нынѣ ограниченнаго Эрцгерцогомъ Карломъ, однакожъ не уничтоженнаго. Генералы не смѣли побѣждать, не изпросивъ прежде на то дозволенїя изъ Вѣны. Упомянутый Принцъ явно жаловался на безпорядокъ, господствующїй между Чинами, и заслужилъ почтенное титло возстановителя военной дисциплины въ своемъ отечествѣ.

Австрїйская морская сила еще младенчествуетъ. Г. Лихтенштейнъ увѣряетъ, что въ 1802 мъ году во всѣхъ Австрїйскихъ пристаняхъ находилось 2,400 судовъ нацїональныхъ, не изключая изъ сего числа и самыхъ малыхъ рыбачьихъ лодокъ. Я думаю, что Австрїйцамъ принадлежитъ не болѣе 500 такихъ судовъ, которыя поднимаютъ сверхъ десяти бочекъ. Безъ владѣ-

ній при морѣ, которыя должны быть вдвое или втрое болѣе нынѣшнихъ, Австрія и Пруссія едва ли успѣютъ завести у себя морскія силы; успѣхи отъ нихъ также были бы весьма сомнительны.

Система Государственныхъ доходовъ терпѣла, и нынѣ безпрестанно терпитъ, столь многія перемѣны, что я ничего о ней сказать не въ состояніи. Доходы, которые тому два или три года весьма увеличились, простираются до 193 милліоновъ Вѣнскихъ гульденовъ — сумма, содержащая въ себѣ 507 милліоновъ франковъ, если гульдены считать въ той цѣнѣ, въ какой они принимаются въ Австріи. Но какъ вексельной курсъ слишкомъ прихотливъ, и гульдены внѣ Австріи имѣютъ другую цѣну, то упомянутая сумма едва ли составитъ и 400 милліоновъ франковъ. Вообще доходы Австріи вдвое превышаютъ доходы Пруссіи, и немногимъ менѣе тѣхъ, какіе, по отчетамъ Г-на Неккера, Франція имѣла въ 1789мъ году.

(Изъ Арх. Мин.)

II.

Жизнь Нельсона.

Горацій Нельсонъ родился въ Бурнгамъ-Торнѣ, въ Норфолькскомъ Графствѣ, 23 Сентября 1758 года. Онъ былъ четвертой сынъ Священника Эдуарда Нельсона и Катерины Сукклингъ, и произошелъ отъ древнихъ Англійскихъ Фамилій, Вальпольской и Сукклингской. Поучившись въ Норвичской высшей школѣ, потомъ въ Нортъ-Вальгамской, вступилъ въ морскую службу 1770 на 64 пушечномъ кораблѣ: *Резонабль*, бывшемъ подъ начальствомъ Капитана Сукклинга, его дяди, которой послалъ молодаго Нельсона въ Восточную Индію на купеческомъ суднѣ, потому что корабль, имъ управляемый, на ту пору не былъ назначенъ къ отплытію въ путь дальній. По возвращеніи Нельсона въ отечество, 1772 года въ Іюлѣ мѣсяцѣ Капитанъ Сукклингъ особое приложилъ стараніе научить племянника своего искуству мореходства. Тутъ приобрѣлъ онъ основательныя познанія, какъ переплывать мѣста опасныя, и подходить къ берегамъ неприступнымъ; тутъ положено основаніе отважнымъ предпріятіямъ и подвигамъ знаменитымъ.

Въ 1773 году Нельсонъ получилъ дозволеніе сотовариществовать Капитану Фип-

пеу, бывшему потомъ Лордомъ Мюльгравомъ, въ славномъ путешествіи къ сѣверному полюсу, въ качествѣ Шкипора. Въ самое опасное время, ему поручено начальство надъ четырех-весельнымъ ботомъ; велѣно пробиваться сквозь льды, и осматривать каналы. Неустрашимость его была столь чрезвычайна, что въ одинъ вечеръ онъ отважился выскочить изъ бота на ледъ, и гоняться долго за медвѣдемъ, котораго кожу захотѣлось ему отослать въ Англію къ своему отцу.

По возвращеніи изъ сего путешествія, въ концѣ 1773 года, онъ перешелъ на корабль Си-Горсъ, бывшій подъ начальствомъ Капитана Фармера, которой отправлялся въ Восточную Индію. Находясь на семъ кораблѣ, Нельсонъ имѣлъ случай узнать моря Индійскія, отъ Бассоры до Бенгала. Служба и климатъ повредили его здоровье, такъ что начальствующій на сей станціи принужденъ былъ отправить его обратно въ Англію.

Нельсонъ прибылъ въ Вульвичь 24 Сентября 1776 года, и въ 26 день получилъ повелѣніе въ чинѣ Поручика на кораблѣ Ворчестерѣ, подъ начальствомъ Капитана Робинсона, отправиться къ Гибралтару, куда и приплылъ 2 Апрѣля 1777 года, претерпѣвши въ пути многія опасности. Въ сіе время неутомимою дѣятельностію и скорою

рѣшительностїю приобрѣлъ себѣ такое уваженїе, что Капитанъ Робинсонъ часто говаривалъ: „я всегда спокоенъ, когда Нельсону очередь стоять на караулѣ; онъ въ искусствѣ своемъ не уступаетъ ни одному изъ опытнѣйшихъ Офицеровъ.“

Первое послѣ того путешествїе Нельсоново было въ Западную Индїю на 32-пушечномъ кораблѣ: *Ловестофъ*. Скоро по прибытїи въ Ямайку, онъ принялъ начальство надъ легкимъ судномъ, на которомъ надлежало плыть черезъ узкїе проходы, находящїеся между малыми островами, на сѣверной сторонѣ Испаньйолы, и узнать всѣ мѣста опасныя. Нельсонъ прежде всѣхъ взошелъ на бордъ корабля Американскаго, которымъ овладѣлъ *Ловестофъ*. — 1778 Произведенъ въ третьи Поручики на Адмиральской корабль *Бристоль*. — 1779 Пожалованъ Капитаномъ. Покоренїе крѣпости Св. Іоанна, при заливѣ Мексиканскомъ, должно приписывать единственно военнымъ дарованїямъ Капитана Нельсона. Слабость здоровья заставила его возвратиться въ Англїю. Потомъ опять онъ служилъ нѣсколько лѣтъ на водахъ Западной Индїи. Въ 1787 году женился на вдовѣ Г-жѣ Несбитъ, дочери Судьи острова Невиса, и по возвращенїи въ Англїю жилъ съ отцемъ своимъ до 1798 года.

Въ Январѣ мѣсяцѣ поручено ему начальство надъ 65-пушечнымъ кораблемъ: *Агамемнонъ*, и велѣно служить на Средиземномъ морѣ подъ управленіемъ Лорда Гуда, которой немедленно удостоилъ Нельсона отличнымъ своимъ довѣріемъ. Надлежало ли напасть на батареи, захватить корабли въ пристаняхъ, высадить войско, узнать опасныя мѣста — все это дѣлалъ Нельсонъ, и особенно отличился на сраженіяхъ при Бастіи, Кальви и въ Корсикѣ. 1794 Года, при осадѣ Кальви, лишился праваго глаза отъ ружейнаго выстрѣла. Адмиралъ Гопамъ, заступившій мѣсто Гуда, поручилъ ему дѣйствовать на Генуэзскомъ берегу вмѣстѣ съ Австрійскимъ Генераломъ. Сиръ Джонъ Джервисъ сдѣлалъ его начальникомъ 74-пушечнаго корабля. Искуство Нельсоново и храбрость приобрѣли новую славу при взятіи Порто-Феррайо и острова Капреи, также при очищеніи Бастіи. При Сен-Винцентѣ Нельсонъ сдѣлалъ славной подвигъ, когда помѣшалъ Испанскому Адмиралу съ 18 линейными кораблями соединиться съ 9 другими, которые Сиру Джону Джервису удалось отогнать отъ флота. Нельсонъ одинъ сражался долго съ кораблемъ *Сантиссима Тринидада* о 136 пушкахъ, и другими приходившими къ нему на помощь, и овладѣлъ двумя изъ нихъ. Орденъ Бани, Королевская медаль и грамата на гражданскія преиму-

щества города Лондона, поднесенная Нельсону въ золотомъ ящикѣ, были наградою за сїе знаменитое дѣло.

Въ Апрѣлѣ 1797 года Нельсонъ произведенъ Контръ-Адмираломъ Синяго флага. Бывъ начальникомъ эскадры наблюдательной передъ Кадиксомъ, онъ отличился новыми подвигами, изъ которыхъ главнымъ почесть можно бомбардированїе города Кадикса и его пристани. Въ Іюлѣ поручено ему было напасть на Вера-Круксъ, что на островѣ Тенерифѣ. Городъ былъ взятъ, но крѣпость устояла противу всѣхъ усилїй искуснаго и храбраго Нельсона. Англичане принуждены были отступить. Здѣсь Нельсонъ потерялъ руку, и безъ нѣжныхъ попеченїй пасынка своего, Г-на Несбита, конечно умеръ бы отъ полученной раны. Сїе обстоятельство заставило его возвратиться въ Англїю для излѣченїя, и не прежде опять вступить въ службу, какъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ.

Когда Нельсонъ, потерявъ руку, въ первой разъ прїѣхалъ во Дворецъ, Король изъявилъ ему сердечное свое участїе и благосклонность. „Меня ни мало не безпокоитъ — отвѣчалъ Герой — сїя неважная потеря, которая была слѣдствїемъ исполненїя моей должности. Пока не лишусь силы держаться на ногахъ, до тѣхъ поръ не перестану служить моему Королю и отечеству.“

Надлежало наградить Нельсона. Обыкновенїе требовало, чтобы онъ подалъ описанїе своей службы. Нельсонъ со всею скромностїю объявилъ, что участвовалъ на сто-двадцати сраженїяхъ противъ непрїятелей, и что взялъ и потопилъ пятьдесять кораблей купеческихъ.

Въ Апрѣлѣ 1798 года онъ соединился съ Графомъ Сен-Винцентомъ. Въ Маѣ, съ 13 линейными кораблями, двумя фрегатами и одною корветтою отправился искать Французовъ на берегахъ Египта. 1 Августа далъ имъ сраженїе при входѣ въ заливъ Абукирской. Непрїятель, разположась между отмѣлями и берегомъ, подъ прикрытїемъ батарей и канонерныхъ шлюбокъ, занялъ позицїю совершенно неприступную. Опытность Адмирала Нельсона и его искуство проходить черезъ мѣста опасныя, дозволили ему рѣшиться на такой поступокъ, котораго при другихъ обстоятельствахъ ничѣмъ не можно было бы извинить. Онъ сталъ впереди аван-гарда, и повелъ за собою всю эскадру. Корабль его *Вангаръ* потерпѣлъ весьма много. Нельсонъ былъ раненъ въ голову, и отнесенъ въ каюту. Сперва почли рану его смертельною; не смотря на то, Нельсонъ дозволилъ Лѣкарю осмотрѣть себя не прежде, какъ дошла до него очередь. Послѣ того онъ написалъ прекрасное оффицїальное

донесенїе, которое было напечатано въ Вѣдомостяхъ. Сїя побѣда разрушила надежды Наполеона Бонапарте, которыя много обѣщали ему отъ Египетскаго похода; отдала скипетръ владычества на Средиземномъ морѣ въ руки Англичанъ; возбудила мужество въ народахъ на твердой землѣ обитающихъ; возстановила въ областяхъ приморскихъ упадающее довѣрїе къ неустрашимости Англичанъ и ихъ непобѣдимой твердости. Симъ подвигомъ Нельсонъ приобрѣлъ любовь всѣхъ Англинскихъ мореходцевъ, признательность Монарха, благодарность обоихъ Парламентовъ, достоинство Пера Королевства и знатную пенсїю. По прибытїи въ Неаполь, онъ принятъ какъ спаситель Короля и Королевства. Въ Декабрѣ, Нельсонъ осадилъ Мальту. Въ Мартѣ возвратилъ Неаполитанское Королевство законному Государю, и въ награду получилъ отъ него шпагу, украшенную алмазами, достоинство Герцога Бронтскаго и богатое помѣстье.

Во 2 день Апрѣля 1801 года Нельсонъ отличился передъ Копенгагеномъ. Потомъ ему поручено было сдѣлать нападенїе на канонерныя шлюпки, стоявшїя подъ Булонью. Если бы переговоры о мирѣ не остановили сего предпрїятїя, то нѣтъ сомнѣнїя, что оно было бы произведено въ дѣйство съ желаемымъ успѣхомъ. Кажется, судьба

предоставила сей подвигъ славѣ Сира Сиднея Смита.

По возобновленіи войны, Нельсону поручено начальство на Средиземномъ морѣ. Всему свѣту извѣстно, съ какимъ благоразуміемъ, съ какимъ искуствомъ Нельсонъ отправлялъ свою должность. Онъ крайне хотѣлъ начать рѣшительной бой съ непріятелемъ, которой прятался въ своихъ пристаняхъ; чрезвычайно обрадовался, когда узналъ, что флотъ Тулонскій вышелъ въ морѣ. Нельсонъ надѣялся настичь его; но флотъ ускользнулъ отъ его бдительности; успѣлъ соединиться съ Испанскимъ. Герой зналъ, куда онъ направитъ путь свой, и объявилъ, что будетъ преслѣдовать непріятеля до самыхъ Антиподовъ. Недалеко отъ Антигои онъ нашелъ бѣглецовъ, которые однакожъ опять ускользнули. Нельсонъ возвратился въ Англію. Слабое здоровье его требовало отдыха; но величіе духа, дѣятельность и надежда поразить непріятеля дали ему новыя силы. Онъ снова пустился въ море съ твердою рѣшительностію разбить соединенной флотъ непріятельской, которому нѣсколько уже разъ удавалось спасаться. Въ Англіи ожидали скоро получить извѣстіе о чрезвычайномъ событіи — и получили. . . . Герой совершенно разбилъ непріятельскіе флоты,

почти разрушилъ ихъ и самъ скончалъ животъ свой.

Всѣмъ извѣстны подробности славнаго сраженія при Трафальгарѣ. Остается сказать нѣсколько словъ о душевныхъ и тѣлесныхъ качествахъ Героя. Съ самаго нѣжнаго дѣтства, оказался въ немъ геній и умъ пылкой. По особенной рѣшительности и совершенству въ знаніи своего дѣла, онъ иногда отваживался на такіе поступки, которые людямъ несвѣдущимъ легко могли казаться слѣдствіемъ безразсудства. Предстоящія опасности возбуждали въ немъ душевныя силы и способности — вотъ въ чемъ состояло главное свойство его характера. Онъ съ отеческою нѣжностію пекся о благѣ своихъ подчиненныхъ: отъ того каждой матросъ охотно подвергался всѣмъ опасностямъ. Эгоизмъ и жадность къ корысти были предметами всегдашняго его презрѣнія. Нельсонъ любилъ нѣжно своего отца, братьевъ и сестеръ. Не бывъ тщеславнымъ, онъ не гнушался похвалами, зная, что заслужилъ ихъ честнымъ образомъ. Лордъ Нельсонъ уважалъ изящныя искуства, и съ патріотическимъ усердіемъ принималъ участіе во всемъ томъ, что способствуетъ успѣхамъ гражданской жизни и славѣ отечества. Душа его пламенѣла чистою любовію ко Всевышнему. — Онъ былъ собою статенъ,

имѣлъ ростъ посредственной, взоры быстрые, плѣняющіе, повелительные и вмѣстѣ кроткіе. Смерть постигла его на 47 мъ году отъ рожденія.

(*Изъ Лонд. Вѣдом.*)

III.

Извѣстія и замѣчанія.

1804 Годъ названъ Императорскимъ — и не безъ причины. Наполеонъ Бонапарте примѣромъ своимъ возбудилъ желаніе въ Австрійскомъ Эрцгерцогѣ возвести малую область на степень Имперіи; онъ же подалъ примѣръ и Дессалину, начальнику горсти черныхъ мятежниковъ, провозгласить себя Императоромъ. Какое дадутъ названіе протекшему году? можно напередъ ручаться, что его наименуютъ — *военнымъ.* На моряхъ всѣхъ частей земнаго шара отдаются военные громы; на сушѣ въ старомъ свѣтѣ и новомъ льются потоки человѣческой крови; почти всѣ Государства Европы принимаютъ въ войнѣ участіе — однѣ посредственное, другія непосредственное.

Конецъ прошлаго года былъ весьма богатъ важными произшествіями. Нетерпѣливо ожидаемъ подробнаго описанія о славной

битвѣ въ Моравіи при Австерлицѣ между Россійско - Австрійскимъ и Французскимъ войсками. На первой случай для насъ довольно и того, что, по всѣмъ извѣстіямъ, побѣда осталась на сторонѣ Рускихъ; опровергать же газетныя статьи, сочиняемыя во Франціи — почитаемъ за излишнее. Каждому извѣстно, что Французы сражаются *хорошо*, но пишутъ еще *лучше*. Парижскіе Журналисты, напримѣръ, увѣряютъ, что битва при Трафальгарѣ осталась *нерѣшенною* (!!) — хотя всѣ охотники до политическихъ новостей знаютъ почти наизусть, сколько кораблей и людей потерялъ соединенный флотъ на семъ несчастномъ для него сраженіи; — они увѣряютъ, что Князь Багратіонъ, съ *тридцатью* тысячами Рускихъ, отступалъ отъ Французовъ, которыхъ было не болѣе *шести* тысячь (!!), и что Французы при семъ случаѣ прославились Геркулесовыми подвигами — хотя вся Европа увѣрена въ противномъ.

Курфиршество Ганноверское занято Россійскими и Англійскими войсками. Прусаки мало по малу выходятъ изъ Геттингена и соединяются въ Саксонскихъ владѣніяхъ и Франконіи. Въ Мильгаузенѣ заложены Прусскіе магазины. Всѣ обстоятельства показываютъ, что дѣла военныя примутъ совсѣмъ другое направленіе. Въ Нидерландахъ собирается многочисленной Французской корпусъ

подъ начальствомъ Лудовика Бонапарте, которому назначено защищать Голландію. Колонны Шведскихъ войскъ идутъ въ Вестфалію. Въ Англіи безпрестанно собираютъ и отправляютъ отряды для высадки въ Германіи. Эрцгерцогъ Карлъ приближился къ Венгріи. Главная квартира Массены находилась въ Лайбахѣ. Русскія и Англійскія войска вышли на берегъ въ Неаполитанскомъ Королевствѣ, и приняты съ разпростертыми объятіями; сей случай принудилъ Французскаго Посланника выѣхать изъ Неаполя.

Римскій Императоръ ведетъ съ Наполеономъ мирные переговоры. Весьма любопытно знать, какой удѣлъ останется первому изъ нихъ, когда области его розданы будутъ Наполеоновымъ поклонникамъ? ибо: 1. Курфирстъ Баварскій конечно не менѣе думаетъ о разпространеніи своихъ владѣній, какъ и о вѣнцѣ Королевскомъ; 2. Венеція можетъ быть присоединена къ Италіянскому Королевству, которое — какъ увѣряютъ — въ особѣ Евгенія Богарне получитъ Короля безсмѣннаго; 3. Бонапарте предлагаетъ Венгерскимъ Магнатамъ выбрать себѣ Короля изъ ихъ націи. Прибавимъ, что при раздѣлѣ великаго Государства всѣ сосѣды объявляютъ права на разныя присвоенія. Двукратной раздѣлъ Польши служитъ тому примѣромъ самымъ убѣдительнымъ. — Слухъ

о заключенiи особаго (безъ соглашенiя съ союзниками) примиренiя между Францiею и Австрiею произвелъ въ Лондонѣ весьма сильное впечатлѣнiе. Англичане не хотятъ вѣрить сему обстоятельству — столько оно кажется имъ чрезвычайнымъ!

Путешествiе Iозефины Бонапарте, которая теперь находится въ Минхенѣ, предпринято конечно не для забавы. Ея присутствiе при возведенiи Курфирста Баварскаго въ Королевское достоинство, есть обстоятельство совсѣмъ постороннее. Между тѣмъ пишутъ изъ Вѣны, что и самъ Бонапарте скоро приѣдетъ въ сiю столицу. Если прибавить одно замѣчанiе, а именно, что въ Парижѣ заказано сдѣлать новую корону Королевскую, то едва ли не правда, что сiя корона готовится для головы Наполеоновой. Впрочемъ всѣ нынѣшнiя извѣстiя и слухи вообще не вѣрны, и можетъ быть никогда еще не было ихъ выпущено въ такомъ множествѣ. Теперь всего безгрѣшнѣе говорить о томъ, что случилось, не ломая головы надъ несбыточными догадками.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ЯНВАРЬ, 1806.

№ 2.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Что сдѣлано въ Россіи для просвѣщенія народа и для славы Отечества отъ времянъ Рюрика до ПЕТРА Великаго.

(*Окончаніе.*)

Ѳеодоръ, сынъ и наслѣдникъ Царя Іоанна Васильевича, по причинѣ слабости своей, ввѣрилъ кормило управленія Государствомъ своему шурину, Борису Ѳеодоровичу Годунову. Не упоминаемъ о поступкахъ, подлежащихъ суду Всевѣдущаго, передъ которымъ открыты тайны помысловъ и дѣяній человѣческихъ: не изслѣдованіе, но повѣствованіе несомнительныхъ произшествій есть предметъ нашего занятія. Мы не намѣрены

судить Мужей незабвенныхъ въ исторіи образованія Россійскаго народа; хотимъ изчислить заслуги, оказанныя ими Отечеству. Если Россія укрѣплялась, благоденствовала и процвѣтала подъ скипетромъ Царя Ѳеодора Іоанновича: то всѣмъ симъ она обязана Годунову. Его умъ, быстрый и проницательный, его необыкновенныя дарованія и свѣдѣнія, его глубокая политика, его качества душевныя, передъ которыми ничего не значило самое величіе сана — удивляли Европу, и обратили къ нему взоры и сердца Россіянъ. Въ сіе время Сибирь совершенно покорена и навсегда присоединена къ Царству Русскому; возобновлено перемиріе со Шведами и Поляками; построены новые города; учрежденъ въ Москвѣ престолъ Патріаршескій.

Когда Рюриково поколѣніе, управлявшее Россіею болѣе семи сотъ лѣтъ, пресѣклось; любовь народная поднесла Царской вѣнецъ Борису — и Борисъ въ короткое время своего царствованія успѣлъ оправдать выборъ народа.

Крымскіе Татаре набѣгами безпокоили южные предѣлы Россіи. Борисъ мудростію своею умѣлъ поселить въ нихъ такой ужасъ, такое высокое мнѣніе о силѣ и величіи Царства Русскаго, что хищники долго не могли отваживаться нападать на его владѣнія.

Подобно предшественникамъ своимъ, Царь Борисъ особенно старался разпространить просвѣщенїе въ Россїи. Онъ принялъ въ службу свою солдатъ чужестранныхъ, и дозволилъ имъ не только носить платье по ихъ обычаю, но даже отправлять свободно богослуженїе вѣры, ими исповѣдуемой. Лифляндцамъ, которыхъ взялъ въ плѣнъ Царь Іоаннъ Васильевичь, даровалъ свободу; повелѣлъ отпустить имъ безъ процентовъ деньги изъ казны своей, для оживленїя торговли; выгоды торговыхъ Голландцевъ сравнилъ съ выгодами Англичанъ; возстановилъ и разпространилъ преимущества городовъ Ганзеатическихъ.

Еще въ царствованїе Ѳеодора Іоанновича искуства получили новые успѣхи въ Россїи. Андрей Щоховъ, природной Россїянинъ, вылилъ двѣ большїя пушки, которыя и теперь еще своею величиною удивляютъ охотниковъ до рѣдкостей (*). Но науки приобрѣли несравненно болѣе отъ попеченїй Бориса Ѳеодоровича. Онъ призвалъ въ Россїю Врачей и Аптекарей; назначилъ славному Англїйскому

(*) Пушки сїи, *Аспидъ* и *Троилъ*, стоятъ въ Кремлѣ. Въ первой вѣсу 370, во второй 430 пудъ. — *Единорогъ*, въ которомъ вѣсу 779 пудъ, вылитъ при Царѣ Алексїѣ Михайловичѣ.

Математику *Іоганну Дее* десять тысячь рублей годоваго жалованья за наученіе Царевича. Ему хотѣлось вызвать изъ Германіи, Англіи и Франціи многихъ ученыхъ мужей для образованія Россійскаго юношества. Осмнадцать молодыхъ Россіянъ было отправлено въ чужіе краи для изученія языкамъ и искуствамъ; надъ пятью изъ нихъ поручено надзираніе Любекскому Магистрату, а трое служили при Дворѣ Карла IX., Короля Шведскаго.

Онъ поручилъ сдѣлать первую Географическую карту Русскаго Царства, которая вырѣзана была въ Голландіи, и послѣ смерти Годунова поднесена Царю Михаилу Ѳеодоровичу.

Слава о мудрости и дѣяніяхъ Бориса разпространилась въ Европѣ, и сильные Монархи вмѣняли себѣ въ честь имѣть его своимъ родственникомъ. Два знаменитые Принца, Густавъ Шведскій, и Іоганъ сынъ Христіана IV., Короля Датскаго, старались получить руку прекрасной Ксеніи, его дщери. Почти всѣ чужестранные Государи искали его дружбы. Послы изъ Англіи, Даніи, Швеціи, Польши, изъ Турціи, изъ Персіи, отъ Римскаго Императора, отъ Папы, отъ Крымскихъ Хановъ, съ благоговѣніемъ стояли предъ его престоломъ, и цѣпенѣли отъ

изумленія, взирая на величіе Царя Русскаго и пышность Двора его. Любовь къ народу, умъ и щедрость Бориса обнаружились во всемъ блескѣ своемъ, когда, во время двухлѣтняго голода, онъ питалъ бѣдныхъ. Другой, менѣе дальновидной, Государь въ подобномъ случаѣ заботился бы только объ отвращеніи народнаго бѣдствія: Годуновъ нашелъ средства самое несчастіе обратить на пользу художествъ. Народъ не только не умиралъ отъ бездѣйствія и голода, но имѣлъ работу, получалъ за нее плату, и былъ доволенъ. *Иванъ Великій*, *Грановитая Палата* и многія другія пышныя зданія, Смоленская крѣпость и построенные города — суть памятники ума Борисова, его щедрости и любви къ народу.

Послѣ его кончины Государство претерпѣло ужасныя бѣдствія. Безначаліе воздвигло престолъ свой въ Россіи; враги внутренніе и внѣшніе терзали Отечество, и едва едва не уничтожили всего, что ни было сдѣлано для его благоденствія въ продолженіе многихъ столѣтій.

Провидѣніе избрало Михаила Ѳеодоровича Романова для занятія осиротѣвшаго престола, для избавленія Царства Русскаго, для разпространенія успѣховъ народнаго образованія. Сей Монархъ, сопряженный

союзомъ родства съ древними Великими Князьями и Царями, былъ кротокъ и милостивъ, мудръ и искусенъ, былъ другъ тишины и порядка; охотно выслушивалъ совѣты и наставленія, а особливо отъ Патріарха Филарета, своего родителя. Бывъ увѣренъ, что благонравіе и просвѣщеніе тамъ только распространяются и успѣваютъ, гдѣ благодатной миръ покоитъ гражданъ, онъ тотчасъ приступилъ къ возстановленію спасительнаго порядка въ Государствѣ; заключилъ миръ со Шведами и Поляками; для удержанія Крымскихъ Татаръ отъ набѣговъ, южные предѣлы Россіи укрѣпилъ окопами.

Тогда уже можно ему было направить все вниманіе свое на успѣхи народнаго образованія, которымъ, какъ извѣстно, весьма много способствуетъ торговля и сообщеніе съ Государствами чужестранными. Для того Царь Михаилъ отправлялъ Посольства въ Данію, Турцію, Персію и даже въ Китай; принималъ благосклонно иностранцевъ, а особливо Нѣмцовъ, оставившихъ свое отечество — которое тридцать лѣтъ было опустошаемо войною за вѣру — и принесшихъ въ Россію свои художества, промышленность и образованность; по примѣру вѣнценосныхъ своихъ Предшественниковъ, дозволилъ симъ пришельцамъ свободно отправлять богослуженіе по ихъ исповѣданію. Въ его благо-

дашное царствованіе искуство врачеванія начало быть истинно полезнымъ въ Россіи; для отвращенія злоупотребленій и для наблюденія порядка, учрежденъ *Аптекарской Приказъ*, которому поручено имѣть въ своемъ вѣдомствѣ всѣхъ Врачей и Аптекарей, и пещись о сохраненіи здоровья городскихъ жителей. Царь Михаилъ возстановилъ книгопечатню, разрушенную Поляками. Въ Москвѣ и Кіевѣ изданы многія, а особливо церковныя, книги на Славянскомъ и Россійскомъ языкахъ. Стоитъ только справиться съ *Опытомъ Историческаго Словаря о Россійскихъ Писателяхъ*, и съ *Каталогомъ* о книгахъ и рукописяхъ, хранящихся въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ, чтобъ увидѣть и удостовѣриться, что въ шестьнадцатомъ столѣтіи Россіяне сочиняли книги и занимались науками. Сюда принадлежатъ: *Православное исповѣданіе вѣры соборныя и Апостольскія Церкви восточныя*, надъ переложеніемъ которой трудился ученый Митрополитъ Кіевскій Петръ Могила, — *Старинный военный Уставъ ратныхъ, пушкарскихъ и другихъ дѣлъ, касающихся до военной науки*, — *Лексиконъ Славенороссійскій*, и многія другія. Слава Великаго Монарха живетъ въ потомствѣ, живетъ въ дѣлахъ его преемниковъ, возведшихъ Отечество на ту степень образованности и просвѣщенія, на которой оно теперь находится.

Алексій Михайловичь на шестьнадцатомъ году отъ рожденія вступилъ на престолъ отеческій. Сей Монархъ, воспитанный по приличію высокаго сана своего и назначенія, получилъ въ удѣлъ отъ природы кроткія добродѣтели родителя, и любовь ко славѣ военной, которая одушевляла Царя Іоанна Васильевича. По укрощеніи мятежей народныхъ въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ, Царь началъ помышлять о возвращеніи земель, которыхъ Россія лишилась въ смутныя времена раздоровъ, нашествія Поляковъ и Шведовъ. Онъ завоевалъ Бѣлоруссію и Литву; присоединилъ къ обширному своему Царству Кіевъ, древнюю столицу Великокняжескую, со многими другими городами Малой Россіи; присутствовалъ на приступахъ и сраженіяхъ, и заслужилъ несомнительное право стоять на ряду съ вѣнценосными Героями. Военныя упражненія не препятствовали ему въ тоже время пещись о внутреннемъ управленіи Государства и о просвѣщеніи народа. Онъ ободрилъ земледѣліе, учредилъ фабрики и мануфактуры, распространилъ торговлю, населилъ степи по Волгѣ и Камѣ полоненными Польскими, Литовскими и Татарскими семействами. Въ его царствованіе учреждены близь Москвы рудокопные заводы, и въ первой разъ выбиты рубли и полуполтинники.

Великій Мужъ помышлялъ о заведеніи въ Россіи мореходства и флотовъ; судьба предоставила сыну его, Петру Первому, произвести въ дѣйство сіе намѣреніе. Онъ повелѣлъ Голландскому корабельному Капитану, Давиду Буттлару, построить на Окѣ фрегатъ, названный *Орломъ*, и многія другія суда меньшаго сорта. Если бы злодѣй Разинъ не изтребилъ сей небольшой флотиліи, которая спустившись внизъ по Волгѣ плавала уже на Каспійскомъ морѣ: то *Орелъ*, не ботикъ, считался бы дѣдомъ Россійскихъ флотовъ.

Слѣдующее обстоятельство показываетъ, какое уваженіе Царь имѣлъ къ справедливости и достоинству сана Вѣнценосцевъ. Кромвель, послѣ низложенія и казни несчастнаго Короля Карла I., отправилъ ко Двору Московскому Посольство для объявленія о перемѣнѣ правленія, и для того, чтобы изпросить продолженіе дружескихъ сношеній между обоими народами. Когда всѣ Монархи Европы не постыдились признать похитителя верховной власти въ достоинствѣ Протектора Англіи — Царь Алексій не скрылъ праведнаго своего негодованія, не принялъ Пословъ Кромвелевыхъ, и оказалъ великодушную помощь Карлу II., изгнанному изъ отечества.

Въ царствованіе Алексія Михайловича науки болѣе и болѣе укрѣплялись въ силахъ: ибо Царь былъ не только Герой побѣдоносный, но и Законодатель по части гражданской и духовной. Онъ повелѣлъ вновь напечатать въ Москвѣ Острожскую Библію, исправленную и умноженную; по совѣту Патріарха Никона, предпринялъ издать церковныя книги, сличивъ ихъ съ Греческими подлинниками и исправивъ вкравшіяся погрѣшности; не пощадилъ большой суммы на покупку въ Греціи, а особливо на горѣ Аѳонской, около пяти сотъ рукописей, которыя до сихъ поръ хранятся въ библіотекахъ Святѣйшаго Сѵнода. Увидѣвъ, что Судебникъ Царя Іоанна Васильевича по обстоятельствамъ тогдашняго времени уже не соотвѣтствовалъ своему назначенію, повелѣлъ составить *Уложеніе* на основаніи правилъ Святыхъ Отцевъ, узаконеній Греческихъ Императоровъ, прежнихъ законовъ Россійскихъ, а особливо Указовъ Царя Михаила Ѳеодоровича и Боярскихъ приговоровъ: изо всѣхъ сихъ источниковъ взято было только то, что приличествовало тогдашнему времени. Для церковнаго управленія издана *Кормчая книга*, или правила всѣхъ Вселенскихъ и помѣстныхъ Соборовъ, которая почти вся переведена съ Греческаго. Наименуемъ еще нѣсколько книгъ, сочиненныхъ въ благословенное правленіе Алексіево: *Торговой*

Уставъ Московскаго Государства, — *Книга Урядникъ, или новое устроеніе чину Сокольничья*, — *Уставъ корабельной*, — и *Право воинскаго поведенія Генераламъ, и среднимъ, и меньшимъ чинамъ, также и рядовымъ солдатамъ*, выходили одна послѣ другой, подъ непосредственнымъ надзираніемъ самаго Царя Алексія. Нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны; но всѣ въ рукописяхъ хранятся въ библіотекѣ Санктпетербургской Академіи Наукъ.

Многія книги переведены съ языковъ чужестранныхъ. Сюда принадлежатъ: *Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей*, и *Беклерова Архитектура*; первая съ гравированными рисунками напечатана въ Москвѣ 1647 года; вторая въ рукописи хранится въ Академической библіотекѣ. Далѣе: *Анѳологіонъ*, то есть цвѣтословіе, содержащее въ себѣ избранныя мѣста изъ сочиненій Святыхъ Отцевъ и Греческихъ Философовъ; *Славянская Грамматика*, изданная въ первый разъ въ Вильнѣ ученымъ монахомъ Мелетіемъ Смотрицкимъ, по томъ снова напечатанная въ Москвѣ съ предисловіемъ и прибавленіями Грека Максима. Тогда же введена Геральдика присланными отъ Императора Фердинанда II. учеными мужами, для приведенія въ порядокъ гербовъ разныхъ Россійскихъ провинцій.

Царствованіе Ѳеодора Алексіевича было кратковременно, но обильно знаменитыми дѣяніями. Онъ велъ счастливую войну противъ Турковъ, и обезпечилъ Царство отъ набѣговъ Татаръ Крымскихъ; украсилъ Москву многими каменными зданіями; исправилъ внутреннее благочиніе, которое успѣхами своими обязано его родителю; выписалъ прекрасныхъ лошадей, и привелъ въ лучшее состояніе конскіе заводы; повелѣлъ ставить столбы для показанія мѣры въ дорогахъ и разстоянія городовъ; ввелъ въ употребленіе, вмѣсто стариннаго Русскаго платья, Польское, которое гораздо красивѣе и выгоднѣе; основалъ въ Москвѣ Заиконоспаское Училище, и даровалъ ему многія преимущества; страстно любилъ музыку и стихотворство. Онъ сдѣлалъ полезную перемѣну въ церковномъ пѣніи и въ самыхъ нотахъ, которыя прежде были не что иное, какъ крючки, написанные надъ словами. Уважалъ людей Ученыхъ, а особливо наставника своего Симеона Полотскаго, переложившаго Псальмы Давидовы въ стихи Русскіе. Сей почтенный Мужъ проповѣдывалъ въ церкви Божіе слово наизусть, и сверхъ того написалъ нѣсколько драмъ для театральныхъ зрѣлищь, для которыхъ содержаніе бралъ изъ священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта. Нѣсколько рукописныхъ Календарей, хранящихся въ Санктпетербургской Академической библіо-

текѣ, и *Удобное считанїе* для пользы продающихъ и покупающихъ, служатъ доказательствомъ, что въ то время занимались и математическими науками. Исторїя была предметомъ упражненїй Кїевскаго Архимандрита Иннокентїя Гизеля, которой сочинилъ и издалъ *Синопсисъ*.

Самое важнѣйшее благодѣянїе, оказанное Царемъ Ѳеодоромъ Отечеству, состоитъ въ уничтоженїи мѣстничества. До того времени люди знатной фамилїи обыкновенно вписывали родословную и заслуги предковъ своихъ въ такъ называемыя *Разрядныя книги*. Дворянинъ стыдился служить подъ начальствомъ другаго дворянина, хотя чиномъ и собственными заслугами старшаго, но менѣе знатнаго породою. Въ *Дневныхъ запискахъ* о произшествїяхъ при Дворѣ Московскомъ находимъ, что весьма часто доходили до Царя жалобы отъ чиновниковъ, которые почитали себя обиженными несоблюденїемъ *мѣстничества*. Вмѣсто того, чтобы немедленно исполнить возложенное препорученїе, нетерпящее ни малой отсрочки, чиновникъ напередъ справлялся съ своими разрядными книгами, сравнивалъ достоинства и заслуги своихъ предковъ съ достоинствами и заслугами предковъ своего Начальника, и заводилъ тяжбу. Многїе знатные Дворяне, ссылаясь на сїе обыкновенїе, отказывались

отъ военной службы; не рѣдко въ самомъ войскѣ во время походовъ происходили по сему случаю многія неудобства и замѣшательства отъ ослушности. Царь Ѳеодоръ поручилъ Боярину Князю Василію Василіевичу Голицыну учредить лучшій порядокъ въ войскѣ. Голицынъ, Мужъ славный своего вѣка — тотъ самой, которой по кончинѣ Ѳеодора представлялъ весьма важное лицо, и котораго иностранцы называли Великимъ — увидѣлъ, что не можно приступить ни къ какой полезной перемѣнѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ уничтожено вредное мѣстничество, и донесъ о томъ Государю. Царь Ѳеодоръ Алексіевичь, одобривъ мнѣніе умнаго Боярина, повелѣлъ собрать всѣ находящіяся въ Россіи разрядныя книги, и въ присутствіи Патріарха, Духовенства, Двора и знатнѣйшихъ Чиновниковъ, сжегъ оныя. Слова, произнесенныя при семъ случаѣ Монархомъ, достойны остаться въ памяти потомства: „Преимущества и высокіе чины получаются „не по знатности рода, но по собственнымъ заслугамъ.“

Въ такомъ состояніи ПЕТРЪ нашелъ Государство, когда принялъ бразды правленія. Много, весьма много было сдѣлано; но оставалось сдѣлать еще болѣе, гораздо болѣе — Онъ рѣшился, и изумилъ вселенную.

Не боясь никакихъ опасностей, преодолѣвая всѣ препятства, Великій сильною мышцею извлекъ народъ свой изъ мрака суевѣрія и предразсудковъ; поставилъ его на степень образованности и просвѣщенія, которыя своимъ блескомъ ослѣпляютъ завистниковъ.

Вмѣстѣ съ осмнадцатымъ столѣтіемъ начался новый періодъ въ исторіи образованія и просвѣщенія Россійскаго народа — предметъ обширный и богатый содержаніемъ, для описанія котораго требуются: болѣе нежели посредственное дарованіе, вкусъ, знанія и опытность.

На первой случай можно бы удовольствоваться краткимъ *Обозрѣніемъ* вообще просвѣщенія и въ особенности успѣховъ Литтературы и изящныхъ наукъ въ Россіи, въ продолженіе истекшаго столѣтія. Конечно, не нужно было бы вычислять всѣ сочиненія и переводы — отъ писемъ *Эрнеста* и *Доравры* до *Разбойниковъ въ подземельѣ Кутанскаго замка* — ибо содержаніе сего Обозрѣнія, и безъ кучи всѣхъ напечатанныхъ и перепечатанныхъ книгъ, составило бы немалую тетрадь. Учрежденіе верховныхъ мѣстъ правительствующихъ, заведеніе Академій, Университетовъ и другихъ важнѣйшихъ Институтовъ, построеніе флотовъ, сооруженіе великолѣпнѣйшихъ зданій, открытіе каналовъ, поселеніе колоній, учрежденіе Орде-

новъ, изданіе законовъ, разпространеніе торговли, эпохи Русской Литтературы, и другія достопамятности должны входить въ составъ предполагаемаго *Обозрѣнія*.

II.

Доминикинъ.

Доминикинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей знаменитыхъ и вмѣстѣ любезныхъ, которыхъ творенія заставляютъ сожалѣть, что мы незнакомы съ самимъ Художникомъ. Трогающая простота, чистосердечіе и добродѣтель живо изображены на всѣхъ его картинахъ — вотъ первой отличительной характеръ Доминикиновой кисти; другой состоитъ въ томъ, что сей славный Художникъ, болѣе нежели всѣ прочіе, наблюдалъ истину въ историческомъ своемъ стилѣ. Ни надъ чѣмъ столько онъ не трудился, какъ надъ точностію въ подражаніи Натурѣ; за то все написанное рукою Доминикина такъ же прекрасно, какъ сама Натура. На картинахъ его видите величіе, истину и правильность въ рисовкѣ. Если Доминикинъ уступаетъ другимъ Живописцамъ въ возвышенности то по крайней мѣрѣ никто не превзошелъ его въ строгой истинѣ. Онъ не приводитъ въ изумленіе, но трогаетъ и плѣняетъ. Чѣмъ

прилѣжнѣе разсматриваете его творенія, тѣмъ болѣе любите Художника. Главное достоинство въ головахъ, имъ написанныхъ, есть милая простота, плѣняющая своею выразительностію даже и тогда, когда не во всемъ соблюдена строгая правильность.

Доминикинъ весьма много споспѣшествовалъ усовершенствованію искуства выразительности; Пуссенъ отдавалъ ему преимущество въ томъ предъ всѣми живописцами. Я однакожь осмѣливаюсь думать, что для большей точности, ему надлежало бы показать еще болѣе огня, еще болѣе возвышенности. Не льзя не удивляться Доминикину, когда онъ изображаетъ страстныхъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ. Какъ хорошо понималъ онъ, въ чемъ состоитъ сія неизвѣстность, сія сомнительность — обыкновенной удѣлъ слабости и юнаго возраста! На лицахъ женщинъ видите какую-то *Іудейскую* любезность, которая плѣняетъ въ Трагедіяхъ: Аѳаліи и Эсѳири; никто лучше его не умѣлъ изобразить прелестныхъ подружекъ Эсѳири, плѣнныхъ дщерей Сіона, воздыхающихъ о берегахъ Іорданскихъ. Можно также сказать, что никто лучше его не умѣлъ изобразить невинности и чувства сердечнаго, которыя въ простыхъ душахъ раждали вѣру и благочестіе въ первыя времена Христіянства. Хотите увѣриться въ справедливости? Вспом-

ните о часовнѣ Св. Цецилїи, находящейся въ Римѣ; взгляните на картину *молящихся*, которая стоитъ въ Парижскомъ Музеѣ. Положимъ, въ сей послѣдней картинѣ нѣтъ искуства въ расположенїи, въ свѣтѣ и краскахъ; за то сколько восхищающихъ подробностей! сколько истины въ формахъ и наружности прелестныхъ дѣтей! какая выразительность на лицахъ молодыхъ дѣвушекъ! Жаркое благочестїе, ангельская невинность возвышаютъ красоту, сїяющую въ чертахъ ихъ.

Можно еще прибавить, что никто не умѣлъ искуснѣе Доминикина изобразить на лицахъ мущинъ благочестиваго смиренїя, внушаемаго Христїянскою Религїею. *Причащенїе Св. Іеронима* есть лучшее произведенїе кисти Доминикиновой и вообще живописнаго искуства: онъ самъ чувствовалъ въ сердцѣ своемъ то, что выразилъ на лицѣ праведнаго мужа. *Умирающїй старикъ* весьма живо представляетъ слабость бреннаго тѣла и спокойство души добродѣтельной; на лицахъ людей, окружающихъ одръ, видна печаль, умѣряемая благочестивою покорностїю Всевышнему Промыслу: расположенїе въ сей картинѣ нравится и глазамъ и уму и сердцу. Надобно однакожь признаться, что Доминикинъ занялъ у Августина Карака мысли, разположенїе, группы и многїя подробности: но онъ такъ хорошо умѣлъ симъ воспользоваться, — подражанїе столько превзошло

образецъ свой, что зритель охотно извиняетъ Художника въ сдѣланномъ хищенїи, которое прославило его, и обогатило искуства сокровищемъ многоцѣннымъ. *Мученикъ, Св. Андрей*, написанный въ Римѣ, служитъ яснымъ доказательствомъ, что Доминикинъ и самъ былъ въ состоянїи родить мысль прекрасную; сїя картина, по которой учатся всѣ живописцы, удивляетъ своимъ расположенїемъ, правильностїю, величїемъ, истиною и простотою.

Картина, представляющая *страданїе Св. Агнесы*, есть, можетъ быть, та самая, въ которой наиболѣе видны дарованїе и оригинальность Художника. Здѣсь нарушены всѣ законы живописи. Расположенїе сдѣлано по видимому весьма дурное, противное правиламъ: разверстыя небеса, Ангели играющїе на мусикїйскихъ орудїяхъ и поставленные выше главнаго предмета, должны бы раздѣлять вниманїе зрителя; женщины, безъ дѣла стоящїя подлѣ костра, должны бы охлаждать принимаемое участїе. Не смотря на то, сїя картина дѣлаетъ самое сильное впечатлѣнїе на душу. Группа Св. Мученицы столь прекрасна, столь величественна, что невольнымъ образомъ должно на ней остановиться; разтроганный зритель ничего другаго не видитъ, кромѣ противуположности — палача и невинной жертвы; онъ ничего не видитъ, кромѣ ужаснаго человѣка, который съ равнодушїемъ вонзаетъ широкой кинжалъ

въ грудь непорочной дѣвы; ничего не видитъ, кромѣ красоты Святой Мученицы, которая показываетъ, что боль для нее нечувствительна; ничего не видитъ, кромѣ лица, на которомъ изображена блѣдность смерти и огонь небеснаго восторга.

Въ картинахъ Доминикина видно какое-то добродушіе, какая-то простота образцовая и плѣняющая, которую находимъ въ сочиненіяхъ Лафонтена. Доминикинъ и Лафонтенъ весьма сходны между собою легкими ошибками и любезною нерадивостію. Аннибалъ Каракъ, разговаривая съ братомъ своимъ Августиномъ, съ Гвидомъ, съ Альбаномъ, могъ бы сказать о Доминикинѣ то, что нѣкогда Мольеръ сказалъ Поэтамъ Шапелю, Боало и другимъ о Лафонтенѣ: „Онъ такъ простъ, что думаетъ, будто мы его умнѣе!“

Доминикинъ не имѣлъ того піитическаго дарованія, которое необходимо нужно всякому художнику, желающему изображать предметы миѳологическіе, или случаи, взятые изъ баснословной Греческой исторіи; принесеніе на жертву Ифигеніи у него ни чѣмъ не разнится отъ страданія Христіянской дѣвы. Онъ не имѣлъ того вкуса, которой плѣняетъ съ перваго взгляда на картину; не имѣлъ той очаровательности, которая особенно состоитъ въ искусномъ расположе-

нїи предметовъ, въ свѣтѣ и краскахъ: не смотря на то, Доминикинъ есть одинъ изъ славнѣйшихъ живописцевъ, которые говорятъ сердцу языкомъ вразумительнымъ, и которыхъ слава часъ отъ часу распространяется. Современники не отдавали должной справедливости его таланту; предпочитали ему живописцовъ низшаго класса, и сею несправедливостїю утвердили его славу: ибо огорченная душа его возпламенялась отъ чувствительности, и напечатлѣвала ее на картинахъ. Потомство отмщаетъ за Доминикина; оно предаетъ забвенїю тщеславныхъ его совмѣстниковъ, и вѣнчаетъ память его зрѣлыми похвалами. Усилїя зависти, невѣжества и пронырства иногда составляютъ мрачныя тучи, заслоняющїя блескъ дарованїй; но Генїй рано или поздно разсыпаетъ ихъ, и сїяетъ во всемъ велелѣпїи.

Телассонъ.

III.

О Литтературѣ у Индусовъ.

Нѣкоторыя знаменитыя особы, нѣкоторое ученое и славное Общество, Азїатическое Общество Калькуты, ревностно трудящееся надъ изслѣдованїями искуствъ, Философїи и Литтературы у Индусовъ, — уже

сообщили намъ весьма важныя извѣстія, и обѣщали впредь сообщать оныя. Да будетъ дозволено и мнѣ, жившему болѣе двадцати лѣтъ въ Индостанѣ, объѣздившему всѣ тамошнія провинціи, и разумѣющему пять языковъ, которые тамъ употребляются (*) — да будетъ, говорю, дозволено и мнѣ поднять завѣсу, которая столь долгое время закрывала жителей Индіи и ихъ знанія отъ нашихъ наблюденій.

Подъ прекраснымъ небомъ Іоніи родилось и образовалось множество людей знаменитыхъ, искусныхъ во всѣхъ знаніяхъ человѣческихъ: Индостанъ столько же, а можетъ быть еще болѣе, облагодѣтельствованный Природою, также имѣлъ своихъ Гомеровъ, Софокловъ, Анакреоновъ. Жители благословенной страны сей съ гордостію произносятъ имена Пендальпака, Аканенды, Санкари, Каліадаса — мужей, прославившихся знаніями своими въ наукахъ, изящныхъ искуствахъ, Исторіи и Философіи.

Анакреонъ былъ пѣвецъ удовольствій, которыя онъ описалъ въ стихахъ своихъ

(*) Въ Индостанѣ говорятъ на двадцати девяти разныхъ языкахъ, изъ которыхъ только девять имѣютъ азбуку — каждой свою собственную. — *Авт.*

столь живо, что и теперь читаемъ ихъ всегда съ новымъ желаніемъ: равнымъ образомъ Пендальпакъ въ своихъ пѣсняхъ изобразилъ Грацій, и ихъ простоту плѣняющую. Стихи его дышутъ нѣжностію и веселіемъ; но ими цѣломудріе не оскорбляется. Счастливыя мысли, прелестныя картины, восхищающія описанія и свѣжесть колорита Альбанова, составляютъ главное ихъ достоинство. Въ басняхъ, въ стихотвореніяхъ нравоучительныхъ, болѣе разсыпано веселости и чувствительности, нежели во всѣхъ прочихъ; не льзя читать ихъ безъ сердечнаго умиленія.

Сей Поэтъ жилъ болѣе нежели за тысячу двѣсти лѣтъ прежде божественнаго творца безсмертной Иліады. Басни его, древнѣйшія Локмановыхъ, отлично уважаемыя на востокѣ, безъ сомнѣнія были образцами для прочихъ баснописцевъ, жившихъ во времена позднѣйшія. Что мы должны думать о древности Индусовъ и гражданскаго ихъ общежитія, когда въ столь отдаленную эпоху изящныя искуства уже были у нихъ на такой степени совершенства? Сей народъ — которой я почитаю изобрѣтателемъ наукъ, искуствъ изящныхъ и механическихъ — особенно занимался Словесностію, оставя живопись и скульптуру, какъ искуства, не совсѣмъ нужныя въ такой землѣ,

гдѣ прекрасная Натура никогда не умираетъ, и гдѣ строгое благонравїе запрещало любоваться прелестями женскаго пола.

Всѣ нарѣчїя языка Индусовъ, которымъ говорятъ разныя поколѣнїя, тщательно усовершенствованы; они чисты и прїятны, подобно характеру жителей; сїе обстоятельство приписывать должно ихъ религїи, нравамъ, неяденїю мясной пищи, и кроткому климату. Я говорю только о нарѣчїяхъ, нынѣ употребляемыхъ: ибо древнїй языкъ Санскритскїй не имѣетъ съ ними никакого сходства.

Сей языкъ, можетъ быть древнѣйшїй въ мїрѣ, великолѣпенъ и доброгласенъ; онъ обильнѣе, сильнѣе, оборотливѣе и значительнѣе Греческаго и Латинскаго. Если разсмотрѣть составныя части и корни словъ, то со всею вѣроятностїю можно заключить, что языкъ Санскритскїй имѣетъ какую-то связь съ языкомъ Персовъ или Гебровъ, Сирїйскимъ, Халдейскимъ, и — какъ кажется — съ Финикїйскимъ. Онъ походитъ звукомъ своимъ на Китайской, Тибетской и даже Греческой, которымъ говорили во время Периклово (*). Наши языки новѣй-

(*) Нѣкоторые изъ нынѣшнихъ Грековъ, воспитанные съ надлежащею рачительностїю,

шіе весьма удалены отъ совершенства древняго Санскритскаго.

Индійцы употребляютъ, даже въ разговорѣ, множество фигуръ и метафоръ, по обыкновенію, господствующему у всѣхъ восточныхъ жителей. Ихъ Поэзія доброгласна и богата разительными красотами. Басни ихъ и сказки, которыя по большой части пишутся стихами изъ семи, пяти и четырехъ слоговъ, восхищаютъ любезною своею простотою. Стихи, похожіе на наши Александрійскіе, имѣютъ особенную мѣру и двойныя риѳмы, то есть, кромѣ конечныхъ словъ, полустишіе одного стиха имѣетъ сходственной звукъ съ полустишіемъ другаго. Стопы раздѣляются на долгіе и короткіе слоги, подобно Латинскимъ.

Библіотеки весьма рѣдки въ Индостанѣ, по причинѣ дороговизны книгъ, которыя состоятъ изъ однѣхъ рукописей. Искуство книгопечатанія до сихъ поръ еще не введено въ употребленіе у Индусовъ: вопервыхъ потому, что механическія науки не уважаются въ ихъ отечествѣ; вовторыхъ — что свя-

---

стараются подражать древнимъ въ пріятности разговора. Въ бытность въ Турціи, я замѣтилъ это у Князей Морози и Ипсилантія. Первой былъ Драгоманомъ Порты, второй — Господаремъ Воложскимъ. — *Авт.*

щенныя книги ввѣряются только переклаеннымъ Ученымъ. Мнѣ удалось достать одинъ томъ басней Пендальпака и нѣсколько драматическихъ сочиненій Калїадаса; я восхищался ими, и рѣшился перевести нѣсколько басней . . . .

А. Ле Гу до Фле. (*Изъ Декады.*)

IV.

Аналогїя обманчива.

. . . . Лордъ К... и я, сѣвши на корабль, отправились въ Индїю, съ тѣмъ чтобы оттуда при удобномъ случаѣ плыть въ Филадельфїю. Противные вѣтры и бури долго носили корабль нашъ по океану; наконецъ пригнали его къ землѣ незнакомой. Жители окружили насъ, когда мы вышли на берегъ; никто изъ насъ не разумѣлъ ихъ языка. По движенїямъ рукъ и другимъ примѣтамъ намъ удалось понять, что имъ хочется отправить насъ въ *Поласлосъ* (*), столицу сей обширной области.

Прежде насъ никто не приставалъ къ берегамъ *Поласлїи.* Любопытные жители осматривали насъ съ чрезвычайною внимательностїю. Въ числѣ нашихъ спутниковъ

(*) Названїе вымышленное.

находился одинъ смѣтливой человѣкъ, которой, зная, что во всѣхъ странахъ свѣта есть люди легкомысленные, нагрузилъ въ Ливорнѣ нѣсколько ящиковъ кафтанами, шляпами, платьемъ мужскимъ и женскимъ, нѣкоторыми мѣлочными украшеніями, и проч. Начальникъ округа приказалъ перенести ящики на гостиной дворъ, съ тѣмъ чтобъ осмотрѣть ихъ. Вещи, въ нихъ находившіяся, были совершенно безполезны для народа, живущаго подъ жаркимъ небомъ, и неимѣющаго никакой другой одежды, кромѣ той, которою покрыла его благотворная Природа. Я былъ свидѣтелемъ чрезвычайнаго удивленія, которое жители изъявляли, разсматривая платье. Начальникъ опредѣлилъ отправить наши ящики въ *Поласлосъ*, потому что въ сѣверной части сего обширнаго государства люди носятъ на себѣ одежду, — что мнѣ совсѣмъ не извѣстно было. Если жители удивлялись, разсматривая наши вещи: то я еще болѣе удивлялся тому, что они хотѣли ихъ себѣ присвоить. „На что имъ это платье — говорилъ я самъ себѣ — которое совсѣмъ здѣсь не употребляется?“ Я уже готовился вписать сію націю въ число *народовъ глупыхъ* въ моей записной книжкѣ; однакожь рѣшился прежде обстоятельно развѣдать, что будетъ сдѣлано съ нашими товарами. Читатели увидятъ, что я поступилъ весьма благоразумно.

Путешествїе наше до *Поласлоса* продолжалось три мѣсяца. Молва разнеслась по городу о нашемъ прибытїи; жители толпами бѣжали къ намъ на встрѣчу, потому что Натура не забыла народъ Поласлїйской надѣлить любопытствомъ.

Положено созвать всѣхъ Поласлїйскихъ Ученыхъ, чтобы узнать, какими вещами наполнены наши ящики, и на что сїи вещи годятся. Назначено быть собранїю въ первой день третьяго мѣсяца. Ученые собирались не иначе, какъ для разсужденїя о весьма важныхъ предметахъ и случаяхъ необыкновенныхъ, а не для объясненїя холода и теплоты, не для выслушиванїя разныхъ вздоровъ, не для сочиненїя обстоятельныхъ донесенїй.

Объявлено въ Поласлїи, чтобы всѣ Ученые — а особливо такїе изъ нихъ, которые умѣютъ умствовать и выводить догадки — собрались въ столицу: 1. для изъясненїя, какого рода существа пристали къ берегамъ Поласлїи; 2. для разсмотрѣнїя привезенныхъ рѣдкостей; 3. для опредѣленїя, что дѣлать должно съ тѣми и другими.

Въ теченїе трехъ мѣсяцевъ я старался научиться Поласлїйскому языку, звучному и прїятному; мое прилѣжанїе награждено быстрыми успѣхами.

Наступилъ назначенный срокъ. *Поласлосъ* наполнился людьми, стекшимися со

всего государства. Не было городка, не было деревни, которая не прислала бы своего Ученаго. Видя такое ихъ множество, я заключилъ, что въ Поласліи науки клонятся къ упадку.

Самой старшій изъ Ученыхъ занималъ Президентскія кресла. Ораторъ донесъ собранію о нашемъ прибытіи. На одной сторонѣ пространной залы лежали наши ящики, на другой назначено было для насъ возвышенное мѣсто.

Славнѣйшимъ изъ Ученыхъ, къ которымъ прочіе имѣли болѣе довѣренности, поручено было: 1. осмотрѣть насъ; 2. открыть, какое отношеніе имѣютъ къ намъ вещи, находящіяся въ ящикахъ.

Ученые Поласійскіе осмотрѣли насъ съ головы до ногъ, и послѣ обыкновенныхъ преній единодушно заключили, что по всей *вѣроятности* мы принадлежимъ къ породѣ людей, мыслимъ, и имѣемъ съ ними *нѣкоторое* сходство. Это насъ порадовало. Однакожь радость наша скоро изчезла, когда начали разсматривать ящики, и выводить догадки объ употребленіи вещей, въ нихъ находившихся.

Меня удостоили чести быть переводчикомъ. Самолюбіе во всѣхъ странахъ одинаково дѣйствуетъ, съ весьма неважными отмѣнами,

смотря по различію нравовъ и обычаевъ. Поласлійцы имѣютъ великое почтеніе къ самимъ себѣ; по сей причинѣ уважаютъ и тѣхъ людей, которые говорятъ ихъ языкомъ.

Открыли ящики. Въ первомъ лежали шляпы мужскія и женскія разныхъ цвѣтовъ и видовъ: *Прусскія*, *Суворовскія*, *Англійскія*, *плоскія* и проч.... Спросили меня, что это значитъ; я отвѣчалъ, что вещи сіи употребляются для накрытія головы. Ученые съ удивленіемъ разсматривали разныя шляпы, ихъ формы, глубину, величину, тяжесть, цвѣтъ и края. По симъ качествамъ начали догадываться о различіи головъ Европейскихъ; заключили, что однѣ должны быть весьма велики; другія весьма малы, нѣкоторыя четвероугольны, круглы, продолговаты и остроконечны, — наконецъ, что въ Европѣ есть люди, которые совсѣмъ *головъ не имѣютъ*: плоскія триугольныя шляпы подали поводъ къ сему заключенію. Я старался разтолковать имъ, что сіи шляпы носятъ подъ мышкою — тщетно! Ученые хохотали изо всей силы, говоря, что человѣкъ въ полномъ умѣ конечно не станетъ носить подъ мышкою такой вещи, которая должна покрывать голову.

Они подумали, что шляпы наши принадлежатъ разнымъ народамъ. Я оставилъ ихъ въ семъ заблужденіи, и не сказалъ, что

не только одинъ и тотъ же народъ, но даже одного города жители носятъ шляпы столь разныхъ видовъ.

Начали разсуждать о строенiи головъ Европейскихъ и мозгу. По шляпамъ *Лоскилъ* заключили, что люди, которые ихъ носятъ, не имѣютъ мозгу; что подъ шляпами Англiйскими головы должны быть пусты, и проч. Тутъ я увидѣлъ, что *система аналогiи весьма обманчива.* Не буду упоминать о тѣхъ догадкахъ, къ которымъ подали поводъ женскiя шляпы:

„Если между шляпами и головами — говорили Поласлiйскiе Ученые — находится какое нибудь отношенiе, то формы головъ должны быть многоразличны до безконечности; если же между тѣми и другими нѣтъ никакого отношенiя, то люди, которые носятъ на головахъ своихъ вещи столь странныя, должны быть глупы до безконечности.“

Отъ шляпъ дошло до панталоновъ. Я старался изъяснить употребленiе ихъ, и сказывалъ, что пространство между поясомъ и плечами закрывается особою одеждою. Разсмотрѣли жилеты и панталоны; и заключили, что у Европейцовъ бедра находятся на-ровнѣ съ грудью. Такъ судили и о прочихъ частяхъ тѣла, смотря по формѣ одежды и обуви.

Общее заключенїе: *Европейцы составляютъ особливой, весьма странной классъ народа.* Немедленно вышла въ свѣтъ толстая книга, содержащая въ себѣ описанїе новооткрытаго рода животныхъ со всѣми его отмѣнами. . . . . .

(*Изъ Декады.*)

V.

Къ Лаурѣ за клавесиномъ.

(*Изъ Шиллера.*)

Когда твоя рука летаетъ по струнамъ,
Лаура! — изступленъ, восторженъ къ небесамъ
Одной душой живу и наслаждаюсь; —
И обездушенъ вдругъ, я въ камень превращаюсь!
Ты жизнь даешь; отъемлешь вновь;
Такъ сильно общее сердецъ соединенье,
Въ безчисленныхъ путяхъ взаимное влеченье;
Всесильна такъ — одна *Любовь*! —

*

Благоговѣнїемъ священнымъ упоенный,
Прохладный вѣтерокъ чуть дышетъ надъ тобой;
Но бурей пѣсни пробужденный,
Крутится въ вихряхъ самъ съ собой!
Природа, алчная къ твоимъ восторгамъ,
страстно

Приникла и молчитъ! — Волшебница! — воззришь,
И я весь твой навѣкъ! — Струнами загремишь,
И все тебѣ подвластно! —

*

Какъ море разлилась гармонія живая,
Всеусладительный въ согласіи раздоръ! —
Такъ въ искрахъ пламенныхъ отъ свѣта изникая,
Раждался Ангеловъ соборъ!
Такъ въ нѣдрахъ хаоса, изъ бурь животворящихъ
Разкрылись, понеслись полки міровъ блестящихъ,
И ночь зардѣлася отъ утреннихъ лучей! — —
Таковъ волшебный тонъ гармоніи твоей!

*

Умолкни все! . . . . онъ тихъ, онъ сладокъ, какъ ручей,
По свѣтлому песку струи свои катящій,
И робкимъ шопотомъ съ цвѣтами говорящій
О нѣжности своей, —
Убойтеся тираны! —
Въ величествѣ святомъ и грозномъ онъ течетъ,
Какъ горніе громовъ органы.
Внемлите: — — водопадъ ревѣтъ,
Кипящей пѣною гранитны омываетъ
И въ брызгахъ тучи составляетъ! . . .

Но се! — манитъ меня, какъ легкій вѣтерокъ,
Когда онъ крадется сквозь липовой лѣсокъ,
По вѣтьвямъ тихо пробираясь,
И самой нѣгой утомляясь
Еще шумитъ . . . еще дохнулъ —
И въ розовомъ кустѣ заснулъ . . . .

*

Премѣна чудная ! . . что сдѣлалось со мною ?
Такъ тяжко ! — такъ темно ! . . . не область ли тѣней,
Не Орковыль поля я вижу предъ собою ?
Вездѣ уныніе . . . и блѣдный видъ скорбей !
Печальная сова Ночь сонну пробуждаетъ ; —
Влачася слезною волной,
Коцитъ едва мелькаетъ . . .
Всему конецъ ! . . . всему покой !

*

Остановись, скажи : не съ горними ль Духами
Весѣдуетъ мой духъ ? — Не съ горними ль Пѣвцами
Въ союзѣ ты святомъ ? — —
Открой мнѣ таинство : не симъ ли языкомъ
Въ Едемѣ праведныхъ Веселіе вѣщаетъ,
Когда ЕГОВУ прославляетъ ? . . .

А. Мрзлкевъ.

VI.

Раскаянье.

Скажите, Мудрецы почтенны!
Возможно ль женщинъ сердце знать?
Въ нихъ мысли, души сокровенны
Лишь склонны мучить и терзать.
Въ изгибахъ ихъ сердецъ коварныхъ
Нѣтъ твердыхъ чувствъ, ни благодарныхъ,
Все ложь, надменность, суета,
Кокетство, чванство, пустота.
Готовы жертвовать собою,
Чтобъ тщетной ослѣпить мечтою
Всевластной красоты своей,
Чтобъ все узрѣть покорнымъ ей.

Нѣтъ, полно! больше не уловитъ
Меня надежды блескъ пустой,
Не буду скованъ я тщетой,
И узъ никто мнѣ не наложитъ.
Я былъ безуменъ, я страдалъ,
Во взорѣ счастье полагалъ,
Улыбкѣ нѣжной былъ подвластенъ,
Къ стыду скажу — и я былъ страстенъ:
Терзался, горьки слезы лилъ,
И въ нихъ отраду находилъ.
Меня обманщица водила
По волѣ хитрости своей;
Мнѣ сердце, чувства обольстила:

Вывъ ослѣпленъ, я вѣрилъ ей.
Сказала бъ слово, и смерть люту
Съ охотой сталъ бы презирать,
И за одну лишь съ ней минуту
Готовъ былъ жизнь свою отдать.
Обычай твердо соблюдая,
Она ко мнѣ являла страсть;
Во мнѣ все счастье полагая,
Любви хвалила сильну власть;
Меня въ объятьяхъ заключая,
Своей отрадой называя,
Со мной хотѣла все сносить.
И я словамъ лукавымъ вѣрилъ;
Въ ней взоръ всечасно лицемѣрилъ,
А я клялся ее любить.
Мнѣ даже стыдно вспоминанье
Минутъ, въ которыхъ заключалъ
Все счастье, все мое желанье;
Въ которыхъ тьмы блаженствъ вкушалъ.

Нѣтъ, нѣтъ, невѣрная! забуду
Твои обманы навсегда;
Я больше простъ съ тобой не буду,
Не ввергнусь во сѣти никогда.
Свои я лѣта молодыя
Тебѣ единой посвящалъ;
Твои законы за святыя
Себѣ велѣнья почиталъ;

А ты, надѣвъ коварну маску,
Являя мнѣ притворну ласку,
Всегда смѣялась надо мной.
Нѣтъ! полно, полно ослѣпляться
И хитрымъ женщинамъ вѣрятьcя,
Имъ полно жертвовать собой!
Быть шуткой вѣтреницы лживой,
Игрушкой быть красотки льстивой
Одинъ лишь можетъ Селадонъ,
Изъ слезъ, стенаній сотворенной,
Вздыханьемъ тяжкимъ воскормленной,
Поющій все на грустный тонъ.
Но кто коварство испытаетъ,
Тотъ плѣнъ поносной отвергаетъ,
Оставитъ тотъ пустую страсть,
Кокетства презритъ низку власть.

Прости, обманщица, на вѣки!
Не думай, чтобы я страдалъ;
Не лью я горькія слезъ рѣки,
Ужь я забылъ, что страсть питалъ.
Мечта, мнѣ льстивша, удалилась;
Съ тѣхъ поръ, какъ хитрость обнажилась,
Съ разсудкомъ буду я любить.
Всѣ чувства дружбѣ посвящая,
Въ ней всѣ утѣхи полагая,
Покойно въ мірѣ буду жить.

— Ѣ.

VII.

Голубка, басня.

Пусть хищныхъ ястребовъ насъ ужасаетъ
сила! —
Уныло подъ кустомъ голубка говорила —
Я всякой часъ должна Судьбу благодарить,
Что ястребомъ она меня не сотворила:
Ахъ! лучше жертвою, а не злодѣемъ быть.

Василій Пушкинъ.

Въ Идилліи: *Ручей*, напечатанной въ 1 Нумерѣ Вѣстника Европы, сдѣланы двѣ важныя ошибки. Спѣшимъ оправдать Г-на. Автора передъ Читателями:

На страницѣ 26 съ 10 стиха надлежитъ читать слѣдующимъ образомъ:

Ручей! въ твоихъ водахъ сыскать ее возможно!
Ты недостатки всѣ не ложно
Являешь . . . . *и проч.*

На страницѣ 27 съ 14 стиха читать должно:

Мы жертва слабости своей!
Мы также краткій путь бѣдами измѣряя,
Средь безотвѣтной тьмы блуждая,
Сію печальну . . . . *и проч.*

VIII.

КРИТИКА.

Собраніе сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Евстафія Станевича. Книжка первая. Въ Санктпетербургѣ. 1805.

Въ письмѣ при началѣ книги Г. Авторъ увѣдомляетъ Петра Андреевича Кондратьева, что исполняетъ его желаніе, то есть, издаетъ въ свѣтъ труды свои съ такимъ условіемъ, чтобы Г. Кондратьевъ отвѣчалъ *просвѣщенному обществу* за всѣ вины, коимъ бы могъ подвергнуться Сочинитель, рѣшившійся *въ угожденіе* ему (то есть Г-ну Кондратьеву) обременить оное своими сочиненіями. Передъ концемъ письма то же повторено: „И такъ рѣшаясь предать тисненію сочиненія мои, вы должны рѣшиться отвѣчать и за все то, въ чемъ бы я могъ быть преступенъ противу здраваго смысла, вкуса и чистоты языка" и проч. — Не извѣстно, согласился ли Г. Кондратьевъ на такое невыгодное для себя условіе, предложенное Авторомъ, кажется, для шутки; ибо Г. Станевичь со всѣмъ чистосердечіемъ признается Музамъ (на страницѣ 4), что сочиненія свои издаетъ не *въ угожденіе* кому-либо и *не для общества*. „Я даже не хочу обманывать моихъ читателей, прикрывая самолюбіе сочинителя притворною *скромностію* увѣ-

ренія, что согласился издать въ свѣтъ труды мои единственно по убѣжденію друзей. Пустое извиненіе! *цѣль благороднѣйшая* и не менѣе правдоподобная ободряетъ меня на таковое дѣло. *Не для общества* издаю труды сіи, которое можетъ ихъ одобрить или нѣтъ, но *для самаго себя.*"

Было время, когда Г. Станевичь думалъ, что одного (стр. 8) напечатаннаго стиха довольно для его счастія. Его самолюбіе удовлетворено похвалами (тамъ же) людей знакомыхъ ему и незнакомыхъ; успѣхъ превзошелъ его чаяніе: и что жъ? теперь уже Г. Станевичь не находитъ въ стихахъ своихъ ни удовольствія, ни счастія. Г. Станевичь позналъ суетность стихотворнаго искуства и похвалъ людскихъ; вникнувши въ самаго себя, разсмотрѣвши свои дарованія, сравнивши пользу ихъ и удовольствія съ пользою и удовольствіями земледѣльческаго состоянія, онъ увидѣлъ, что проводитъ время свое въ тщетныхъ упражненіяхъ, безъ исполненія на землѣ своего назначенія. Но какъ многія (стран. 10) препятства не дозволяютъ ему, по примѣру Цинцинната и Катона, приняться за плугъ: то и рѣшается противъ воли своей остаться съ Музами, которыя очаровали Г-на Станевича, какъ (стр. 11) Калипса на островѣ своемъ очаровала Улисса, или еще *непреодолимѣе*

и несомнѣннѣе. По симъ и другимъ причинамъ Г. Станевичь пишетъ отнюдь не для славы, и не хочетъ слышать похвалъ своимъ сочиненіямъ. Ибо слава и безсмертіе имени весьма непрочны; притомъ же слава (стр. 2) не рѣдко уклоняется отъ насъ, по мѣрѣ нашего къ ней приближенія; она всегда почти неблагодарна къ *нѣжнымъ* о ней заботамъ нашимъ. Намъ не надлежитъ *помышлять* (стр. 3) *о вѣчности дѣлъ рукъ нашихъ.* Единому Богу принадлежитъ вѣчность; единыя Его творенія не умираютъ. „Слава по мнѣ не останется — пишетъ Г. Станевичь на стр. 19 — *не вознесется куреніе ея* надъ прахомъ моимъ; но сколько утѣшаетъ она нынѣ тѣхъ, кои тлѣютъ во гробѣ, и пребываютъ безчувственны къ ея звукамъ и хваленію, *коего* при жизни можетъ быть она не удостоила ихъ? И кто знаетъ, колико Гомеровъ погибло, колико изчезло дарованій отъ угнетенія рока! И что же есть слава?...“

Г. Станевичь замѣчаетъ, что вкусъ началъ повреждаться не только у насъ, но и вездѣ (*) — чѣмъ доказывается бренность смертнаго. „Достойно примѣчанія, говоритъ *Веллеусъ Патеркулусъ* (**), что люди пре-

(*) См. письмо къ Г-ну Кондратьеву при началѣ книги.

(**) Еще болѣе достойно примѣчанія, что Веллей Патеркулъ ни въ XXXVI. статьѣ,

восходныхъ талантовъ не только одинъ другимъ творятся, но что они опредѣлены еще, кажется, жить въ единое время для совокупнаго соревнованія о превосходствѣ просвѣщенія. Весьма недолгое время процвѣтали знаменитые Творцы Трагедій *Еврелидъ* (1), Софоклъ и *Эсхинъ* (2). Небольшой *сего промежутокъ* заключаетъ въ себѣ комедію при Аристофанѣ, Кратесѣ, *Эйполилѣ* (3), и потомъ при Менандрѣ, Филимонѣ и Дифилѣ. Послѣ сего не стало въ Греціи Стихотворцовъ отличныхъ дарованій. Славная школа Сократова также упала... Должно ли послѣ сего удивляться примѣчаемому повсюду упадку дарованій?"

Похвально усердіе Г-на Станевича удержать вкусъ при его паденіи; похвальна готовность принести себя на жертву за благо Русской Литтературы. Такъ Кодры и Курціи спасали свое Отечество!

„Но естьли вздумаю я странностью блистать (4),

II. книги Римской своей исторіи, гдѣ изчисляетъ славныхъ Писателей, ниже, какъ кажется, въ другомъ мѣстѣ не говоритъ того, что влагаетъ ему въ уста Г. Станевичь.

(1) Эврипидъ? (2) Эсхинъ былъ Ораторъ, не Трагикъ. (3) Эвполисѣ?

(4) Стр. 39.

Сплетеньемъ дикихъ словъ вкусъ здравый повреждать,
Тогда прошу, хотя то сдѣлать для забавы,
Прошу, о Музы! васъ, на мѣсто мнимой славы,
Ослиными ушьми *за даръ сей* наградить,
Какими Мидаса изволилъ Фебъ почтить;
Чтобъ братія моя, (*по связи Аполлона*)
Не выходила бы изъ должнаго закона:
По чувствамъ пѣла бы, и пѣла какъ могла,
А вздору языкомъ не Русскимъ *не врала.*"

Хвала Судьбѣ! Царство боговъ языческихъ миновалось. Теперь гнѣвъ ихъ намъ не страшенъ. Иначе, Музы могли бы поссориться съ Г-мъ Авторомъ.

Выше упомянуто, что вкусъ началъ у насъ повреждаться; языкъ нашъ обильный, сладкогласный, валился на землю (стр. 60), подобно дереву *терзаемому ядовитыми гадами, то сокрытыми въ корени, то вползшимися въ листы,*

Но даръ *Творца Россійска слова* (1)
Ево въ наденьи удержалъ.
И се! языкъ нашъ снова,
Цвѣсти великолѣпнѣй сталъ.

---

(1) Вмѣсто: Сочинителя *Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка.*

Такъ точно, любезные Читатели! нашъ языкъ (стр. 87), готовый пасть,

Великолѣпствуя главу подъемлетъ снова.

До напечатанія *Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка* у насъ была густая тма;

Но солнышко взошло, и мгла уже пропала (1).

Достойно примѣчанія, что и въ самыя мрачныя времена Россійской Словесности, Г. Станевичь, — которой (стр. 35) питаетъ страсть къ стихотворству *за грѣхи*, — *не вмѣщалъ* чуждыхъ словъ въ языкъ свой, не ковалъ (стр. 37) на подборъ словъ новыхъ, не украшалъ чуждыми словами своего слога, и не отличался своею кудряватостію. Правда, здѣсь и тамъ иногда встрѣчаются слова и фразы, которыхъ Г. Сочинитель *Разсужденія о Слогѣ* не одобрилъ бы, потому что онѣ взяты съ иностранныхъ языковъ, хотя всѣми уже приняты и вездѣ употребляются, напримѣръ: люди превосходныхъ *талантовъ* (2), здравой *вкусъ* (3), *шагъ* къ вѣрному благополучію (стр. 15), *блистательныя*

---

(1) Стр. 89.
(2) См. письмо къ Г. Кондратьеву.
(3) Тамъ же, и на многихъ мѣстахъ въ книгѣ.

надежды (стр. 1), *блестящей* цѣли (стр. 14), *лестныя* строки (стр. 29), и проч. и проч. Находимъ также слова, фразы и періоды, непринадлежащія ни къ старому Слогу, ни къ новому; на примѣръ, стр. 2: Благо народовъ *обнималъ* въ своемъ понятіи. (То есть: *обнимался* съ благомъ народовъ? или постигалъ, въ чемъ состоитъ благо народовъ?) — Стр. 3: *Я слишкомъ* (je suis trop) къ самому себѣ чистосердеченъ и *купно* строгъ, *дабы не* (pour ne pas) видѣть *недостатка* своего въ искуствѣ и *богатствѣ* слова; *и слишкомъ* вѣдаю ничтожность упованій на прочность славы, *дабы созидать на ней* будущія свои *надежды*. — Тамъ же: *Мгновенные путники земли, намъ ли* помышлять и проч. (Вмѣсто: намъ ли, путникамъ, и проч.) — Тамъ же: *Что мыслимъ изобрѣсть такого, что* не подвержено было бы тлѣнію? — Стр. 4: Уже ли изливаете вы на насъ свой свѣтъ *на то* только, дабы...? и проч. — Стр. 5: Не было для меня минутъ сладчайшихъ, *какъ тѣ*, кои и проч. — Стр. 10: *Въ нѣкоторыхъ правленіяхъ* земледѣльцу нѣтъ безопаснаго убѣжища... (Вмѣсто: въ нѣкоторыхъ государствахъ, или областяхъ и проч.) Тамъ же: Я стану писать для содѣланія пріятными минутъ моей жизни, кои подобно водамъ Леты (!!), имѣющимъ спасительное свойство приводить прошедшее въ забвеніе, да протекаютъ *на истребленіе* моихъ горе-

стей. — Стр. 12: *Отрѣвать* нападенія злобы и зависти. (Отринуть и отрѣвать имѣютъ одно значеніе, съ тою только разницею, что послѣдній глаголъ есть учащательный. И такъ отрѣвать значитъ отвергать, то есть, не соглашаться ни на какія нападенія злобы и зависти ? ?) — Стр. 27: Федонъ *оставя* всѣ заботы, провелъ *остатокъ* дней своихъ въ сей *и толико* пріятной для мудрыхъ праздности: которую можно назвать *здравымъ смысломъ* всѣхъ добродѣтелей.

Люди привязчивые и неугомонные, неиспытавшіе, какъ трудно писать стихи, готовы шумѣть за всякую бездѣлицу. Пусть же они замолчатъ, узнавъ, что и Г. Станевичь, которой ни въ какихъ другихъ случаяхъ не *ковалъ новыхъ словъ*, принужденъ былъ нарушить свое правило, и сверхъ того дозволить себѣ переставки въ словахъ, выпущенія и прибавленія въ слогахъ, смотря по надобности, и проч. На примѣръ:

Стран. 20: Ни вопли страждущихъ подъ *бремемъ* золъ согбенныхъ

Стран. 21: И *радостей среди* о ближнемъ попужить.

Стран. 22: И горести смягчить. Куда*бъ* | судеб*ъ* | рукой,

При семъ полустишіи противъ воли представляется воображенію извѣстной Латинской стихъ:

Nuper | quidam | doctus | coepit | ſcribere | verſus.

Стран. 24: Невидно *гордость* тамъ сіяніемъ
надменну,
Ни *бѣдность страждущу*, подъ бременемъ *согбенну*.

(Вмѣсто: не видно гордости надменной и проч. Въ обоихъ слогахъ, Старомъ и новомъ, послѣ глагола отрицательнаго полагается имя, отъ него зависящее, въ родительномъ падежѣ.)

Тамъ же:
Коль Богъ тебя создалъ, ему *ты поклаяться*
И долженъ чтить душой; и проч.
Стран. 44: Въ *кловрятности* своей.
Стран. 46: Но Муза только показалась,
Вѣкъ обожать ее душа моя *поклялась*.
Стран. 49: *Не такъ* блещетъ лучь на сводѣ
Съ древъ падутъ уже листы,
И прохожихъ подъ ногами,
Хрупнутъ, *стонутъ* и шумятъ.
Стран. 61: Но, ахъ! ужасна смерть,
Вдругъ *верть*,
Пришла и безъ призыву.

Стран. 65: То страждущихъ отъ рукъ *Калигуловъ* ужасныхъ

Стран. 66, Вскричали черьви всѣ: несутъ то *червеморца.*

Стран. 76: Одинъ изъ нихъ живетъ *въ счетъ* глупости людской

Стран. 88: *Великолѣпствуя* главу подъемлетъ снова.

Стран. 89: Но, ахъ! къ *погибели* его не меньше *злостной.*

Сїю первую книжку составляютъ большею частїю стихотворенїя: одна ода, нѣсколько посланїй и отвѣтовъ, нѣсколько пѣсенъ, нѣсколько басней, и нѣсколько отрывковъ. Вообще, Г. Сиѣневичь, кажется, знаетъ, въ чемъ состоитъ наружная форма и механизмъ стиховъ, а особливо четырестопныхъ и шестистопныхъ ямбическихъ; но въ сочиненїяхъ его не видимъ той правильности въ мысляхъ, того порядка въ разположенїи, той опредѣленности въ содержанїи, той выразительности, наконецъ того *интереса*, которыми отличаются хорошїе стихи и проза. Можетъ быть, слишкомъ много потеряно времени надъ словами и фразами: такая критика бываетъ полезна только тогда, когда сочиненїе изобилуетъ множествомъ красотъ существенныхъ. Авторъ хорошей книги прочитавъ без-

пристрастную критику, исправляетъ неважныя погрѣшности, и тѣмъ возвышаетъ достоинство сочиненія. Но когда двѣсти страницъ наполнены утомляющими повтореніями, общими мыслями — написанными растянутымъ слогомъ, явными противорѣчіями, холодными разсужденіями, ничего недоказывающими доводами и разительными неприличностями; въ такомъ случаѣ полезнѣе объявить Автору всю правду, и отвратить его, если можно, отъ неблагодарныхъ Музъ, нежели указывать на ошибки грамматическія. Въ комъ страсть къ писанію стиховъ сдѣлается неизлѣчимою, отъ того — по свидѣтельству Горація — умные люди бѣгаютъ, какъ отъ зараженнаго.

Ut mala quem scabies, aut morbus regius urget,
Aut fanaticus error et iracunda Diana;
Vesanum tetigisse timent, fugiuntque poëtam,
Qui sapiunt: agitant pueri, incautique sequuntur.

Спрашиваемъ у всѣхъ, которымъ извѣстны хорошія правила и примѣры, соблюдено ли въ слѣдующей баснѣ хоть одно условіе изъ предписываемыхъ Пиитикою? Не говоря о вкусѣ, ни о замысловатости, ни о нравоученіи, ни о приличностяхъ, можно ли любителю изящной Словесности прочесть это съ равнодушіемъ, безъ негодованія?

ЧЕРЬВИ и СТИХОТВОРЕЦЪ.

ДонЪ! донЪ!
Печальной звонЪ.
Друзья, родные плачутЪ,
И надЪ покойникомЪ прегорьки слезы льютЪ.
ТакЪ все идетЪ: кому печаль, а *черьви скачутЪ*,
ВотЪ пища имЪ; ково на праздникЪ имЪ несутЪ?
Несутъ то стихотворца;
О! злобна вѣсть черьвямЪ, чѣмЪ поживиться тутЪ?
Вскричали черьви всѣ, несутЪ то *червеморца*.
Ту чорству, черьви, снѣдь никакЪ не угрызутЪ,
И сЪ голоду помрутЪ.
Книгопродавцы ли такЪ могутЪ позабыться,
ЧтобЪ *черьвямЪ* послѣ нихЪ *было* чѣмЪ поживиться?

И это языкЪ боговЪ? ХерасковЪ вЪ новой своей Дидактической Поэмѣ говоритЪ:

Дерзая на ПарнассЪ того не позабудь,
Что Музы существа Божественнаго суть;
Рѣчами подлыми не оскорбляй ихЪ слуха,
Ни мыслей скаредствомЪ, ни низостію духа.

ЗаключимЪ сію статью еще однимЪ *образцомЪ* искуства вЪ родѣ забавной Поэзіи. Г. АвторЪ хотѣлЪ разсмѣшить читателя; вЪ самомЪ дѣлѣ не льзя не улыбнуться и

не пожать плечами послѣ прочтенія слѣдующей пїесы:

СЛЕЗЫ.

Сюда! другъ другу всѣ кричали;
Не льзя дешевлѣ продавать.
И опрометью всѣ бѣжали,
Туда чево-то покупать.
Съ деньжонками моими,
Я бросился за ними,
И чтожъ увидѣлъ? . . . *возъ,*
Родовъ различныхъ сліозъ.
А! а! творцы стиховъ и прозы,
Узналъ и я теперь,
Гдѣ вы свои берете сліозы . . .
Вотъ какъ ихъ чувствамъ вѣрь!

Авторы покупаютъ слезы, которыя привозятся возами на продажу!!

ПОЛИТИКА.

I.

Историческое и статистическое обозрѣніе Республики Соединенныхъ Областей въ сѣверной Америкѣ.

На твердой землѣ въ сѣверной Америкѣ, на противуположной намъ части земнаго шара, омываемой Атлантическимъ океаномъ, есть обширное, сильнѣйшее всѣхъ въ новомъ свѣтѣ Государство, которое, безъ сомнѣнія, можетъ поглотить всю сѣверную половину Америки, если его могущество будетъ увеличиваться въ такой пропорціи, въ какой оно до сихъ поръ возрастало. Вотъ примѣръ достопамятный, показывающій, что въ состояніи сдѣлать человѣческія усилія, подкрѣпляемыя благопріятными обстоятельствами!

Владѣнія сего Государства простираются отъ Большихъ озеръ и рѣки Св. Лаврентія до Миссисипи, и отъ Атлантическаго океана до горъ, находящихся на срединѣ сѣверной Америки. Поверхность земли его еще въ точности не измѣрена, потому что предѣлы не вездѣ назначены. Несправедливо пола-

гаютъ нѣкоторые, будто Соединенныя Области содержатъ въ себѣ 47,000 миль квадратныхъ; вѣроятнѣе, длина ихъ простирается на 270, а широта на 275 миль географическихъ: слѣдственно вся поверхность будетъ заключать около 60,750 миль кв. Сїе пространство впятеро болѣе Францїи.

Черезъ западную часть Республики тянется почти непрерывная цѣпь большихъ горъ, принадлежащихъ къ горамъ Апалачскимъ. На южной сторонѣ возвышается цѣпь горъ Аллеганскихъ, называемыхъ *безконечными* по чрезвычайной длинѣ ихъ. Къ нимъ примыкаютъ горы Кумберландскїя, столько же протяжныя, и называемыя въ сѣверной части *ливровыми*. Далѣе на сѣверѣ простираются Синїя горы. Поверхность всѣхъ сихъ горъ содержитъ въ себѣ только 7000 миль кв. Весьма высокихъ горъ совсѣмъ нѣтъ; самая большая изъ нихъ не выше 8000 футовъ.

Въ южнозападной части Соединенныхъ Областей течетъ великая рѣка Миссисипи, въ которую впадаютъ: Огїо, Кумберландъ и Тенасси. Огїо, то есть *прекрасная рѣка*, такъ названная по причинѣ тихаго теченїя и прозрачности водъ ея, отъ исходища до устья простирается на 217 миль. Миссисипи и рѣки въ нее впадающїя орошаютъ и довольствуютъ пространство земли, содержащее въ себѣ 18,000 миль кв. Рѣки, текущїя въ

Соединенныхъ Областяхъ, по большой части впадаютъ въ океанъ Атлантическій. Достойныя примѣчанія изъ нихъ суть: Саванна, Сусквеганна, Потомакъ, Гудзонъ Делаваръ и Коннектикутъ.

Разумѣется, что климатъ въ такой землѣ, которая занимаетъ столь великое пространство, не одинаковъ; даже между восточною половиною и западною примѣтно великое различіе. Чѣмъ ближе къ горамъ, тѣмъ холоднѣе. На сѣверѣ климатъ весьма холоденъ, и зима продолжительна. Южная часть томится отъ вреднаго воздуха и зноя, которой раждаетъ страшную желтую лихорадку. Жители, обитающіе при Миссисипи и Огіо, пользуются благорастворенным воздухомъ. На берегахъ погода весьма непостоянна; вѣтеръ почти каждой день перемѣняется. Ртуть въ термометрѣ поднимается и упадаетъ такъ часто, что не льзя на него полагаться. Однакожь населеніе и промышленность жителей смягчили суровость климата. Рѣка Св. Лаврентія прежде замерзала однимъ мѣсяцомъ ранѣе; зима прежде была холоднѣе и продолжительнѣе, за то погода была тогда постояннѣе.

Полоса земли, столь обширная и многообразная по своей почвѣ и климату, заселена не болѣе тому двухъ сотъ лѣтъ. Отъ

средины населенїе распространилось на сѣверную часть и на южную. Въ царствованїе Англїйской Королевы Елисаветы, въ 1585 году, славный Адмиралъ Валтеръ Ралейгъ высадилъ 107 колонистовъ на берегъ, названной имъ Виргинїею, въ честь дѣвствующей своей Государыни. Сїи колонисты сколько ни старались обработать землю и сдѣлать ее плодородною, сколько ни боролись съ недостаткомъ въ вещахъ самыхъ необходимыхъ — но наконецъ принуждены были возвратиться въ отечество. Никакїе овощи не удавались на землѣ неблагодарной. Спустя по томъ двадцать лѣтъ, уже въ царствованїе Іакова I., Англїйскїя населенїя въ сѣверной Америкѣ сдѣлались постоянными. Сей Король дозволилъ своимъ подданнымъ селиться на земляхъ между 34 и 45 градусами широты, незанятыхъ еще другими нацїями; многїе Англичане рѣшились искать счастїя за Атлантическимъ Океаномъ. Для скорѣйшаго умноженїя числа колонистовъ, Правительство опредѣлило посылать на сѣверные берега Америки всѣхъ преступниковъ, не заслужившихъ смертной казни. Работа направляла къ полезной цѣли трудолюбїе и неутомимость многихъ людей, которые, живучи въ Европѣ, отъ праздности и недостатка въ занятїяхъ были бездѣльниками. Новые колонисты, подобно древнимъ Римлянамъ, нуждались женщинами. Іаковъ I.

въ 1618 году отправилъ къ нимъ 90 дѣвокъ. Число переселенцовъ особливо умножилось на сѣверовосточномъ берегу Англичанами, которые не могли долѣе оставаться въ отечествѣ, по причинѣ утѣсненій политическихъ и терпимыхъ за вѣру. Въ сѣверной части нынѣшнихъ Соединенныхъ Областей поселились изувѣры, и въ особенности Пуританы. Такимъ образомъ, менѣе нежели въ двадцать лѣтъ, составились Ньюгампширъ, Менъ, Массачусецъ и Коннектикутъ, которые, желая придать себѣ болѣе важности, въ 1643 мъ году приняли названіе новой Англіи и заключили союзъ между собою. Къ новой Англіи принадлежалъ и Роде-Исландъ, сначала занятый Голландцами; съ 1638 стали на немъ селиться Англичане.

Въ царствованіе Карла I., многія недовольныя семейства, оставя Англію, переправились въ Америку, гдѣ находили убѣжище отъ гоненій. Карлу II. принадлежитъ слава законодателя: онъ далъ симъ колоніямъ порядочное Уложеніе. Въ его время умножилось число поселенцовъ и разпространились ихъ области.

Въ провинціи, нынѣ называемой Новымъ Йоркомъ, сперва (1614) поселились Голландцы, наименовавъ ее Новою Голландіею, и заложили городъ Новой Амстердамъ. Одна-

кожь въ царствованіе Карла II. (1664) Англичане взяли верхъ. Область названа по имени Королевскаго брата, Герцога Йоркскаго, и Новый Амстердамъ превратился въ Джаместовнъ. При рѣкѣ Делаварѣ, такъ названной по имени одного Виргинскаго Губернатора, сперва поселились Шведы, которыхъ по томъ вытѣснили Голландцы, и сами были принуждены уступить силѣ Англичанъ. Въ Новомъ Джерзеѣ (Nova Caesarea) также сперва поселились-было Шведы, но и ихъ Англичане принудили уступить себѣ.

Ни одна изъ Англійскихъ колоній, составившихся на сѣверовосточномъ берегу Америки, не можетъ похвалиться такою мудростію своего основателя, какъ Пеннсильванія. Современникъ Карла II., Вильямъ Пеннъ, по пылкости своего воображенія, прилѣпившійся къ наполненнымъ мечтами правиламъ Квакеровъ, получилъ отъ своего отца, заслуженнаго Адмирала, въ наслѣдство денежную сумму, которая была въ долгу на казнѣ государственной. Правительство вмѣсто денегъ отдало Пенну (1681), полосу земли, въ длину простиравшуюся на три градуса, то есть на сорокъ пять миль, за которую онъ, кромѣ того, заплатилъ еще жителямъ по договору. Тамъ Пеннъ собралъ многихъ своихъ единовѣрцовъ, и основалъ городъ Филадельфію. Мариландъ сначала составлялъ

часть южной Виргинїи. Въ 1628 году Карлъ I. отдалъ его Лорду Бальтимору, которой сїю провинцїю сдѣлалъ мѣстомъ убѣжища для Католическихъ своихъ единовѣрцовъ, и назвалъ ее по имени Королевской супруги. Въ царствованїе Вильгельма II. Католики были гонимы. Каролина, которую открыли Испанцы и присоединили къ Флоридѣ, была оставлена въ небреженїи, потому что не могла удовлетворять ихъ жаднаго корыстолюбїя. Единовѣрцы Адмирала Колиньи бѣжали сюда искать убѣжища отъ жестокости Карла IX., Короля Французскаго. Но и тамъ Англичане сдѣлались господами; ихъ колонисты умножались, а особливо въ царствованїе Карла II., когда Пуританы и другїе недовольные оставляли отечество. Сѣверная Каролина 1710 года населена Пфальцскими жителями, и по томъ (1728) отдѣлена отъ Каролины южной. Первые жители Георгїи (1782) были нищїе и всякая сволочь; къ нимъ присоединились Сальцбургцы и жители верхней Германїи.

Такимъ образомъ составилось тринадцать Бриттанскихъ колонїй, которыя, тридцать лѣтъ передъ симъ, сдѣлались независимыми. Война семилѣтняя, къ которой подали поводъ границы сихъ колонїй, разпространившїяся до Огїо, весьма увеличила государственной долгъ Англїи. Ежегодныя

издержки на Американскія колоніи были чрезвычайны, почему Великобританское Правительство сочло нужнымъ часть бремени своего возложить на Сѣвероамериканскія провинціи. Колоніи знали, что отъ нихъ требуютъ должнаго; однакожь хотѣли, чтобы не Великобританской Парламентъ, но ихъ собственной разпредѣлилъ налоги; — въ этомъ имъ, какъ Англійскимъ подданнымъ, было отказано. Тогда въ сѣверныхъ Американцахъ возбудилось желаніе избавиться отъ Англійскаго ига, — возбудилось тѣмъ стремительнѣе, чѣмъ сильнѣе они были увѣрены въ заслугахъ своихъ, оказанныхъ Англичанамъ. Началась девятилѣтняя война, и (1783) рѣшила независимость колоній. Въ сіе время къ тринадцати провинціямъ, изъ которыхъ состояла Республика, присоединилось еще четыре. Область Кентуки отнята (1772) у природныхъ жителей. Вермонтъ — часть новой Голландіи — былъ покрытъ непроходимымъ лѣсомъ, и населенъ не прежде 1760 года. Тенесса и Челикотъ, при рѣкѣ Огіо, образовались еще позже. Республика владѣетъ кромѣ того общею полосою земли, лежащею между Большими озерами и рѣками Огіо и Миссисипи. Съ 1803 года Республика приобрѣла отъ Франціи Луизіану.

Столь обширныя земли надѣляютъ жителей множествомъ не только полезныхъ

произведенїй, служащихъ для прокормленїя, но и другихъ предметовъ, которые съ великою выгодою отпускаются за границу. Хотя до сихъ поръ въ рудникахъ Сѣверо-американскихъ еще не открыты драгоцѣнные металлы; однакожь найдено въ нихъ великое множество минераловъ, которые необходимо нужны на фабрикахъ и мануфактурахъ. Вездѣ, начиная отъ Георгїи до Мена, находятъ въ изобилїи желѣзо, мѣдь, свинецъ, соль и каменные уголья. Мѣдью особенно богата страна, лежащая между Большими озерами, также Новый Йоркъ и Луизїана. Множество желѣза достаютъ въ Новомъ Йоркѣ, Новомъ Джерзеѣ, Мариландѣ и Луизїанѣ, которая производитъ малое количество серебра и свинцу. Въ Виргинїи селитра и въ Кентуки соль родятся въ великомъ изобилїи.

Царство растенїй въ Республикѣ Сѣверо-американской столь же обильно, сколь различны климаты. Въ Новомъ Джерзеѣ, въ Пеннсильванїи, въ Делаварѣ родится множество хлѣба; Ньюгампширъ изобилуетъ превосходными деревами; Новой Йоркъ, сѣверная Каролина и Мариландъ производятъ отмѣнной ленъ; въ Мариландѣ, Виргинїи и южныхъ областяхъ собираютъ довольно табаку; въ тѣхъ же провинцїяхъ, а особливо въ Кентуки, дѣлаютъ весьма вкусное вино; въ Вир-

гинїи, Мариландѣ, Кентуки и Луизїанѣ растетъ хлопчатая бумага, которая хотя и уступаетъ Восточно-Индїйской, однакожь выгодно употребляется въ дѣло; обѣ Каролины и Георгїя производятъ индиго, ужовникъ, сарсапарель, сассафрасъ, оливы, миндаль, померанцы и другїе прїятные плоды.

Провинцїи Сѣвероамериканской Республики не имѣютъ недостатка въ домашнихъ животныхъ. Въ Виргинїи родятся хорошїя лошади, отличающїяся на ристалищахъ. Въ сей же провинцїи находятъ дикихъ лошадей, равно какъ въ Тенессѣ дикую рогатую скотину. Сѣверная Каролина и южная изобилуютъ звѣриными мѣхами. Въ Ньюгампширѣ водятся бобры и лоси; въ лѣсахъ и пустыняхъ Каролины бродятъ волки, тигры и барсы. Шелковичные черви особенно разводятся въ Коннектикутѣ, Пеннсильванїи и Георгїи. Большая часть провинцїй изобилуетъ рыбою. Надлежитъ здѣсь прибавить, что въ южной Каролинѣ водятся гремячїе змѣи.

Вообще, земля въ Сѣвероамериканской Республикѣ весьма богата; но до сихъ поръ еще не хорошо обработана. Обширные лѣса и степи требуютъ прилѣжныхъ рукъ человѣческихъ, которыхъ тамъ не слишкомъ много. Ибо, если принять, что число жи-

телей простирается до 6 миллїоновъ, то едва ли по сту человѣкъ достанется на каждую квадратную милю. Разумѣется, что жители сїи населены не вездѣ равно: въ однѣхъ провинцїяхъ чаще, въ другихъ рѣже. Многолюднѣйшїя области суть: Пеннсильванїя, Мариландъ и Виргинїя, въ которыхъ на каждой милѣ квадратной живетъ отъ 5 до 600 человѣкъ. Жители происходятъ по большой части отъ 80,000 колонистовъ. За пятьдесять лѣтъ передъ симъ, въ тринадцати провинцїяхъ, составлявшихъ Сѣвероамериканскую Республику, считалось жителей не болѣе одного миллїона. Спустя по томъ тридцать лѣтъ, когда колонїи сдѣлались уже независимыми, число жителей возрасло до 2 миллїоновъ съ половиною; а еще черезъ двадцать лѣтъ многолюдство болѣе нежели вдвое умножилось. Если оно въ такой же пропорцїи будетъ увеличиваться, то Сѣвероамериканская Республика можетъ со временемъ сдѣлаться страшною для всей Америки.

Едва ли найдется другая земля, гдѣ жители имѣли бы столь различныя произхожденїя, какъ въ областяхъ Сѣвероамериканской Республики. Къ первымъ колонистамъ — Голландцамъ, Шведамъ, Англичанамъ и Французамъ — въ новѣйшїя времена присоединились еще Нѣмцы и Швейцары. Въ услуженїи

у сихъ людей находится около 900,000 негровъ; сколько же должно быть мулатовъ! Правда, число прежнихъ жителей Тшерокіевъ, раздѣляющихся на многія племена, знатно уменьшилось.

Промышленность и рукодѣлія разпространились въ Соединенныхъ областяхъ Сѣвероамериканскихъ, а особливо съ того времени, когда корыстолюбивыя распоряженія Англійскаго Правительства перестали утѣснять колоніи. Тамъ приготовляются теперь различныя издѣлія, не только служащія для пользы и удовольствія края, но и для вывоза внѣ государства. Въ Коннектикутѣ вырабатывается большое количество толстой холстины; въ Филадельфіи дѣлаются шерстяныя и шелковыя матеріи; въ Пеннсильваніи — бумага и фарфоровая посуда; въ Джермантовнѣ и Филадельфіи — хорошія кареты и повозки, посылаемыя въ западную Индію. Въ Филадельфіи, Бостонѣ, Новомъ Йоркѣ и Балтиморѣ живутъ многіе искусные художники, которые дѣлаютъ математическія, оптическія и физическія орудія. Бетлегемъ, что въ Пеннсильваніи, снабжаетъ глиняною посудою. Плавиленныхъ заводовъ и желѣзныхъ фабрикъ вездѣ находится такое множество, что большая часть издѣлій, на нихъ приготовляемыхъ, отпускается въ чужіе краи. Въ Пеннсильваніи льютъ пушки.

Вообще, всѣ обстоятельства благопріятствуютъ разпространенію торговли въ Сѣвероамериканской Республикѣ. Области имѣютъ между собою сообщеніе посредствомъ рѣкъ и каналовъ; отъ того въ послѣднія времена сумма вывозимыхъ товаровъ чрезвычайно увеличилась. За пятьнадцать лѣтъ передъ симъ (1790), товаровъ за границу отпускаемо было не болѣе, какъ на 20,400,000 долларовъ, или піастровъ. Въ 1796 году вывезено было уже на 40 милліоновъ, а въ 1803 почти на 59 милліоновъ. Самое выгодное время для торговли Сѣвероамериканскихъ областей было въ продолженіе войны революціонной, когда мореплаваніе и торговля Государствъ Европейскихъ находились въ упадкѣ отъ притѣсненій. Такъ напримѣръ въ 1801 году отпущено товаровъ на 93 милліона; тогда изъ одного Новаго Йорка вывезено на 20 милліоновъ.

Отпускаемые товары суть: масло, сыръ, ветчина, солонина, свиное сало, свѣчи сальныя, Турецкая пшеничка, пшеница, медъ, хлопчатая бумага, табакъ, деготь, скипидаръ, кареты и желѣзныя вещи. Въ 1790 году отправлено деревянныхъ издѣлій, смолы и скипидару, на два милліона съ половиною долларовъ; табаку — на четыре милліона; индиго — на 537,400, хлопчатой бумаги на 58,400; хлѣба — на сумму, составляющую

почти половину всего отпуска. Желѣзныхъ вещей въ 1791 году отпущено болѣе нежели на 150,000 піастровъ.

О чрезвычайныхъ успѣхахъ промышленности можно судить по быстрому разпространенію городовъ и увеличенію числа жителей. Главные города, Бостонъ, Новый Йоркъ, Филадельфія и Вашингтонъ, въ теченіе немногихъ лѣтъ разпространились и увеличились, въ разсужденіи количества жителей, до невѣроятности. Въ Филадельфіи въ одинъ только 1803 годъ построено домовъ отъ 7 до 800. Вашингтонъ, главный городъ Республики, скоро сравнится съ первостепенными городами въ Свѣтѣ.

Правители городовъ не упустили изъ вида воспитанія юношества. Въ Ганноверѣ (въ Ньюгампширѣ), въ Камбриджѣ (въ Массачусетсѣ), въ Ньюгавенѣ (въ Коннектикутѣ), въ Филадельфіи и Ланкастерѣ (въ Пеннсильваніи), въ Колумбіи (въ южной Каролинѣ) открыты Университеты. Въ Новомъ Йоркѣ есть Академія Наукъ. Авторы работаютъ такъ прилѣжно, что уже учреждены двѣ книжныя ярмарки, одна въ Филадельфіи, другая въ Новомъ Йоркѣ; на первой изъ нихъ въ 1802 году съѣхалось 49 книгопродавцевъ.

Извѣстно, что въ Республикѣ Сѣверо-американскихъ Областей нѣтъ господствующей религіи. Тамъ люди разныхъ Христіянскихъ исповѣданій живутъ мирно одинъ подлѣ другаго. Большая часть жителей держится Реформатскаго исповѣданія.

Законодательная власть находится въ рукахъ Депутатовъ, составляющихъ Генеральной Конгрессъ. Изъ 33,000 жителей избирается одинъ Депутатъ. Сіи Депутаты засѣдаютъ въ двухъ Палатахъ, или Камерахъ, то есть въ Сенатѣ (которой почти тоже, что верхній Парламентъ въ Англіи), и въ Палатѣ Депутатской. Власть исполнительная ввѣрена Президенту и Вице-президенту. Нынѣшній Президентъ Джефферсонъ заступилъ мѣсто Адамса, которой выбранъ былъ послѣ кончины безсмертнаго Вашингтона. Почти каждая Область имѣетъ свой Парламентъ, которымъ управляетъ Губернаторъ.

Доходы государственные ежегодно возрастаютъ. Въ девять лѣтъ (отъ 1791 до 1799) Республика получила 77 милліоновъ талеровъ; слѣдственно круглымъ числомъ на каждой годъ выходитъ по 8 милліоновъ съ половиною: Въ 1796 государственной доходъ состоялъ только изъ 7,188,000 долларовъ; но въ 1799 онъ воз-

росъ до 12,550,000. Такое приращенїе произошло отъ того, что бывшая война въ Европѣ благопрїятствовала промышленности Областей Сѣвероамериканскихъ. Когда по заключенїи мира возобновлены прежнїя торговыя сношенїя между Государствами Европы, доходы Республики опять уменшились; ибо въ 1801 году они состояли только изъ 9,800,000, а въ слѣдующемъ году изъ 10,600,000. Новое Государство, когда мало еще имѣло пособїй, вошло въ долгъ, которой въ 1791 году простирался до 81,811,400 долларовъ. Въ 1802 долгъ сей состоялъ только изъ 77,882,000. Въ десять лѣтъ не заплачено и четырехъ милїоновъ; слѣдственно Республика весьма долго еще будетъ обременена долгами, не смотря на то, что въ издержкахъ наблюдаетъ примѣрную бережливость. Въ 1801 году на внутреннїя дѣла (Президентъ и Вицепрезидентъ получаютъ ежегодно не болѣе 30,000 дол.), издержано 266,500, на внѣшнїя дѣла 68,333, на военную часть 485,163 дол.

Военныя силы, а особливо морскїя, также въ разныя времена были различны. Въ 1799 году флотъ состоялъ изъ 15 фрегатовъ, 11 куттеровъ, 16 малыхъ судовъ вооруженныхъ, 6776 человѣкъ военнослужителей и 950 пушекъ. Въ послѣднїе годы считалось 40 военныхъ судовъ; и 7366

жителей. Въ числѣ фрегатовъ пять было о 44, четыре о 36, шесть о 32 пушкахъ. Регулярная сухопутная сила въ 1800 году состояла изъ 4 полковъ пѣхоты, 2 артиллерійскихъ и 2 ротъ легкихъ драгунъ, всего изъ 5540 человѣкъ, которые занимали мѣста пограничныя. Но главной защиты отечество ожидаетъ отъ земской милиціи, въ которую записаны всѣ жители отъ 18 до 45 лѣтъ. Въ 1799 число ихъ простиралось до 854,000 человѣкъ.

II.

Военной судъ надъ Сиромъ Робертомъ Калдеромъ.

Декабря 23 дня въ Портсмутѣ на линейномъ кораблѣ: *Принцъ Валлійскій*, производился военной судъ, состоявшій изъ 6 Адмираловъ и 6 Капитановъ, которые разсматривали поступки Адмирала Калдера во время морскаго сраженія, 22 Іюля и въ слѣдующіе дни. Дѣло состояло въ томъ, для чего Калдеръ не употребилъ всѣхъ возможнѣйшихъ средствъ снова вступить въ бой съ непріятелемъ при Ферролѣ; для чего не овладѣлъ, или не истребилъ кораблей, съ которыми надлежало сражаться.

Г. Фентовъ, Маршалъ Адмиральтейства, ввелъ подсудимаго Адмирала въ присудствїе, и просилъ для себя стула; въ этомъ было ему отказано, потому что нѣтъ обыкновенїя давать стулъ надзирателю надъ подсудимыми. Прочитано письмо Сира Роберта Калдера, въ которомъ онъ просилъ, чтобы нарядили военной судъ для изслѣдованїя его поступковъ. Свидѣтели присягнули.

Показанїе Адмирала Стирлинга: 23 Іюля непрїятельской флотъ приближился къ нашему. Мы поплыли къ нему на встрѣчу. Онъ поворотилъ назадъ. Мы примкнули къ отнятымъ кораблямъ. Непрїятельской фрегатъ примѣчалъ за нами. *Трїумфъ* погнался за нимъ. На другой день непрїятель подошелъ къ намъ линїею и приближился на 4 морскїя мили; по томъ опять удалился. Мы потеряли его изъ виду. Непрїятель подходилъ къ намъ только для того, чтобы показать, будто онъ могъ, но не хотѣлъ вступить съ нами въ дѣло. Адмиралъ отплылъ назадъ, для прикрытїя поврежденнаго корабля *Виндзоръ-Кастль* и отнятой добычи.

Вопросъ. Сдѣлалъ ли Адмиралъ знакъ, или показалъ ли, что хочетъ снова начать сраженїе? *Отвѣтъ.* Я сказалъ выше, что Адмиралъ имѣлъ намѣренїе прикрыть поврежденной *Виндзоръ-Кастль* и корабли, отнятые

у непріятеля. Впрочемъ я ничего такого не замѣтилъ, что показывало бы намѣреніе снова начать сраженіе. — *Вопр.* Направилъ ли Адмиралъ 24 числа флотъ Британской на непріятеля? *Отв.* Британской флотъ поплылъ въ противную сторону. — *Вопр.* Могъ ли Британской флотъ 24 числа съ выгодою преслѣдовать непріятеля? *Отв.* Я не вижу, что могло бы помѣшать Британскому флоту преслѣдовать непріятеля, если бы Адмиралъ захотѣлъ это сдѣлать. — *Вопр.* Сколько кораблей было повреждено? *Отв.* Одинъ только *Виндзоръ-Кастль* — болѣе мнѣ не извѣстно. — *Вопросъ Адмирала Калдера.* Было ли море въ волненіи, и не могли ль корабли столкнуться? *Отв.* Море волновалось; однакожь о томъ не дано сигнала.

По томъ прочитаны письма Сира Роберта Калдера и Адмирала Спирлинга. С. Р. Калдеръ пишетъ къ Спирлингу, что „онъ не сдѣлалъ вторичнаго нападенія, считая нужнымъ прикрытіе *Виндзоръ-Кастля* и кораблей отнятыхъ у непріятеля; сверхъ того онъ хотѣлъ плыть къ Финистерру, и тамъ дожидаться Лорда Нельсона.“

Показаніе Контръ-Адмирала Мартина. *Вопр.* 23 Числа поутру былъ ли данъ сигналъ отъ Адмирала о починкѣ кораблей?

Отв. Сигналъ былъ данъ; однакожъ мы отвѣчали, что не имѣемъ нужды въ починкѣ. — *Вопр.* Могъ ли Бриттанской флотъ 23 числа приближиться къ непріятелю и снова начать сраженіе? *Отв.* Приближиться могъ; но начатіе сраженія зависѣло большею частію отъ движеній непріятеля. — *Вопр.* Показалъ ли Адмиралъ желаніе свое начать бой? *Отв.* Нѣтъ. — *Вопр.* Могъ ли Бриттанской флотъ 24 числа преслѣдовать непріятеля? *Отв.* Кромѣ *Виндзоръ-Кастля*, какъ мнѣ извѣстно, всѣ корабли находились въ хорошемъ состояніи. — *Вопр.* Показалъ ли Адмиралъ желаніе свое преслѣдовать непріятеля? - Тутъ самъ С. Р. Калдеръ вмѣшался и сказалъ, что онъ не изъявилъ желанія снова сражаться съ непріятелемъ, ибо думалъ только о прикрытіи кораблей поврежденныхъ. — *Вопросы С. Р. Калдера.* Показалъ ли непріятель желаніе снова начать бой? *Отв.* Непріятель подошелъ къ намъ 23 числа по полуночи, какъ мнѣ кажется, для возобновленія сраженія; но какъ онъ тотчасъ поворотилъ назадъ, то я и заключаю, что его намѣреніе было нерѣшительно. — *Вопр.* Не поплылъ ли я къ нему на встрѣчу? *Отв.* Поплылъ. — *Вопр.* Не волновалось ли море? *Отв.* Волновалось. — *Вопр.* Не находился ли Бриттанской флотъ между непріятельскимъ флотомъ и Ферролъскою гаванью? *Отв.* Находился.

Судья - Адвокатъ объявилъ, что его дѣло приведено къ концу; ибо Адмиралъ Калдеръ признался, что всѣ корабли, кромѣ *Виндзоръ - Касталя*, были въ состоянїи сражаться съ непрїятелемъ. С. Р. Калдеръ отвѣчалъ, что онъ еще не сказалъ этого.

Дурганъ, Капитанъ корабля *Дефенсъ*, подтвердилъ сказанное выше. Инманъ, Капитанъ *Трїумфа*, сдѣлалъ то же, и на вопросъ — былъ ли поврежденъ корабль его? — отвѣчалъ, что на кораблѣ его сбита была мачта, но что онъ о томъ не объявилъ, почитая тогдашнее время неудобнымъ для представленїя о починкѣ мачты.

Защищенїе С. Р. Калдера. „Я съ честїю служилъ Его Величеству сорокъ семь лѣтъ, и уже передъ концемъ своего теченїя многими причинами убѣжденъ былъ требовать военнаго суда. Я хотѣлъ, чтобы изслѣдовали всѣ мои поступки; но Адмиральтейству угодно было повелѣть только изслѣдовать, что я сдѣлалъ 23 и 24 чиселъ минувшаго Іюля. Соглашаюсь, что должность требуетъ отъ каждаго Британскаго начальника вступать въ сраженїе съ каждымъ непрїятельскимъ кораблемъ, которой съ нимъ ни встрѣтится; но думаю, что сїя должность исполнена, когда корабль или корабли одинъ разъ уже были въ сраженїи. Лордъ

Гове въ 1 день Іюня, и Адмиралъ Винсентъ 14 Февраля 1797 года, сдѣлали то же самое. Ссылаюсь на сіи примѣры. Они оба послѣ сраженія съ непріятелемъ имѣли его въ виду нѣсколько времени, однакожь не возобновляли бою. Начальникъ долженъ быть осторожень. Мнѣ донесено, что флотъ непріятельской состоялъ изъ шестьнадцати кораблей, которыхъ въ самомъ дѣлѣ было двадцать, между тѣмъ какъ я имѣлъ ихъ подъ моимъ начальствомъ только пятьнадцать. Не смотря на то, я напалъ на непріятеля, и — кажется, съ великою выгодою. *Виндзоръ-Кастль* и *Тріумфъ* были повреждены; я имѣлъ недостатокъ во фрегатахъ, и сверхъ того долженъ былъ беречь корабли, отнятые у непріятеля. Будучи въ такихъ обстоятельствахъ, я не почелъ нужнымъ въ другой разъ начинать сраженіе, тѣмъ болѣе, что я никакъ не могъ бы принудить непріятеля ко вступленію въ бой: всѣ выгоды вѣтра были на его сторонѣ. Что же касается до извѣстія, доставленнаго Адмиральтейству Поручикомъ Ничольсономъ, будто бы я рѣшительно хотѣлъ довести непріятеля до вторичнаго начатія дѣла, то нынѣ объявляю, что Поручикъ Ничольсонъ ни чемъ доказать не можетъ, точно ли я имѣлъ такое намѣреніе. Торжественно увѣряю васъ въ противномъ. Еще почитаю нужнымъ прибавить, что въ придворныхъ Вѣдомостяхъ

не все то напечатано, о чемъ я доносилъ Правительству."

С. Р. Калдеръ сослался на многихъ свидѣтелей, которые подтвердили, что *Виндзоръ-Кастль* и *Тріумфъ* были весьма повреждены, что море волновалось, и что вѣтеръ дулъ такимъ образомъ, что непріятель могъ избѣжать сраженія. Они единогласно объявили, что С. Р. Калдеръ 22 числа дѣйствовалъ съ отличнымъ мужествомъ.

Судьи заключили приговоръ слѣдующаго содержанія: „Военной судъ, по надлежащемъ, рачительномъ изслѣдованіи, находитъ совершенно справедливыми обвиненія противъ Сира Роберта Калдера — которой въ вышеупомянутые дни сраженія будто бы не употребилъ крайнихъ средствъ для завладѣнія кораблями непріятельскими, или для истребленія оныхъ, къ чему должность обязывала его. Военной судъ находитъ также, что сей поступокъ Вице-Адмирала Калдера не былъ слѣдствіемъ страха и робости, но что онъ произошелъ отъ *неправильности въ соображеніи*, за что Вице-Адмиралъ Калдеръ заслуживаетъ строгой выговоръ, которой ему и дѣлается."

Сей приговоръ произвелъ въ Сирѣ Робертѣ Калдерѣ сильное впечатлѣніе. Онъ вышелъ,

не говоря ни слова. Многіе пріятели провожали его. Сошедши съ корабля: *Принцъ Валлійскій*, и сѣвши въ ботъ, онъ повѣсилъ голову и не взглянулъ ни на одного человѣка.

(*Изъ Гамб. Кор.*)

III.

Извѣстія и замѣтанія.

Г. Талейранъ, Французскій Министръ внѣшнихъ дѣлъ, и Австрійскіе Генералы: Князь Лихтенштейнъ, Графъ Сен-Жюльень и Графъ Жюлай отправились въ Пресбургъ, для сочиненія статей окончательнаго мира. Вопреки ученію здравой Политики, которая говоритъ: *должно воевать, чтобы послѣ наслаждаться тишиною*, теперь нѣкоторыя воюющія Государства заключаютъ миръ, чтобы положить начало войнѣ кровопролитнѣйшей. Ибо, какъ думать, чтобы слѣдствія подписываемыхъ статей были для всѣхъ полезными? Какъ думать, чтобы Г. Бонапарте, показавшій многіе опыты своей *умѣренности*, уважилъ выгоды Европы, и согласился бы возстановить законъ равновѣсія, сей законъ, которому повиновались всѣ Монархи? Въ Имперской Ульмской газетѣ уже обнародованы подробныя извѣстія

о вновь предполагаемомъ раздѣлѣ Германіи. Положимъ, что сіи извѣстія почерпнуты изъ невѣрныхъ источниковъ: ибо переговоры, начатые въ Брюннѣ, и нынѣ производимые въ Пресбургѣ, еще не только не обнародованы, но и не приведены къ окончанію; однакожь безпокойной характеръ Г-на Бонапарте и нѣкоторыя обстоятельства подаютъ поводъ ожидать важнѣйшихъ событій. Замѣчено, что въ разпредѣленіи о наложенной контрибуціи (100 милліоновъ франковъ) на Австрійскія владѣнія, область Венеціанская не поставлена въ число провинцій, которыя должны платить военную подать. Это значитъ, что Г. Бонапарте не хочетъ разорять будущихъ *своихъ* подданныхъ. Слухи подтверждаются, что Венгрія точно будетъ управляема Королемъ независимымъ. Въ Минхенѣ, Штуттгардѣ, Карлсруге, и кажется во всей Германіи никто не сомнѣвается, что Курфирсты Баварскій, Виртембергскій и Баденскій возведены будутъ въ Королевское достоинство. Разумѣется, что владѣнія новыхъ Королей получатъ знатное приращеніе. На первой случай всѣ Австрійскія владѣнія, въ Швабіи лежащія, присоединены будутъ къ Баваріи. Для Курфирста Виртембергскаго готовится титулъ Короля Швабскаго; владѣнія его будутъ округлены со всѣхъ сторонъ, — слѣдственно непосредственное Рыцарство Имперское лишается

своихъ помѣстьевъ. Курфирстъ Архиканцлеръ нарочно писалъ къ Курфирсту Виртембергскому, чтобъ убѣдить его оставить намѣренія свои вразсужденіи Имперскаго Рыцарства; но посланникъ Курфиршескій объявилъ въ Регенсбургѣ, что Его Свѣтлость твердо рѣшился, и что еслибъ Сеймъ захотѣлъ дѣлать дальнѣйшія препятства, то онъ станетъ просить Францію о защитѣ и покровительствѣ.

Восемь сотъ человѣкъ Италіянской гвардіи пришло въ Минхенъ, куда скоро ожидаютъ и самаго Евгенія Богарне, которой, какъ извѣстно, женится на Баварской (иные говорятъ на Виртембергской) Принцессѣ. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ онъ осматривалъ при Болоніи народную гвардію Италіянскую, и произнесъ къ ней слѣдующее слово: „Меня радуетъ усердіе, съ которымъ войско собрано и устроено. Однакожь я долженствую объявить вамъ, что вы не будете драться ни съ какимъ непріятелемъ. Правда, непріятельская эскадра выгрузила войска свои въ Неаполитанскомъ Королевствѣ; однакожь Англичане и Русскіе не дойдутъ до нашихъ предѣловъ, а можетъ быть они хотятъ уже и назадъ отправиться" и проч. Пускай Г. Богарне ободряетъ свою народную гвардію, между тѣмъ навѣрное извѣстно, что Архіепископамъ и Епископамъ Королевства Италіянскаго, по поводу приближенія

высадныхъ войскъ, велѣно увѣщевать народъ къ повиновенію и поселять въ немъ довѣренность къ правительству; извѣстно также, что Русскіе и Англичане вступили уже въ Церковную область. —

Въ Лондонѣ занимаются похоронами Лорда Нельсона. Декабря 20 числа было собраніе Городскаго Совѣта въ присутствіи Лорда Мера и двухъ Алдермановъ. Лордъ Меръ прочиталъ два письма отъ Лорда Гакесбури, относительно до похоронъ. Погребальное шествіе должно быть совершено водою. Адмиралу Паркеру назначено предшествовать; за тѣломъ пойдутъ всѣ Адмиралы и Капитаны, находившіеся на битвѣ Трафальгарской. Принцъ Валлійскій будетъ присутствовать при совершеніи печальнаго обряда. Всѣ знамена и флаги, взятые у непріятеля въ достопамятную эпоху Нельсоновой кончины, будутъ положены, въ день похоронъ, въ церкви Св. Павла, гдѣ приготовлены мѣста для 3000 зрителей.

Имѣю честь увѣдомить почтеннѣйшихъ Особъ, которыя иногда присылаютъ свои сочиненія и переводы для помѣщенія въ Вѣстникѣ Европы, что всего мною получаемаго не могу печатать по разнымъ причинамъ, изъ которыхъ главная есть — недостатокъ въ листкахъ, назначаемыхъ для сего употребленія. Впрочемъ, всякую піэсу впредь, какъ и до сихъ поръ, буду принимать съ искреннею признательностію; только прошу покорнѣйше Господъ Авторовъ не требовать отъ меня, чтобы присылаемыя бумаги были отправляемы обратно; — прошу покорнѣйше оставлять у себя съ нихъ списки, и если по прошествіи одного мѣсяца піэса не будетъ напечатана въ моемъ Журналѣ, принимать другія мѣры сдѣлать ее извѣстною Публикѣ.

Изд.

ОШИБКИ

Въ 1 Нумерѣ Вѣстника Европы.

Напечатано.			*Читать должно:*
Стран.	стр.		
24.	11.	передъ вами! — —	передъ нами! — —
48	18	*мастерстео*	*мастерство*
51	6	*еа Государя*	*за Государя.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ФЕВРАЛЬ, 1806.

№ 3.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Солнце.

Великолѣпная планета,
Дарующа вселенной день,
Блистательный источникъ свѣта,
Лампада міра, — Божья тѣнь! —
Твое недремлющее око,
Всходя на горизонтъ высоко,
Во всю вселенну долу зритъ;
Небесны своды освѣщаетъ,
Глубоки бездны посѣщаетъ,
Всё грѣетъ, — всё животворитъ.

*

Когда Господь устроилъ землю
И небомъ вкругъ ее облекъ, —
Я слово Творческое внемлю:
Да будетъ свѣтъ! Онъ въ мысляхъ рекъ:

Свѣтъ бысть! и въ шаръ совокупился;
Тогда твой свѣтлый ликъ явился —
Златою пеленой заря
Новорожденный міръ покрыла,
И всѣ небесныя свѣтила
Тебя срѣтали, какъ Царя.

⁂

Въ дубровахъ птицъ пріятны хоры
Пришествіе твое поютъ,
Куреньемъ благовоннымъ горы,
Тебя поля и дебри чтутъ. —
Твоимъ сіяньемъ притупленны
Не могутъ наши очи бренны
Зрѣть яркость блеска твоего:
Мы такъ не можемъ видѣть Бога,
Проникнуть внутрь Его чертога; —
Но ты не Богъ, — а тронъ Его.

⁂

Когда лучи твои явятся
И ликъ твой землю озаритъ;
Всѣ твари въ мірѣ пробудятся,
Лишь роскошь и безпечность спитъ.
Стада бѣгутъ на жирну паству —
И вранъ и змѣй находятъ яству;
Ты всходишь міръ возобновить;
Мы сномъ какъ смертью усыпленны,
Твоимъ бліяньемъ воскрешенны,
Вседневно начинаемъ жить.

⁂

Сквозь тучи проглянувъ лучами,
Свои скрывая красоты,
Какими райскими цвѣтами
Дугу рисуешь въ мракахъ ты!
Намъ въ радостныхъ восторгахъ мнится,
Что хочетъ небо съединиться, —
И съединилося съ землей;
Что написуется дорога
Изъ тлѣнности ко граду Бога
Для добродѣтельныхъ людей.

*

Разгнавъ туманы, оживляешь
Всея Природы существа;
Но жизнь отколѣ почерпаешь? —
Ты, Солнце, искра Божества!
Гдѣ Духъ предвѣчный обитаетъ,
Который міръ одушевляетъ,
Твореньямъ бытіе даетъ;
Дохнетъ, и кедръ Ливанскій зрѣетъ,
Дохнетъ, и поле зеленѣетъ,
Дохнетъ, всё дышетъ, всё растетъ.

*

Твоимъ что въ мірѣ окомъ зримо,
Все тлѣетъ, рушится, падетъ;
Но ты само неистощимо,
Всегда твой чистъ и полонъ свѣтъ;
Разрушилися горъ громады,
Изчезли царства, троны, грады,

Изсякли сонмы бурныхъ водъ;
Какъ искры гаснутъ человѣки;
Не премѣнился многи вѣки
Твой исполинскій въ мірѣ ходъ.

⁂

Но, Солнце, ты само не вѣчно,
И ты угаснешь наконецъ;
Всему творенью скоротечно
Назначилъ бытіе Творецъ;
И ты съ звѣздами помрачишься,
Въ источникъ прежній возвратишься,
Откуда свѣтъ твой произтекъ; —
Но разъ свѣтиломъ міру данно,
Ты съ ризой Вышняго сліянно,
Свѣтиться будешь въ ней во вѣкъ.

М. Херасковъ.

II.

Цирцея.

На каменной скалѣ, страшилищѣ Природы,
Безплодный дикій верхъ вознесшей къ небесамъ,
Цирцея, слезъ проливъ потокъ,
Отчаянна, блѣдна, дрожаща, полумертва,
Тоски сердечной жертва,
Свой злой оплакивала рокъ.

Тамъ бросивъ съ высоты бродящій взоръ на воды,
Улисса по слѣдамъ,
По вѣтрамъ, по волнамъ
Бѣгущаго его, казалось, догоняетъ,
Ужь видѣть думаетъ, — и въ изступленьи семъ
Какъ бы спокоясь, — отдыхаетъ;
Въ прерывчивомъ вздыханіи своемъ
Обратно такъ его, всхлипая, призываетъ:
„Рушитель моего покою,
Постой, жестокой! — оглянись;
Не жаръ твой раздѣлить со мною,
Изъ сожалѣнья — возвратись,
И ускори хотя мнѣ смерть!
Любовью сердце умерщвленно,
Но ей еще оно дышитъ.
Тиранъ! — ахъ! такъ ли заплаченно
То пламя, что тобой горитъ?
Рушитель моего покою,
Постой, жестокой! — оглянись;
Не жаръ твой раздѣлить со мною,
Изъ сожалѣнья — возвратись,
И ускори хотя мнѣ смерть!“
Въ такихъ она словахъ печаль свою являетъ;
Но ко волшебству вмигъ прибѣжище беретъ,
Со воплемъ всѣхъ боговъ изъ ада заклинаетъ,
Паркъ, Фурій, Немизисъ, Цербера, Алектону;
Взываетъ къ тройственной Гекатѣ, къ Флегетону,

Чтобъ возвратили къ ней любви ея предметъ.
Тутъ срубъ на олтарѣ кровавомъ загорѣлся
Снизшедшей молніей, и въ мигъ единъ пожерлся.
Пары сгустилися, покрылся мракомъ свѣтъ,
Остановилося теченіе планетъ;
И рѣки съ шумомъ вспять побѣгли въ вихрѣ зѣльномъ;
Въ жилищѣ самъ Плутонъ содрогся подземельномъ.

Столь голосомъ грознымъ
Подвигнулся адъ,
И гуломъ громовымъ
Сводъ звукнулъ Плеядъ;
Завѣса ужасна
Подернула свѣтъ;
Дно тартара мрачна
Содрогшись реветъ;
Кипитъ и ярится
Морь бурна волна;
Вспять съ страху вратится
Кровава луна.

Такое сильное очарованье злобы
Во преисподней всѣхъ встревожило тѣней:
Встаютъ отъ ужаса, оставя сонъ свой, гробы,
И въ воздухѣ вдали, Эреба въ безднѣ всей,
Глухій, унылый вопль, печальны завыванья,
Ревъ, скрежетъ слышанъ ихъ;
И съ ними страшныхъ бурь смѣшенныя свистанья

Изведшихъ изъ могилъ вертеповъ подземныхъ.
Но всѣ усилія безплодны суть сіи.
О ты, любовница несчастна!
Сильнѣйшему тебя ты божеству подвластна.
Чрезъ чары ты свои
Могла потрясть весь міръ и молніей ужасной
Зѣвъ ада распалить;
А злобой лишь — чего не могъ твой взоръ прекрасной —
Не можешь учинить.
Любовь никакъ не льзя принудить,
Чужихъ она не терпитъ правъ;
Зависѣть — отъ себя лишь любитъ,
Ей нравиться — лишь милымъ ставъ;
Законъ ея весь свѣтъ плѣняетъ,
Ни чьихъ не вѣдаетъ сама.
Зима — поля цвѣтовъ лишаетъ,
Вѣнчаетъ розами весна;
Борей — Зефировъ прогоняетъ;
Зефиръ — Бореевъ; солнце — тма;
А какъ любовь ужь улетаетъ,
Не возвращается она.

Д — нъ.

III.

Счастливое лицемѣрство.

При окончаніи зимы, на страстной недѣлѣ, молодой Графъ Арманъ обѣдалъ въ гостяхъ, и не могши дождаться своей кареты, рѣшился отправиться домой пѣшкомъ. Когда онъ шелъ по улицѣ Б*, вдругъ полившійся дождь заставилъ его вбѣжать въ церковь. Монахини за рѣшеткою пѣли вечерню. Черезъ четверть часа Графъ, вставши съ мѣста, хотѣлъ выдти; послѣ короткаго молчанія раздалось по церкви восхитительное пѣніе; голосъ, выходившій изъ за рѣшетки на хорахъ, былъ такъ пріятенъ, что Графъ опять сѣлъ и захотѣлъ дослушать. Невидимая особа пѣла съ совершеннымъ искуствомъ. Хотя Арманъ былъ напитанъ правилами новой Философіи; однакожь небесной голосъ, доходившій до сердца, производилъ въ немъ сладкія впечатлѣнія, и придавалъ окружающимъ предметамъ трогающую, торжественную наружность. Такъ драгоцѣнная амбра, смѣшанная съ другими веществами благоухающими, даетъ пріятной запахъ . . . . . Арманъ, наслаждаясь Ангельскимъ пѣніемъ, съ чувствомъ благоговѣнія смотритъ на черныя покрывала, на жертвенникахъ лежащія; смотритъ на гробницу, у которой признательное благочестіе, простершись передъ Распятіемъ,

въ безмолвіи размышляетъ о таинствѣ искупленія . . . смотритъ съ робостію на символическіе свѣтильники, погашаемые по пропѣніи каждаго стиха . . . Все напоминало о жертвѣ, о благодѣяніи, о любви неизреченной; все изображало задумчивость, печаль, благодарность. . . . . Голосъ умолкъ; свѣтильники угасли; едва можно было видѣть Святой гробъ, слабо освѣщаемой лампадою, завѣшенною чернымъ флеромъ . . . . Арманъ предается глубокому размышленію. Подходитъ монахиня, собирающая подаяніе. Графъ опамятывается, кладетъ деньги и спрашиваетъ, не монастырская ли послушница пѣла такъ искусно? — „Нѣтъ, сударь — отвѣчаетъ монахиня — это дѣвица Эрмина Вельмаръ.“ — Какъ! дочь Маркизы Вельмаръ, которая живетъ недалеко отсюда? — „Точно.“ — Сколько ей лѣтъ? — „Девятьнадцать.“ — Слѣдственно, она въ монастырѣ воспитывается? — „Нѣтъ; Маркиза и дочь ея каждой годъ проводятъ съ нами всю страстную недѣлю.“ Разговоръ кончился. Арманъ, по дѣйствію оставшагося впечатлѣнія столь необыкновеннаго, не осмѣлился спросить, какова собою Эрмина; вздохнулъ, всталъ и вышелъ. Въ тотъ же вечеръ ему случилось ужинать у Баронессы Урзель, богатой вдовы, сорокалѣтней кокетки, тщеславной, легкомысленной и любящей злословіе. У нее было двѣ дочери, изъ ко-

торыхъ старшую сильно хотѣлось ей выдать за Армана. Аглая — это имя ея — имѣла наружность не совсѣмъ правильную; въ восемнадцать лѣтъ отъ роду, уже цвѣтъ лица ея поблекъ отъ румянъ, танцованья, жеманства, и лишился свѣжести, приличной ея возрасту; не смотря на то, мущины хвалили ея физїономїю: живые глаза, красивые волосы, тонкой станъ, искуство наряжаться, знанїе свѣта, принужденная чувствительность, натянутая ловкость, желанїе нравиться . . . . благодаря симъ причинамъ, Аглая прослыла умницей и красавицей. Она въ самомъ дѣлѣ не имѣла никакихъ познанїй, ни дарованїй, кромѣ того, что отличалась танцованьемъ; — однакожь показывали рисунки будто бы ея работы; совсѣмъ не имѣла голоса — не смотря на то, пѣла *очень прїятно* съ своимъ учителемъ, которой умѣлъ закрывать недостатки ученицы. Ее любили слушать играющую на клависинѣ, потому что обыкновенно два или три искусные музыканта помогали ей своими инструментами. Это служитъ доказательствомъ, что съ хитрыми уловками, съ притворствомъ, съ деньгами, легко можно пропустить о себѣ молву, какую угодно. Есть много *славныхъ* людей, которые, потерявъ имѣнїе, непремѣнно лишились бы своей знаменитости. Такїе люди не *приобрѣтаютъ* таланты, но только *занимаютъ*.

Тому болѣе ничего и не надобно, кто хочетъ блистать въ кругѣ ласкателей.

Арманъ не былъ влюбленъ въ Аглаю; не смотря на то, всѣ его пріятели хотѣли, чтобы онъ женился на ней; всѣ старались выхвалять передъ нимъ ея достоинства. Графъ вездѣ слышалъ о ней самые выгодные отзывы; всѣ *люди большаго свѣта* по легкомыслію своему повторяли слова другихъ въ ея пользу. Чего не льзя сдѣлать съ юношею, даже съ зрѣлымъ мужемъ, разгорячая его воображеніе и льстя его самолюбію? Общій порокъ свѣтскихъ людей состоитъ въ томъ, что они сами ни о чемъ не судятъ, но повинуются мнѣнію другихъ. Удивленіе, чему бы то ни было, самое неосновательное, становится эпидемическою болѣзнію, если оно сдѣлалось предметомъ разговоровъ въ праздныхъ обществахъ. Арманъ поздравлялъ себя съ выборомъ такой *славной* дѣвицы, и былъ уже почти готовъ жениться на ней, хотя еще не открывалъ ей своего намѣренія.

Въ тотъ вечеръ ужинало множество гостей у Баронессы. Арманъ завелъ разговоръ объ Эрминѣ. Никто не зналъ ее, кромѣ Аглаи и Баронессы, которая была въ свойствѣ съ Маркизомъ Вельмаромъ; она отвѣчала на всѣ вопросы. Женщины спросили, пригожа ли дѣвица Вельмаръ? Арманъ

старался не проронить ни одного слова. — „Она была бы довольно изрядна — отвѣчала Баронесса — еслибъ умѣла казаться болѣе пріятною, болѣе ловкою. Представьте себѣ дѣвушку, которая не умѣетъ ни одѣться, ни войти въ комнату!“ — Странное дѣло! — примолилъ толстой мущина въ черномъ платьѣ. — Г-жа Вельмаръ была въ свое время мила и прекрасна, да и теперь еще кажется любезною, даромъ что набожной нарядъ. . . . — „*Набожной нарядъ*! повторила Баронесса съ громкимъ смѣхомъ, и продолжала самымъ пріятнымъ голосомъ: — прошу, сударь, не сочинять эпиграммъ на мою родственницу;“ — по томъ опять захохотала и разлила удовольствіе веселости на все общество. Толстой мущина, которой совсѣмъ не думалъ насмѣхаться, и которой во всю жизнь свою не сочинилъ ни одной эпиграммы, обрадовался нечаянной удачѣ, и для поддержанія успѣха рѣшился явно шутить надъ благочестіемъ Г-жи Вельмаръ. Одинъ изъ собесѣдниковъ замѣтилъ, что Г-жа Вельмаръ очень умна, и что слѣдственно ея набожность должна быть притворна. Баронесса одобрила сіе замѣчаніе значительною улыбкою. — „Однакожь, скажите — возразилъ Арманъ — къ чему послужило бы лицемѣрство въ наше время? Я думаю, набожностію теперь не льзя обратить на себя вниманіе;

теперь ею не льзя ни войти въ милость, ни приобрѣсть уваженіе.“ — Теперь ею можно сдѣлаться страннымъ, чудакомъ. — „Надобно признаться, что человѣкъ съ умомъ найдетъ для себя другія средства отличиться, менѣе скучныя, менѣе тягостныя.„ Сказавши это, Баронесса сѣла за карты. Арманъ, не рѣшась играть, остался подлѣ Аглаи, которая продолжала прежній разговоръ, и *сердечно жалѣла* о дѣвицѣ Вельмаръ. „Бѣдненькая! — наконецъ сказала Аглая — она, по причинѣ дурнаго воспитанія, не обработала своихъ талантовъ и привыкла вести образъ жизни, неприличной ея лѣтамъ.“ — Она поетъ превосходно. — „Да, вѣроятно церковные концерты.“ — Скажите, умна ли она? — „Безчеловѣчно было бы судить объ умѣ дѣвушки робкой и незнающей свѣта.“ — Понимаю; а ея характеръ? — „Она воспитана въ такомъ смѣшномъ принужденіи, что характера ея узнать не льзя, а только можно объ немъ догадываться.“ —

Разговоръ симъ кончился. Арманъ въ продолженіе вечера былъ менѣе привѣтливъ, менѣе забавенъ, нежели прежде; ему представилась въ дурномъ видѣ склонность Аглаи къ насмѣшкамъ, къ ядовитой колкости. Послѣ ужина Аглая запѣла; Арманъ удивился, замѣтивъ, что голосъ ея былъ не самой пріятной — и вспомнилъ объ Эрминѣ.

Арманъ, имѣя отъ роду только двадцать девять лѣтъ, былъ вдовъ уже два года послѣ несчастливаго супружества. Его жена, до крайности преданная расточительности, умерла при окончанїи пышнаго карнавала отъ горячки, — обыкновенно слѣдующей за удовольствїями сего рода. Графиня Арманъ, вмѣсто прїятныхъ напоминанїй, оставила мужу долги; не смотря на то Графъ, изъ уваженїя къ памяти ея, не перервалъ тѣсной связи съ шуриномъ своимъ, распутнымъ человѣкомъ, которой проводилъ время въ однихъ только постыдныхъ удовольствїяхъ, впрочемъ нравился своимъ остроумїемъ и веселостїю. Арманъ, одаренный душею чувствительною и доброю, оплакивалъ заблужденїя Кавалера Эльмора (такъ назывался его шуринъ), ссужалъ его деньгами и давалъ полезные совѣты. Кавалеръ отвѣчалъ шутками, смѣшилъ Графа, не сердился за совѣты, и продолжалъ губить время и здоровье по прежнему.

Въ концѣ Апрѣля мѣсяца, въ одинъ день поутру, Арманъ увѣдомился, что заимодавцы посадили въ тюрьму Эльмора. Ввечеру онъ посѣтилъ своего шурина и провелъ съ нимъ цѣлой часъ. Идучи домой, на дворѣ повстрѣчался съ двумя Госпожами, которыя вели четырехъ стариковъ, освобо-

жденныхъ ими изъ темницы. Обѣ Госпожи были завѣшены черными большими покрывалами. Арманъ спросилъ у тюремнаго пристава, не знаетъ ли онъ, кто таковы сїи женщины? — „Какъ не знать! — отвѣчалъ приставъ — я ихъ здѣсь вижу не въ первой разъ; это знатныя Дамы.“ — Кто же онѣ? — „Маркиза Вельмаръ съ дочерью.“ — Арманъ пустился было догонять, но Дамы, вышедъ за ворота, сѣли въ карету и уѣхали. Была ночь, — слѣдственно Арманъ ничего не могъ примѣтить, кромѣ того что женщина, которая шла позади, имѣла станъ самой прелестной. Сїя встрѣча сдѣлала въ немъ сильное впечатлѣнїе, и подала поводъ къ размышленїямъ на цѣлыя сутки. Шумъ свѣтской заглушилъ въ немъ напоминанїе о семъ произшествїи.

Графъ каждой день хлопоталъ о дѣлахъ своего шурина. Въ одно утро, когда онъ ѣхалъ отъ стряпчаго, по несчастїю случилось, что кучеръ его опрокинулъ бѣдную женщину на серединѣ улицы; Арманъ тотчасъ велѣлъ остановиться; подняли женщину, которая получила рану отъ паденїя, и отнесли ее въ ближайшую лавку. Арманъ, отдавъ ей всѣ свои деньги, и видя, что толпа любопытныхъ увеличивается, приказалъ ударить по лошадямъ и ускакалъ. На другой день по утру, ѣдучи по той

же улицѣ, онъ узналъ лавку, остановился, вышелъ изъ кареты, и спросилъ о состоянiи бѣдной женщины. — „Она повредила себѣ ногу — отвѣчала торговка, — по счастiю на ту пору была у меня въ лавкѣ одна прекрасная барышня съ своею надзирательницею, тотчасъ перевязала рану и....“ — Какъ, барышня! можно ли? — „Увѣряю васъ; она велѣла перенести больную въ заднюю комнату, изорвала платки, свой и надзирательницы, надергала карпiи, сдѣлала перевязку....“ — Не знаете ли, какъ называется она? — „О! это знатная особа; ея имя — дѣвица Вельмаръ.“ — Боже мой! — „Развѣ и вы знаете ее? это настоящiй Ангелъ! не правда ли?... Если бы вы видѣли, съ какою заботливостiю она перевязывала больную! истинная *Сестра Милосердiя*!... по томъ взяла ее въ свою карету и отвезла къ ней домой.“ — Домой? — „Точно; она живетъ недалеко отсюда, на концѣ улицы, подлѣ лавки съ духами.“ — Пойду узнать объ ея здоровьѣ. — Арманъ выбѣгаетъ изъ лавки, велитъ вести себя къ бѣдной женщинѣ, достигаетъ дома, всходитъ на четвертое жилье; дверь была не крѣпко заперта онъ толкаетъ въ нее, отворяетъ, идетъ въ комнату, видитъ подлѣ постели двухъ женщинъ — Эрмину и ея горничную — и Лѣкаря, перевязывающаго больную. Эрмина взглянувъ на Графа, казалась

удивленною. Она не была красавица во всемъ совершенствѣ; но свѣжесть юнаго возраста, невинность, милая физіогномія, выражавшая искренность и чувствительность — все сіе делало Эрмину столько прелестною, что глазамъ Армана казалась она болѣе нежели красавицею! . . . Онъ видѣлъ многихъ прекрасныхъ женщинъ въ роскошныхъ кабинетахъ, видѣлъ ихъ небрежно сидящихъ на бархатныхъ диванахъ, окруженныхъ богатыми занавѣсами и зеркалами . . . . Но Эрмина на чердакѣ, Эрмина подлѣ нищенскаго одра, Эрмина служащая бѣдной женщинѣ — помрачала въ его воображеніи всѣ роскошныя картины. Сердечное участіе, святое человѣколюбіе придавали ей ангельскую наружность . . . . Какая трогательная противуположность между свѣжестію цвѣтущаго возраста и томностію лица, отъ бѣдности и страданій изнуреннаго! Арманъ пораженъ былъ чувствомъ столь новымъ, столь сильнымъ, столь восхитительнымъ, что забылъ объявить о причинѣ своего посѣщенія. Ему казалось, что въ первой разъ видитъ не *красавицу*, но *женщину*; онъ съ умиленіемъ взиралъ на любезное существо, созданное отъ Натуры слабымъ, нѣжнымъ и чувствительнымъ единственно для того, чтобъ любить и отирать слезы, — взиралъ на сіе существо, не получившее въ удѣлъ силы, потребной для защищенія, но одаренное

прелестями, которыя нужны для утѣшенія смертныхъ, — на еіе существо скудельное, боязливое, которое — когда повинуется внутреннему побужденію — ищетъ сокрытыхъ мѣстъ и уединенія. Творецъ изрекъ: „Слава не для тебя назначена; Я даровалъ тебѣ гораздо болѣе: Я вмѣстилъ въ сердцѣ твоемъ сокровища жалости; расточай ихъ; изливай на землю твои благодѣянія.“ — Арманъ подходитъ, не чувствуя того смятенія, которое раждается отъ воззрѣнія на предметъ соблазнительный; душа его наслаждалась восторгомъ праведника, бесѣдующаго съ небожителями. Онъ объявилъ съ чувствомъ состраданія, что „кучеръ по несчастной оплошности опрокинулъ бѣдную женщину, и что онъ пришелъ было подать страждущей нужную помощь; но видитъ, что нѣтъ въ томъ никакой надобности.“ Эрмина закраснѣлась. Арманъ имѣлъ осторожность не говорить ничего лишняго, хотя и привыкъ всякую женщину осыпать похвалами. Онъ чувствовалъ, что прелестная незнакомка не одобрила бы похвалъ на счетъ поступка богоугоднаго, дѣлаемаго втайнѣ. Острое словцо, скачокъ въ танцахъ, пѣсенка, заставляютъ кричать, бить въ ладоши, *изумляться*: добродѣтельный подвигъ, вмѣсто принужденнаго минутнаго восторга, раждаетъ въ душѣ тихое продолжительное удовольствіе. Кто въ подобномъ случаѣ пока-

зываетъ изумленіе, тотъ представляетъ себя человѣкомъ, неумѣющимъ цѣнить доброе дѣло, которому — какъ бы впрочемъ ни было оно чрезвычайно — благородная душа удивляется съ кроткимъ умиленіемъ. Эрмина не отвѣчала ни слова. Лѣкарь сказалъ, что по человѣколюбивому попеченію дѣвицы Вельмаръ больная скоро оправится, потому что рана, хотя довольно опасная, перевязана въ надлежащее время.

Эрмина ожидала своей матери, которая, оставивъ ее съ Лѣкаремъ у бѣдной женщины, сама отправилась посѣщать другихъ несчастныхъ, и должна была скоро возвратиться. Когда перевязали больную, Эрмина отошла отъ постели и сѣла на стулѣ; начался общій разговоръ; Эрмина говорила мало, но съ такою любезною кротостію, что Арманъ не могъ не плѣниться ея бесѣдою. Черезъ полчаса услышали стукъ кареты, остановившейся на улицѣ: это была Маркиза Вельмаръ. Эрмина тотчасъ встала, поклонилась и ушла. Арманъ въ глубокой задумчивости долго смотрѣлъ на дверь; наконецъ, опамятовавшись, подошелъ къ постелѣ бѣдной женщины, и спросилъ объ ея имени. — „Меня зовутъ Магдалиною.“ — Вы за мужемъ? — „Я вдова, оставшаяся съ двумя малолѣтными сиротами.“ — Гдѣ ваши дѣти? — Онѣ теперь у сосѣдки; сего

дня ввечеру придутъ ко мнѣ.“ — Чѣмъ вы занимаетесь? — „Шью бѣлье, и часто сижу безъ работы. Я должна была хозяину за наемъ комнаты за три мѣсяца; теперь, слава Богу! по милости вашей и великодушной Госпожи, могу разплатиться.“ — Я обязанъ о васъ заботиться . . . но дѣвица Вельмаръ? . . . — „Ахъ, сударь! какъ она милостива!“ — При семъ восклицаніи глаза Армановы наполнились слезами; чувство доброты и состраданія проникло его душу. „Бѣдная Магдалина! — сказалъ онъ съ горячностію — отнынѣ будьте спокойны и берегите только свое здоровье; вамъ не нужно работать для пропитанія: обѣщаюсь ежегодно выдавать вамъ по шести сотъ ливровъ; за первую четверть получите въ сію минуту.“ — Графъ тотчасъ кладетъ деньги на постелю Магдалины, и не давъ ей времени изъявить радость свою и благодарность, поспѣшно уходитъ. Арманъ разспросилъ въ домѣ о поведеніи Магдалины; всѣ отзывались о ней, какъ о доброй и честной женщинѣ. Онъ нанялъ служанку для смотрѣнія за больною, и обѣщался на другой день опять пріѣхать — пріѣхалъ въ самомъ дѣлѣ, и каждой день посѣщалъ Магдалину, однакожь никогда не видалъ у нее Эрмины, которая сама уже не пріѣзжала къ больной, но присылала навѣдываться объ ея здоровьѣ. Когда Магдалина со-

вершенно выздоровѣла, Арманъ пригласилъ ее съ дѣтьми жить въ своемъ домѣ. Признательная Магдалина немедленно переселилась въ домъ Армана и заняла прекрасныя комнатки, нарочно для нее приготовленныя. Арманъ въ тотъ же самой день совѣтовалъ ей идти къ дѣвицѣ Вельмаръ, и поблагодарить ее за милости. Магдалинѣ самой хотѣлось исполнить сїю должность. Эрмина приняла ее благосклонно, и продержала у себя довольно долго. Магдалина хвалилась своимъ благополучїемъ; ее слушали съ видомъ участїя. По возвращенїи домой, Арманъ сдѣлалъ ей множество вопросовъ, и говорилъ съ нею объ Эрминѣ болѣе часа.

Кавалеръ Эльморъ освободился изъ тюрьмы. Арманъ не могъ уже извиняться дѣлами своего шурина, и снова долженъ былъ явиться у Баронессы Урзель. Онъ смотрѣлъ на Аглаю уже не такими глазами, какъ прежде; примѣтилъ, что она говорила слишкомъ много, говорила тономъ рѣшительнымъ; ухватки ея показались ему слишкомъ вольными, игра лица совсѣмъ не нравилась. Онъ приводилъ себѣ на память кроткїе взгляды, благородную осанку, плѣняющїй голосъ . . . . Сравнивая поддѣланныя прелести жеманства съ натуральною любезностїю, съ прїятностїю простоты, съ невинностїю добродѣтели, можно ли сомнѣ-

ваться въ выборѣ? Арманъ, выходя изъ дому Баронессы, сказалъ самъ себѣ: нѣтъ, Аглая никогда не будетъ моею женою.

Арманъ имѣлъ тѣсную дружескую связь съ Виконтомъ Рамильи, которой хотя былъ человѣкъ *умной* и *Энциклопедистъ*, однакожь наблюдалъ благопристойность въ разговорахъ, любилъ умѣренность во мнѣніяхъ, и зналъ свѣтскія приличія.

Рамильи, будучи родственникомъ Маркиза Вельмара, часто посѣщалъ домъ его. Арманъ неотступно просилъ Виконта ввести его въ этотъ домъ и представить хозяевамъ. „Какъ! — спросилъ Рамильи — не ужели ты влюбленъ?“ — Я еще не увѣренъ въ томъ, однакожь хотѣлъ бы опять жениться.... — „А дѣвица Урзель?“ — О! я уже болѣе не думаю о ней; мы не созданы другъ для друга. — „Однако жь она прелестна, имѣетъ дарованія, пылкой умъ, пламенное воображеніе....“ — Будемъ чистосердечны, Виконтъ; не уже ли этѣхъ качествъ должно искать въ женщинѣ, избираемой для супружескаго союза? Знаешь ли, другъ мой! мнѣ начинаютъ казаться несносными женщины пылкія, страстныя, ослѣпляющія своимъ блескомъ; предсказываю тебѣ, что онѣ скоро выдутъ изъ моды; ихъ ухватки, ихъ поведеніе, которыми теперь онѣ отличаются въ

машнихъ обществахъ, въ театральныхъ сочиненіяхъ, въ романахъ, совсѣмъ неприличны ихъ нѣжному составу, физическому и моральному; все достоинство ихъ пола, все различіе ихъ характера должно состоять въ добродѣтельной рѣшительности исполнять священную должность свою; *пламенныя* женщины, которыя, нерадя о семействѣ и дѣтяхъ, посвящаютъ себя сантиментальной дружбѣ, обо всемъ говорятъ рѣшительно, и лбиваютъ голову своею несбыточными мечтами, не имѣютъ здраваго смысла. Онѣ походятъ на дурныхъ пѣвцовъ, которые поютъ невѣрно, отъ того что дѣлаютъ усилія. — „Тебѣ, видно, надобна какая нибудь смиренная *Агнеса*?...“ — Мнѣ надобна жена разсудительная, кроткая, благонравная, добродѣтельная. Не правда ли, что вкусъ мой *весьма испорченъ*, или по крайней мѣрѣ страненъ? — „Такъ женись на дѣвицѣ Вельмаръ. Только я вижу тутъ одно препятствіе, очень важное, а именно: Маркиза рѣшилась не выдавать дочери своей за Философа...“ — Однакожь, кажется, моя Философія не надѣлала еще въ свѣтѣ столько шуму, чтобы могла помѣшать женитьбѣ... — „На это не полагайся; набожныя женщины знаютъ по слуху обо всѣхъ Философахъ, у к р а ш а ю щ и х ъ наши общества. Если Маркизѣ неизвѣстны твои правила, то она постарается развѣдать

о нихъ, когда станешь свататься за ея дочь." — Ахъ, это правда! я въ отчаяніи . . . — „Есть средство . . . " — Какое? — Можно увѣрить Маркизу, что склонясь на ея совѣты, и убѣждаясь ея примѣромъ, отрекаешься отъ Философіи . . . " — Такъ надобно, чтобы она сама начала увѣщевать меня. — „Она сдѣлаетъ это, если ты станешь угождать ей, и заставишъ принимать въ себѣ участіе. Какая богомолка не старается обращать къ православію? . . . " — Но обманывать . . . — „Ты одержалъ мое жество побѣдъ надъ женщинами; скажи, любезной Арманъ! можно ли понравиться имъ, не прибѣгая къ обманамъ? " — Хорошо; представь меня Маркизѣ, а тамъ — увидимъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ сего разговора, Виконтъ выпросилъ дозволеніе, и ввелъ Графа въ домъ Маркизы. Первое посѣщеніе скоро окончилось; однакожь Арманъ былъ имъ доволенъ. Маркиза Вельмаръ приняла его очень ласково; Эрмина закраснѣлась, когда онъ явился. На третій день Арманъ опять пріѣхалъ къ Маркизѣ, и пробылъ у нее долѣе, нежели прежде. Когда прочіе гости начали уходить, онъ сѣлъ подлѣ хозяйки. Маркиза спросила Армана о состояніи Магдалины, и взглянула на него такъ пріятно, такъ благо-

склонно, что сей вопросъ надлежало почитать похвалою. Арманъ въ торопливости перваго движенія уклонкою головы изъявилъ свою признательность; но примѣтивъ, что смѣшно благодарить такимъ образомъ, покраснѣлъ и пришелъ въ замѣшательство. Г-жа Вельмаръ, которая не спускала съ него глазъ, улыбнулась и сказала: „Мнѣ очень пріятно, когда отгадываютъ мысль мою; это показываетъ, что мы уже коротко знакомы другъ съ другомъ.“

Ахъ, сударыня! — отвѣчалъ Арманъ — я желалъ бы, чтобъ вы имѣли ту проницательность, какую во мнѣ предполагаете. . . . Признаюсь, иногда она была бы для меня страшною, однакожь я увѣренъ и въ томъ, что весьма часто заслуживалъ бы ваше одобреніе. — Маркиза казалась довольною симъ отвѣтомъ. Черезъ четверть часа Арманъ хотѣлъ уйти; — его удержали ужинать.

Г-жа Вельмаръ, противъ своего обыкновенія, не уѣзжала на лѣто въ деревню; дѣла мужа ея принуждали остаться въ Парижѣ. Арманъ весьма часто ѣздилъ къ ней, и всегда былъ принимаемъ благосклонно. Черезъ два мѣсяца онъ увидѣлся съ Виконтомъ — которой недѣль на шесть отлучался изъ Парижа — и увѣдомилъ его объ успѣхѣ.

„Наконецъ можно поздравить тебя — сказалъ Рамильи — ты влюбленъ?“ — Склонность къ Эрминѣ — отвѣчалъ Арманъ — ни усилилась во мнѣ, ни ослабѣла, потому что я не больше ее знаю, какъ и прежде; не смотря на то, я твердо увѣренъ, что она сдѣлаетъ счастливымъ своего мужа. Эрмина является въ гостиной за часъ до ужина, всегда садится подлѣ матери; или совсѣмъ ничего не говоритъ, или говоритъ по нѣскольку словъ, самыхъ обыкновенныхъ; безпрестанно занимается шитьемъ, или другою какою нибудь работою; по видимому совсѣмъ не слушаетъ, что говорятъ другіе; послѣ ужина тотчасъ уходитъ въ свою спальню: теперь самъ разсуди, могъ ли я узнать умъ ея? — „Вотъ прямо старинное воспитаніе! этихъ *нѣмыхъ* дѣвушекъ удаляютъ изъ гостинныхъ, и думаютъ тѣмъ предохранить ихъ отъ соблазновъ. . . . Какою показалась тебѣ сама Г-жа Вельмаръ?“ — Умною и любезною Дамою. Я совсѣмъ иныя мысли имѣлъ о домѣ набожной женщины; мнѣ казалось, что тамъ должно быть до смерти скучно. . . — „Однакожъ и въ домѣ Маркизы злословіе въ чести, какъ и вездѣ. . .“ — О, напротивъ! сама хозяйка ни объ комъ не говоритъ дурно; если же гости заводятъ разговоръ на счетъ ближняго, то Маркиза или старается перервать его, или молчитъ, или защищаетъ поносимыхъ. — „Клянусь тебѣ,

что набожность ея не искренна . . . .“ — Нѣтъ! Маркиза не умѣетъ притворяться. — „Искренность и благочестїе! и когда? въ осмнадцатомъ вѣкѣ! . . .“ — Прибавь еще, въ такое время, когда издана Энциклопедїя! . . .

Слѣдствїемъ сего разговора было условїе, чтобы Виконтъ — которому чрезъ два дня надлежало ѣхать изъ Парижа — тогожь вечера отправился къ Г-жѣ Вельмаръ, и сдѣлалъ ей отъ Графа предложенїе о женитьбѣ на Эрминѣ. Онъ въ самомъ дѣлѣ исполнилъ препорученїе; его спокойно выслушали, и отвѣчали, что — подумаютъ.. Восхищенный Арманъ питалъ себя сладкою надеждою. На другой же день онъ полетѣлъ къ Маркизѣ, и засталъ ее одну. Лишь только онъ явился, Г-жа Вельмаръ позвонила и велѣла не впускать никого: это значило, что надлежало ожидать изъясненїя. Маркиза немедленно объявила со всѣмъ чистосердечїемъ, что изъ числа жениховъ, сватавшихся за ея дочь, Арманъ казался ей всѣхъ выгоднѣе по всѣмъ отношенїямъ, исключая одно . . . „Я не только не желаю — продолжала Маркиза — чтобы мужъ моей дочери истребилъ правила, мною напечатлѣнныя въ ея сердцѣ; но хочу даже, чтобы онъ имѣлъ съ нею одинакїя мнѣнїя, — ваши мнѣ извѣстны. Вы не уважаете Религїи. . .“ — Ваша правда, сударыня — отвѣчалъ Арманъ; однакожь несчастїе, кото-

рымъ вы упрекаете меня, произошло болѣе отъ легкомыслія, нежели отъ мнѣнія обдуманнаго. . . „О! я увѣрена — прервала Маркиза — что многіе молодые люди, впрочемъ добрые и любезные, отвергаютъ Религію по невѣжеству. Вы читали только такія книги, въ которыхъ содержатся насмѣшки и ругательства на счетъ Вѣры. Извѣстны ли вамъ доводы, что всѣ несчастныя умствованія, васъ соблазняющія, суть не что иное, какъ нелѣпыя софизмы, сплетенія лжи и клеветы?...“ — При семъ вопросѣ, произнесенномъ съ жаромъ, Арманъ чуть чуть не захохоталъ, а особливо видя, что Маркиза не шутя старается обратить его къ православію. Онъ удержался отъ смѣха, и отвѣчалъ съ важнымъ видомъ, что охотно отречется отъ своихъ мнѣній, если докажутъ ему, что онѣ ложны. Маркиза встала, сыскала двѣ большія книги (Письма нѣкоторыхъ Іудеевъ), и подавая ему, сказала: „Это превосходное сочиненіе вамъ не наскучитъ; начните съ него; когда окончите, дамъ вамъ другія.“ — По томъ велѣла отворить дверь: вошли посторонніе люди, и бѣдной Арманъ избавился отъ мучительнаго разговора.

Г. Вельмаръ бывалъ Посланникомъ, и потому принималъ у себя многихъ иностранцовъ. Въ тотъ вечеръ пріѣхали къ нему

два старика, одинъ Нѣмецъ, другой Англичанинъ; первой говорилъ очень дурно по французски; послѣдній не зналъ ни одного слова, хотя и былъ человѣкъ весьма ученый и извѣстный Литтераторъ. Когда садились ужинать, Г. Вельмаръ приказалъ дочери занять мѣсто между иностранцами. Арманъ крайне удивился такому приказанію, не зная, къ чему оно относится, и сѣлъ подлѣ Англичанина, вопервыхъ для того, чтобъ находиться поближе къ Эрминѣ; вовторыхъ, чтобъ разговаривать съ умнымъ человѣкомъ, на котораго природнымъ языкѣ умѣлъ изъясняться.

Спустя нѣсколько минутъ, Арманъ приведенъ былъ въ крайнее изумленіе, когда услышалъ, что молчаливая Эрмина весьма бѣгло говорила съ Нѣмецкимъ Барономъ. „Какъ! — сказалъ онъ — дѣвица Вельмаръ говоритъ понѣмецки?“ — Точно — отвѣчалъ другой чужестранецъ — она говоритъ понѣмецки такъ же хорошо, какъ и поанглійски. — Сказавши это, Англичанинъ обратилъ рѣчь свою къ Эрминѣ, которая немного закраснѣлась, примѣтивъ, съ какимъ вниманіемъ смотритъ на нее Графъ Арманъ; но отвѣчала на вопросы, и продолжала разговоръ умно, живо и пріятно. Ее для того и посадили между иностранцами, чтобы занимать ихъ; ибо они не мо-

гли брать участія въ общемъ разговорѣ. Эрмина въ продолженіе ужина съ однимъ сосѣдомъ говорила понѣмецки, съ другимъ — поанглійски; говорила съ милою скромностію, но безъ застѣнчивости. Сіе новое открытіе восхитило Графа. Эрмина была умна, ловка! Эрмина хорошо воспитана! Эрмина совершенна! . . . . Вставши изъ за стола, Арманъ подошелъ къ ней и сказалъ: „Ахъ, сударыня! какъ былъ бы я счастливъ, еслибъ вашъ батюшка велѣлъ вамъ говорить со мною пофранцузски!“ — О! тогда я была бы гораздо скромнѣе — отвѣчала Эрмина, — въ своемъ языкѣ не прощаютъ погрѣшностей — и поспѣшно удалилась, не дождавшись отвѣта. Арманъ цѣлой вечеръ не отставалъ отъ Англичанина единственно для того, чтобы говорить объ Эрминѣ, и хвалить ея достоинства. Съ этого времени онъ сдѣлался совершенно влюбленнымъ. На другой день онъ началъ говорить съ Г-жею Вельмаръ о ея дочери, и изъяснялся съ жаромъ. „Не надѣйтесь найти въ ней — сказала Маркиза — ничего болѣе, кромѣ того, о чемъ вы извѣстны. Эрмина одарена разсудкомъ и памятью; я старалась образовать умъ ея; выучила ее пѣть, примѣтивъ въ ней прекрасной голосъ. Эрмина не любитъ никакого музыкальнаго инструмента; для того я не почла нужнымъ принуждать ее къ такому упражненію, которое должно

быть забавою. Она нѣсколько играетъ на клависинѣ только для голоса; и не можетъ дать концерта; совсѣмъ не танцуетъ; любитъ рисовать только цвѣты. Впрочемъ моя Эрмина имѣетъ всѣ склонности, всѣ свѣдѣнія, нужныя для женщины. Она можетъ хорошо управлять домомъ, и знаетъ сельское хозяйство. Наконецъ, смѣю увѣрить васъ, что она добра, благородна, бережлива, умна и добродѣтельна." — Ахъ, милостивая Государыня! вскричалъ Арманъ — какъ внимательно стану читать *Письма нѣкоторыхъ Іудеевъ!*

Арманъ обманывалъ Маркизу. Онъ много слышалъ о семъ сочиненіи; зналъ, въ чемъ состоитъ его содержаніе, и твердо рѣшился не обременять себя чтеніемъ толстыхъ томовъ. Виконта не было въ Парижѣ; Арману непремѣнно хотѣлось говорить объ Эрминѣ; осталось сдѣлать Эльмора повѣреннымъ души своей. — „Непонятное дѣло! — сказалъ Кавалеръ — какъ могло придти въ голову умной женщинѣ, будто нѣкоторыя книги перемѣнятъ мнѣніе въ человѣкѣ твоего возраста!..." — Это самое показываетъ ея искренность, и то, сколько она увѣрена въ силѣ священныхъ доказательствъ: — „Женщины ни въ чемъ не сомнѣваются, чего онѣ сильно желаютъ, все то имъ кажется возможнымъ. Думаю, что ты скоро обратишься

къ православїю; если Эрмина въ самомъ дѣлѣ такъ прелестна, то *благодать* немедленно возторжествуетъ надъ тобою.“ — Спѣшить не надобно; иначе откроется обманъ. Черезъ нѣсколько дней отвезу книги, и притворюсь, будто невѣрїе мое поколебалось . . . Но вотъ что для меня страшно: Маркиза объявила, что надобно прочесть еще нѣсколько томовъ. — „Видно, она выдастъ за тебя дочь свою не прежде, какъ перечитаешь всю ея библїотеку: прїятное занятїе!“ — Если будетъ ссужать неизвѣстными книгами, то заставитъ по неволѣ просматривать ихъ, чтобы по крайней мѣрѣ умѣть что нибудь отвѣчать на вопросы . . . — „Всего лучше, когда велишь читать своему секретарю.“ — Прекрасная мысль! такъ и сдѣлаю. — „Однакожъ по несчастїю можетъ случиться, что на тебя навяжутъ десятокъ фолїянтовъ; тогда не скоро быть свадьбѣ; впрочемъ если хорошо сыграешь свою роль, то надѣйся, что сократятъ время твоего искуса. Признаюсь тебѣ, это притворство стоитъ мнѣ очень дорого; Маркиза столько обязываетъ меня своею дружбою . . . — „То-то забавно, если вы оба обманываетесь, если Философъ и богомолка дурачатъ другъ друга! . . Не правда ли, что это безподобно?“ — Божусь тебѣ, что Г-жа Вельмаръ не лицемѣритъ. — „Полно! всѣ святоши обманываютъ.“ — Я не спорю,

что набожные мущины всѣ *Тартюфы*, но женщины . . . . — „И я не спорю, что женщины не умѣютъ . . . .“ — Онѣ умѣютъ принимать на себя всѣ виды, но неспособны долго выдерживать занятые характеры. Онѣ хитры, но весьма рѣдко лицемѣрятъ въ набожности. — Арманъ всячески старался доказать, что Маркиза не притворствуетъ. Искренность и довѣренность были главными чертами ея характера; она такъ была убѣждена въ святости Религіи, что не умѣла вообразить себѣ, какъ можно — при здравомъ смыслѣ, праводушіи и желаніи научиться — не вѣрить истинамъ столь яснымъ, столь очевиднымъ. Когда Графъ Арманъ привезъ назадъ книги, Маркиза тотчасъ повѣрила всему, что онъ ни сказалъ, и почла его обращеніе къ благочестію столь несомнѣннымъ, что удовольствовалась взятымъ отъ него обѣщаніемъ прочесть *Мысли Паскалевы* и *Сочиненія Боссюэта*. Арманъ охотно согласился на все, чего отъ него требовали; отдалъ упомянутыя книги своему секретарю, которой слегка пробѣжалъ ихъ, и сдѣлалъ сокращенную выписку на нѣсколькихъ страницахъ. Арманъ все выучилъ наизусть; по прошествіи одного мѣсяца отдалъ книги, увѣряя, что читалъ ихъ день и ночь, — что совершенно убѣдился истинами Религіи, — что отрекается отъ мнимой Философіи, которой заблужденія

обнаружены въ читанныхъ имъ сочиненіяхъ, — что гнушается пагубными правилами вольнодумства, и что впредь во всю жизнь свою станетъ соображаться съ ученіемъ Вѣры Каѳолическаго исповѣданія. Торжествующая Маркиза пролила слезы умиленія, обняла Графа, и сказала съ восторгомъ: Эрмина ваша. — Арманъ, при всей радости своей, не могъ выслушать словъ сихъ безъ внутренняго угрызенія; сердце упрекало ему въ томъ, что за дружбу и довѣренность платилъ онъ постыднымъ лицемѣріемъ . . . .

Г. Вельмаръ охотно согласился на замужство дочери; Эрмина съ кроткою чувствительностію покорилась волѣ родительской. Назначенъ день свадьбы; между тѣмъ счастливый Арманъ имѣлъ дозволеніе присылать цвѣты къ любезной своей Эрминѣ, и проводить вечера съ нею вмѣстѣ. Въ ихъ разговорахъ не слышно было слова *любовь*. Арманъ думалъ, что твердя о любви, оскорбитъ нѣжнѣйшую склонность, питаемую въ сердцѣ; думалъ, что для чувства, столь новаго, надлежало выдумать новой языкъ. Скоро онъ пріобрѣлъ довѣренность Эрмины. Съ какимъ восхищеніемъ онъ открывалъ невинность ея сердца! Положено провести конецъ лѣта въ помѣстьѣ Маркизы Вельмаръ; Эрмина говоря объ удовольствіяхъ, которыя вкушала

въ деревнѣ, совсѣмъ безъ намѣренія произносила самую выгодную похвалу своему характеру и своимъ чувствамъ. Графъ слушалъ ея бесѣду, и предварительно наслаждался увѣренностію въ будущемъ своемъ счастіи.

Наконецъ насталъ день желанный. Перваго числа Сентября Графъ Арманъ получилъ руку Эрмины; немедленно по совершеніи обряда отправились въ Лимузень, гдѣ надлежало провести два мѣсяца.

Арманъ совсѣмъ не намѣренъ былъ сдѣлать жену свою *вольнодумкою*, зная, что такое превращеніе лишило бъ ее многихъ пріятностей, и заставило бъ забыть многія полезныя правила. Однакожь ему хотѣлось мало по малу смягчить ея *суровость*, и приучить ее къ блестящимъ забавамъ большаго свѣта: тщеславіе и самая любовь утверждали въ немъ сіе намѣреніе. Какъ жаль, что Эрмина, имѣя такой прекрасной станъ, такія прелести, не выучена танцовать! нѣсколько уроковъ помогутъ этой бѣдѣ, и доставятъ Эрминѣ возможность помрачить на балѣ всѣхъ красавицъ! Эрмина ослѣпляетъ днемъ, но при свѣчахъ красота ея много теряетъ . . . Что нужды! румяны отвратятъ сіе неудобство! . . . Арманъ обѣщался самъ себѣ по пріѣздѣ въ Парижъ

сдѣлать сіи неважныя перемѣны, и другія имъ подобныя.

Не смотря на *суровость* матери и дочери, осень прошла непримѣтно для Армана, которой даже захотѣлъ пробыть въ деревнѣ какъ можно долѣе. Въ Парижъ пріѣхали не прежде, какъ въ концѣ Ноября мѣсяца. Кавалеръ Эльморъ тотчасъ прибѣжалъ къ Графу съ вопросами. — „Наконецъ, благодаря судьбѣ — сказалъ онъ — ты теперь хозяинъ въ домѣ; строгая Маркиза не мучитъ тебя своими наставленіями, и ты можешь располагать всѣмъ по своей волѣ; надобно смягчить въ Эрминѣ эту смѣшную суровость, которая ни мало неприлична ея возрасту.“ — Это у меня на умѣ — отвѣчалъ Графъ — однако жь мнѣ не хотѣлось бы отнять у нее все благочестіе. Боюсь, чтобы, искореняя въ ней нѣкоторые предразсудки, совсѣмъ не развратить ее. Ты знаешь, что для женщинъ нѣтъ средины; или все, или ничего. . . . — „По крайней мѣрѣ не дѣлай себѣ принужденія; теперь можешь скинуть личину набожности.“ — Принужденіе для меня несносно; не смотря на то, мнѣ весьма трудно оставить лицемѣрство. Эрмина увѣрена, что я не обманываю; все испорчу, если открою, что я дурачилъ мать и дочь своимъ благочестіемъ. Тогда станутъ почитать меня чудови-

щемъ. — „Пусть себѣ думаютъ, что ты опять впалъ въ прежнія заблужденія.“ — Ахъ! это огорчитъ Эрмину! . . — „Развѣ хочешь цѣлую жизнь остаться *Тартюфомъ*? что скажутъ Философы?“ — Пускай говорятъ, что имъ угодно; это меня не безпокоитъ. — „Право, я начинаю думать, что ты оставляешь знамена Философіи, и внутренно сдѣлался благочестивымъ . . . .“ — „Дай Богъ, чтобы мнѣнія мои были одинаковы со мнѣніями Эрмины; тогда я не имѣлъ бы надобности притворяться!

Спустя нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Парижъ, Графъ Арманъ узналъ, что дочь Баронессы Урзель, Аглая, на которой онъ хотѣлъ жениться, вышла за мужъ. Будучи родственницею Маркизы Вельмаръ, она нѣсколько разъ пріѣзжала посѣщать ее, но всегда скрывала свою досаду, потому что свѣтскія женщины искусно умѣютъ таить сіе душевное движеніе: тщеславіе учитъ ихъ притворству. Аглая обошлась съ Эрминою весьма дружелюбно; однакожь Графъ возпрепятствовалъ женѣ своей свести съ нею тѣсное знакомство.

Арманъ удивлялся порядку, заведенному Эрминою въ домѣ, а особливо бережливости въ деньгахъ, употребляемыхъ на издержки. Вспомнивъ о расточительности первой

жены своей, онъ сказалъ самъ себѣ: „Если преодолѣю въ Эрминѣ отвращенїе отъ спектаклей и баловъ, то она можетъ прилѣпиться къ щегольству и кокетству, которыя для меня были столько пагубны. Знаю, что отъ Эрмины я не долженъ бояться подобныхъ слѣдствїй, но зачѣмъ истреблять правила, которыя отъ нихъ предохраняютъ ее и меня?... Не лучше ли оставаться ей при строгомъ своемъ благонравїи?.. Я счастливъ отъ того, что Эрмина цѣломудренна, скромна и довольна своимъ состоянїемъ! малѣйшая перемѣна можетъ быть для меня пагубною. Если заставлю Эрмину перемѣнить образъ жизни, тогда надобно будетъ таиться отъ матери; тогда надобно будетъ Эрминѣ лгать и обманывать, и я не устыжусь давать ей въ томъ наставленїя... Нѣтъ, нѣтъ! пусть остается такою, какою была прежде... Но что мнѣ дѣлать съ моимъ лицемѣрствомъ, которое представляетъ меня смѣшнымъ передъ другими, и обманщикомъ передъ самимъ собою?.. Ахъ, для чего не могу принять ея мнѣнїй, ея предразсудковъ!... Какая нужда до свѣтскихъ сужденїй, когда душа спокойна!“

Сїи размышленїя приводили Армана въ замѣшательство и нарушали его счастїе; онъ не зналъ къ чему прилѣпиться, не зналъ какъ выдти изъ сей неизвѣстности.

Между тѣмъ, онъ очень часто провожалъ Эрмину въ церковь, много разъ слушалъ проповѣди Отца Элизе, и всегда удивлялся, что можно безъ скуки слушать поученія отъ начала до конца; узналъ, что изящная Словесность можетъ быть въ связи съ Религіею; увѣрился, что съ *нѣкоторымъ* удовольствіемъ можно читать красноречивыхъ церковныхъ Ораторовъ. Наконецъ одна проповѣдь весьма сильно подѣйствовала на его умъ и сердце; предметомъ ея было — лицемѣрство. Арманъ принаровлялъ почти всѣ мѣста къ самому себѣ, и вышелъ изъ церкви въ печальномъ расположеніи духа, которое на-силу могъ скрыть.

Въ одинъ день по утру принесли къ Эрминѣ множество книгъ въ богатомъ переплетѣ. — „Что это значитъ?“ спросилъ Арманъ. — Это моя избранная библіотека, которую хочу помѣстить у себя въ кабинетѣ. Прочіи названія: *Письма нѣкоторыхъ Іудеевъ*, *Мысли Паскаля*, *Сочиненія Боссюэта*. Этѣ книги сдѣлались для меня вдвое милѣе; онѣ обратили тебя на путь истины, и доставили мнѣ счастіе быть твоею супругою!... — Эрмина произнесла сіи слова съ такимъ чувствомъ, съ такою милою простотою, что Арманъ былъ тронутъ до глубины сердца, и сказалъ: „Я намѣренъ перечитать ихъ еще разъ, любезной

другъ мой; начну сего дня же." — Графъ сдержалъ слово, и читалъ уже безъ вредныхъ предубѣжденій, но съ искреннимъ желаніемъ просвѣтиться: ибо страсти его не вооружались противъ истины; нѣжная склонность сердца согласовалась съ его должностію. Онъ нашелъ въ сихъ сочиненіяхъ высокіе предметы, и умъ его былъ въ состояніи цѣнить ихъ по достоинству. Графъ увѣрился въ томъ, что надлежало перечитать, кромѣ священныхъ книгъ, еще другія превосходныя сочиненія, которыя наконецъ утвердили его въ Вѣрѣ. Тогда онъ сдѣлался совершенно счастливымъ, полюбилъ еще болѣе свою супругу и добродѣтель.

Между тѣмъ какъ любезная Эрмина наслаждалась въ семействѣ своемъ чистѣйшимъ блаженствомъ, Аглая Урзель, вышедшая за Маркиза Л*, со *славою* отправляла важныя обязанности *модной женщины*. Слабость здоровья и потеряніе прелестей были слѣдствіемъ разсѣянной жизни, которая самой ей уже наскучила, но безъ которой она не могла обойтись. Ни что столько не ужасно для кокетокъ, какъ безобразіе лица, — несчастіе, при которомъ ни *умъ*, ни *Философія* не могутъ утѣшить ихъ, котораго нельзя отвратить, и котораго нельзя затмить блескомъ пламеннаго воображенія. Замѣчено, что ни безпрестанныя учебныя за-

нятія, ни существенныя горести не дѣлаютъ такого вреда пригожству, какъ балы и прочія затѣи модныхъ обществъ. Фонтенель и другіе Философы утверждаютъ, что почти у всѣхъ завистливыхъ кокетокъ (а гдѣ кокетки не завистливы?) прежде тридцати лѣтъ носъ покрывается угрями. Бѣдная Аглая испытала на себѣ подобное несчастіе, и столько тѣмъ огорчалась, что даже въ характерѣ ея послѣдовала важная перемѣна. Она тотчасъ увидѣла пагубныя слѣдствія сего несчастія; уже перестали говорить объ ея прелестяхъ; уже нельзя было ей носить ни тѣлеснаго цвѣта, ни розовыхъ букетовъ... Не горестно ли — вмѣсто того чтобы наряжаться въ модные костюмы — надѣвать смиренную одежду сорокалѣтней женщины!.. Не смотря на то, надлежало скрывать мучительную печаль, надлежало каждой день по три или по четыре часа передъ зеркаломъ любоваться своимъ безобразіемъ, надлежало за уборнымъ столикомъ принимать прежнихъ своихъ обожателей, которые уже хвалили только *умъ* ея и *дарованія*, не упоминая о прелестяхъ лица, о свѣжести цвѣтущаго возраста.... Въ добавокъ, Аглая иногда встрѣчалась съ Эрминою, которая, будучи моложе ея только однимъ годомъ, становилась часъ отъ часу красивѣе.... Къ симъ *несноснымъ* неудовольствіямъ прибавились еще *маленькія* непріятности,

которыя сильно дѣйствовали на нравъ Аглаи. Надлежало терпѣть досаду отъ неотвязныхъ заимодавцевъ, отъ безтолковаго и смѣшнаго мужа. Аглая была весьма недовольна *тогдашнимъ* предметомъ своей нѣжности, поссорилась съ ближайшими родственниками . . . . Все сіе дѣлало домашнюю жизнь крайне тягостною; оставалось искать утѣшенія въ вихрѣ общества и въ *славѣ*. Надобно знать, что тогда слава — по крайней мѣрѣ такъ думали многіе свѣтскіе люди — вѣнчала самые обыкновенные успѣхи. *Любовь ко славѣ* не производила героевъ, но одушевляла всѣхъ и каждаго. Тогда всякой, кто ни захотѣлъ, могъ добиваться *лавроваго* вѣнца въ маломъ кругѣ своихъ знакомыхъ; всякая *чувствительная* особа возлагала вѣнецъ на гробъ своего *друга*. Аглая ни о чемъ столько не думала, какъ о прославленіи своего имени, и употребила къ тому всѣ извѣстныя средства. Въ ея домѣ собирались для *чтенія*; всѣ знатные чужестранцы являлись у Аглаи на балахъ, на ужинахъ, на концертахъ. Сама хозяйка пѣла весьма слабо и часто неправильно; не смотря на то, съ восхищеніемъ хвалили ея *вкусъ*, ея *выразительность*, и Аглая сдѣлалась *славною* женщиною.

Революція опровергла пышное зданіе славы; родились новые обычаи; все блестящее, все знаменитое одѣлалось презрѣннымъ; воз-

имѣли новыя понятія о славѣ; таланты лишные и существенные, бывшіе прежде въ уваженіи, потеряли свою цѣну, подобно титламъ и правамъ дворянскимъ. Аглая и мужъ ея поспѣшно уѣхали изъ Франціи въ началѣ революціи, остановились въ Кобленцѣ, и въ семь или восемь мѣсяцевъ успѣли прожить всѣ деньги, которыя удалось имъ взять съ собою. Аглая надѣялась получить знатную помощь отъ продажи своихъ алмазовъ. Надобно знать, что въ день свадьбы подаренъ ей былъ ящичекъ съ дорогими камнями на сорокъ тысячь франковъ; но какъ она весьма часто мѣняла камни свои на модныя украшенія, на *стальные* приборы, на *самой мѣлкой* жемчугъ, на кольца, на зарукавья, на медальйоны, на волосяныя ожерелья, — то всѣ сіи вещи едва могли доставить ей самую неважную сумму на издержки для трехъ или четырехъ мѣсяцевъ. Мужъ утѣшалъ Аглаю, увѣряя, что при ея *дарованіяхъ* не должно безпокоиться о будущемъ. „Въ нынѣшнемъ нашемъ состояніи — прибавилъ онъ — надобно вознестись выше предразсудковъ; всѣ наши пріятели искренно признавались, что ты поешь лучше Г-жи Тоди, игрою на фортепіано не уступаешь самой Г-жѣ Монжеру, въ живописномъ искусствѣ равняешься съ Г-жею ле-Бренъ; слѣдовательно намъ остается ѣхать въ какой-нибудь большой городъ, гдѣ умѣютъ цѣнить

таланты.“ — Отправились въ Лондонъ. Аглая не совсѣмъ надѣялась на свое живописное искуство, ибо знала, что безъ *поправки* не могла написать картины самой посредственной; за то уже отъ другихъ своихъ *дарованій* ожидала большихъ успѣховъ, воспоминая, съ какимъ восторгомъ хвалили ея *ангельское* пѣніе и игру на фортепіано. Скоро бѣдная Аглая выведена была изъ сего заблужденія. Ее торжественно освистали на данномъ ею вокальномъ и инструментальномъ концертѣ. . . Аглая изъ того заключила, что одни только Французы умѣютъ цѣнить таланты. Сей случай былъ ужасенъ. Что дѣлать, безъ денегъ, безъ дарованій, безъ умѣнья сыскать пропитаніе, безъ твердости переносить несчастіе? Аглая, жертва тщеславія и заблужденій, окончила жизнь свою по четырех-лѣтнемъ томленіи отъ бѣдности и отчаянія.

Эрмина имѣла другую участь. Арманъ, по бережливости жены своей, выѣхалъ изъ Парижа не только безъ долговъ, но еще съ знатною денежною суммою. Расположась жить въ Германіи, онъ взялъ на откупъ прекрасную мызу, не далеко отъ одного торговаго города; — часть денегъ своихъ положилъ въ купеческой капиталъ, а другую оставилъ у себя для особенныхъ торговыхъ оборотовъ. Эрмина съ дѣтьми посе-

лилась на мызѣ; она попечительностїю своею и благоразумїемъ сдѣлала то, что прибытка отъ огорода, сада и мызы довольно было для заплаты владѣльцу за наемъ и для содержанїя семейства. Арманъ, бывъ совершенно обезпеченъ вразсужденїи домашнихъ заботъ, все свое вниманїе обратилъ на дѣла торговыя. Видя приращенїе въ своемъ достаткѣ, онъ жилъ внѣ отечества такъ же счастливо, какъ и въ самомъ Парижѣ. Онъ далъ убѣжище у себя тестю и тещѣ, которые черезъ годъ послѣ его отъѣзда ушли изъ Францїи; воспиталъ дѣтей своихъ самымъ лучшимъ образомъ, и послѣ десяти-лѣтняго отсутствїя возвратился въ отечество, гдѣ нынѣ проводитъ дни свои благополучно среди любезнаго семейства.

Жанлисъ.

IV.

Двѣ натуральныя картины.

Представимъ Читателямъ двѣ натуральныя картины, морскую и земную; представимъ безъ украшенїй искуственныхъ, чтобы величїе сихъ явленїй не было приписано дѣлу рукъ человѣческихъ.

Корабль, на которомъ плыли мы въ Америку, удалился отъ береговъ. Скоро все видимое пространство явилось облеченнымъ небесною и морскою синевою, подобно гладкой холстинѣ, приготовленной для принятія будущихъ твореній отъ руки искуснаго живописца. Вдругъ цвѣтъ воды сдѣлался подобнымъ цвѣту жидкаго стекла. Большія волны приближались отъ запада, хотя вѣтеръ дулъ со стороны восточной; колебаніе, простершееся отъ одного края горизонта до другаго, пестрило необозримыя пустыни Океана. Виды движущейся картины ежеминутно перемѣнялись: то безчисленное множество зеленыхъ холмовъ образовало гробницы неизмѣримаго кладбища; то мелькающія вершины валовъ представляли бѣлыя стада, разсыпанныя на пустошахъ. Часто пространство изчезало въ глазахъ нашихъ по недостатку предметовъ для сравненій; но когда высокой, готовой обрушиться, валъ являлся подобно отдаленному берегу, когда морскія псы стадами пестрили поверхность моря — пространство тотчасъ открывалось передъ нами. Когда облака тумана носились надъ моремъ, когда онѣ увеличивали самую безпредѣльность — въ то время мы имѣли совершенное понятіе о пространствѣ. О! какъ величественны, какъ печальны сіи явленія Океана! въ какую мрачную задумчивость онѣ погружаютъ васъ, и тогда какъ вооб-

раженіе носится надъ сѣверными морями среди бурь и морозовъ, и тогда какъ оно приближается къ морямъ полуденнымъ, къ островамъ покоя и счастія!

Часто мы выходили ночью на палубу, гдѣ караульной офицеръ и нѣсколько солдатъ безмолвно курили свои трубки: только шумъ отъ корабельнаго носа, разсѣкающаго волны, раздавался при всеобщемъ молчаніи; огненныя искры съ пѣною бѣгали вдоль по бокамъ корабельнымъ. Творецъ! на водахъ морскія бездны и на высотѣ небесъ напечатлѣны знаки Твоего всемогущества, болѣе нежели на другихъ твореніяхъ! Милліоны звѣздъ, блестящихъ на темной поверхности небеснаго свода! луна повѣшенная на тверди! безбрежной океанъ! безконечность въ небесахъ и на морѣ! . . . Никогда величіе Твое не изумляло меня столько, какъ въ тихіе часы ночи, когда я находился между звѣздами и Океаномъ, между безпредѣльностію надъ головою и безпредѣльностію подъ ногами!

Мнѣ часто удавалось слышать споры Ученыхъ о Верховномъ Существѣ — и я не понималъ ихъ; но каждой разъ могъ замѣтить, что сіе Существо непостижимое открываетъ Себя человѣческому сердцу въ великихъ явленіяхъ Природы. Въ одной

тихой вечеръ мы находились на морѣ, омывающемъ берега Виргинїи; всѣ паруса были подобраны. Въ то самое время, когда я занимался работою на палубѣ, раздался звонъ колокола, зовущаго на молитву: я съ торопливостїю пошелъ соединить мольбу свою съ мольбами товарищей. Офицеры и путешественники стояли на возвышенїи у кормы; священникъ, впереди ихъ, держалъ въ рукѣ разогнутую книгу; матросы, тамъ и здѣсь разсыпанные на палубѣ, слушали и молились; мы всѣ стояли, обратясь лицемъ къ западу.

Шаръ солнечный, котораго блескъ тогда не тяготилъ очей нашихъ, уже готовый погрузиться въ морскїя волны, пылалъ позади снастей корабельныхъ, въ безпредѣльномъ пространствѣ. Отъ движенїя кормы казалось, что великолѣпное свѣтило ежеминутно перемѣняло мѣста на горизонтѣ. Легкїя облака въ безпорядкѣ носились на востокѣ, гдѣ луна медленно восходила; почти все небо было чисто; водяной столбъ, подобной кристалловой подпорѣ небеснаго свода, возносился на сѣверѣ, образовалъ пышный треугольникъ вмѣстѣ съ свѣтилами дня и ночи, и ярко отражалъ всѣ цвѣты радужные.

Какъ бѣденъ, какъ жалокъ тотъ, кто, взирая на сїе явленїе, не признаетъ велич-

ства Божїя! слезы благочестїя противъ воли полились изъ глазъ моихъ, когда отважные товарищи, обнаживъ головы, охриплыми голосами запѣли простую пѣснь въ честь Богоматери, покровительствующей мореходцевъ. Какъ трогательна была молитва людей, которые на подвижномъ, слабомъ зданїи, среди океана, взирали на солнце, скрывающееся за волнами! какъ сильно проникала душу молитва, возносимая отъ бѣднаго матроса къ Скорбящей Богоматери! Увѣренность въ нашей малости и видъ безконечнаго пространства, — наши пѣнїя, въ нѣмыхъ волнахъ раздающїяся, — наступающая ночь и съ нею опасности, — чудесное строенїе корабля, по чудесной безднѣ носимаго, — благочестивые странники, объятые удивленїемъ и боязнїю, — служитель олтаря, умиленно молящїйся, — Богъ, надъ бездонною пропастїю, одною рукою держащїй солнце у вратъ запада, другою возносящїй луну на востокѣ, и отъ странъ эѳирныхъ преклоняющїй внимательное ухо къ слабому взыванїю своей твари: вотъ предметы, которыхъ рука человѣческая не можетъ изобразить, предметы едва ощутительные для сердца.

Обратимъ взоры на земное явленїе.

Нѣкогда ввечеру я заблудился въ обширномъ лѣсу, недалеко отъ пороговъ Нїагары; свѣтъ изчезалъ вокругъ меня; не смотря на

то, ночью, въ дикой пустынѣ новаго міра, я наслаждался прекраснѣйшимъ зрѣлищемъ.

Спустя часъ по захожденіи солнца; на противной сторонѣ луна показалась надъ деревами. Благоухающій вѣтерокъ, казалось, предшествовалъ царицѣ ночи отъ странъ восточныхъ. Уединенное свѣтило медленно возносилось на небѣ: оно, то спокойно шествовало по пути лазуревому, то отдыхало на групахъ облаковъ, коихъ вершины уподоблялись горамъ, снѣгами увѣнчаннымъ. Сіи облака, попеременно то увеличиваясь, то умаляясь, разстилались прозрачными, бѣло-бархатными полосами, или раздроблялись на легкіе клочки пѣны, или протягивались на небѣ длинными рядами ваты, которой мягкость и упругость казались почти ощутительными для обвороженнаго ока.

Земля представляла явленіе, столь же восхитительное. Голубоватое мохровое сіяніе луны, продираясь между деревъ, бросало снопо-образные лучи свѣта въ мѣста самыя скрытныя. Рѣка, текущая у ногъ моихъ, то терялась въ густотѣ лѣса, то снова появлялась въ полномъ велелѣпіи, и отражала въ водахъ своихъ ночныя созвѣздія. Вдали за рѣкою, на обширномъ лугу свѣтъ лунный дремалъ въ тишинѣ надъ густымъ дерномъ. Колеблемыя вѣтромъ уединенныя бе-

резы, разсыпанныя по равнинѣ, образовали острова тѣней, движущихся на тихой, серебрянной поверхности свѣта. Вблизи все пребывало въ тишинѣ, кромѣ съ шумомъ падающихъ листьевъ, внезапнаго дуновенія вѣтра, и рѣдкихъ, перерываемыхъ стоновъ ночной птицы; но вдали отдавались торжественные звуки падающей Ніагары, звуки, повторяемые пустынями, умирающіе въ лѣсахъ отдаленныхъ.

Ни на какихъ языкахъ человѣческихъ не возможно выразить изумляющаго величія и меланхолическаго вида сей картины; прекраснѣйшія ночи въ Европѣ не дадутъ о ней ниже слабаго понятія. Воображеніе тщетно хотѣло бы возкрылиться на обработанныхъ поляхъ нашихъ; оно вездѣ встрѣчаетъ обиталища людей: напротивъ того въ сихъ странахъ пустынныхъ душа любитъ погружаться въ океанѣ лѣсовъ, блуждать на берегахъ обширныхъ озеръ, носиться надъ безднами водопадовъ, и чувствовать себя уединенною предъ лицемъ Бога.

Шатобріанъ.

V.

Календарь золотаго вѣка.

Въ первые вѣки міра, когда человѣкъ жилъ въ счастливомъ невѣжествѣ, земледѣльцы и пастухи начинали и оканчивали свои работы по времени цвѣта растеній, паденія листьевъ, явленія и отлетанія птицъ. Отъ того у нѣкоторыхъ народовъ составилась наука гаданія: думали, что птицы, предвѣщающія перемѣну погоды и времена годовыя, могли быть изтолкователями воли Боговъ. Древніе Натуралисты и Поэты — которымъ обязаны мы остаткомъ простоты, сохранившейся до временъ нашихъ — показываютъ, какъ чудесенъ былъ сей Календарь Природы, и какими удовольствіями растворялъ онъ жизнь человѣческую. Богъ есть тайна непостижимая; человѣкъ, созданный по Его образу, также непостижимъ; неизъяснимая гармонія существовала между періодами его жизни и таинственнымъ мѣриломъ сей жизни; вѣтры, не колоколъ часовой машины, возвѣщали ходъ времени; облака несли съ собою жребій человѣка.

Появленіе извѣстной птицы приводило все въ движеніе подъ наметомъ Іакова, или Вооза. Патріархъ, ведущій за собою толпу слугъ, вооруженныхъ серпами, осматривалъ поля свои. Если разнеслась молва, что мо-

лодые жаворонки вылетаютъ уже изъ гнѣздъ; тогда весь народъ, возложивъ несомнѣнную надежду на Бога, принимался за жатву. Сіи любезные признаки, управляя работами настоящаго времени, съ выгодою предвѣщали перемѣны будущаго. Налетаетъ ли множество гусей и утокъ? это значило, что зима будетъ продолжительна. Начинаетъ ли ворона въ Январѣ вить гнѣздо свое? пастухи въ Апрѣлѣ ожидаютъ цвѣтовъ Майскихъ. Свадьба молодой дѣвушки, празднованная на берегу такого-то источника, всегда имѣла отношеніе къ развитію какого-нибудь цвѣтка, и старики, обыкновенно умирающіе осенью, падали вмѣстѣ съ желудями и зрѣлыми плодами. Между тѣмъ какъ Философъ, то прибавляя, то сокращая годы, заставляетъ зиму гулять на весеннемъ дернѣ — землепашецъ не боится обмана отъ небеснаго Астронома. Онъ знаетъ, что соловей не почтетъ зимнихъ мѣсяцевъ за время розы, и въ зимній поворотъ солнца не запоетъ лѣтнихъ пѣсней. Работы, игры, забавы поселянина были написаны не въ сомнительномъ Календарѣ какой-нибудь Ученой Академіи, но въ книгѣ Того, Кто указалъ путь солнцу. Самъ Верховный Учредитель хочетъ, что бы праздники служенія Ему имѣли отношеніе къ эпохамъ птицъ и растеній. Въ счастливые дни невинности голосъ голубиный призывалъ человѣка во храмъ Творца Натуры.

Наши поселяне и теперь еще иногда справляются съ сими таблицами, на которыхъ начертаны времена работъ сельскихъ. Индїйцы, негры и дикїе Американцы считаютъ поры года по естественнымъ признакамъ. Житель Флориды говоритъ: „эта дѣвушка вышла за мужъ немедленно по возвращенїи колибри. Рабенокъ умеръ, когда линяла такая-то птичка. У этой женщины столько дѣтей, сколько яицъ въ гнѣздѣ пеликана.“

Дикїе жители Канады именуютъ шестой часъ вечера порою, когда голуби прилетаютъ пить къ источникамъ; у жителей Луизїаны шестой часъ называется временемъ, когда эфемеры выходятъ изъ воды. По времени отлетанїя птицъ назначаются разныя ловли. Собиранїе Турецкой пшенички и другихъ земныхъ произведенїй возвѣщается прибытїемъ разныхъ животныхъ, которыя всегда въ извѣстное время собираются на пиршество Природы.

(*Шатобрїанъ.*)

VI.

Письмо путешествующаго Нѣмца изъ Тверi.

Отрочь монастырь, стоящiй на весьма прiятномъ мѣстѣ при устьѣ Тверцы, замѣчателенъ по исторiи несчастнаго Григорiя, которой былъ виновникомъ основанiя сей обители. Твоя нѣжная Ауиза никогда не простила бы мнѣ, еслибъ я не увѣдомилъ ее о судьбѣ сего молодаго человѣка, назвавши его несчастнымъ. Думаю, что не станете винить меня въ хищенiи, когда выпишу его исторiю.

Григорiй, прекрасный Княжiй Отрокъ, жившiй при дворѣ Ярослава, перваго Тверскаго Князя, пользовался милостями своего Государя, и былъ осыпанъ его благодѣянiями. Званiе, богатство и личныя прiятности доставили ему уваженiе Бояръ первостепенныхъ; отъ него зависѣло избрать себѣ супругою прекраснѣйшую изъ дочерей знаменитыхъ вельможъ Княжества. Не смотря на то, сердце Григорiя было свободно до тѣхъ поръ, пока судьба не указала ему на милую Ксенiю, дочь бѣднаго церковнослужителя, жившаго въ селѣ Едимоновѣ, которое Князь пожаловалъ Отроку. Григорiй и Ксенiя увидѣлись, и полюбили другъ друга. Онъ предложилъ ей сердце свое и руку. Князь,

не желая ни въ чемъ отказывать Григорію, согласился на его женитьбу. Все было готово. Бѣдная хижина превратилась въ брачные чертоги. Звонъ колокола зоветъ молодую чету въ церковь; еще минута — и Ксенія произнесла бы клятву любить вѣчно своего друга. Внезапно раздѣляется на двѣ половины толпа предстоящаго народа, и Князь Ярославъ является во храмѣ. Соколъ, съ которымъ онъ ѣздилъ на охотѣ, заманилъ его въ село Едимоново, и сѣлъ на крестѣ церковномъ. Ярославъ, видя поселянъ въ праздничномъ платьѣ идущихъ въ церковь, отгадалъ причину торжества, и захотѣлъ удостоить своимъ присутствіемъ обрядъ бракосочетанія.

Ксенія краснѣетъ и потупляетъ взоры. Рука ея выпадаетъ изъ руки смущеннаго Григорія. Князь изумляется; влекомый силою красоты, подходитъ ко Ксеніи, беретъ дрожащую руку ея, и спрашиваетъ: не желаетъ ли она поклясться въ вѣчной любви къ нему и вѣрности, не желаетъ ли быть Княгинею? Ослѣпленная блескомъ пышности и величія, Ксенія отдаетъ руку Ярославу; Священникъ совершаетъ обрядъ; Князь съ прекрасною Княгинею отправляется въ новосозданную столицу свою при торжественныхъ восклицаніяхъ народа.

Несчастный, оставленный Григорій, внезапно низверженный съ вершины благопо-

лучія, скрылся въ толпѣ; вмѣсто брачной одежды облекся въ рубище бѣдности, удалился въ дремучій лѣсъ, и тамъ во цвѣтѣ юношескаго возраста рѣшился ожидать смерти.

Ярославъ, послѣ первыхъ восторговъ блаженства, вспомнилъ объ огорченномъ своемъ любимцѣ. Обѣщано великое награжденіе тому, кто приведетъ Григорія въ домъ Княжескій. Долго искали Григорія; наконецъ нашли его, изнемогшаго отъ горести и отчаянія. — Какое свиданіе! Ярославъ предложилъ Отроку блестящую награду за претерпѣнное несчастіе; но какая награда можетъ замѣнить потерю сердечную? Григорій отрекся отъ всѣхъ почестей, и просилъ одной только милости — просилъ дозволенія построить келью при устьѣ Тверцы, и жить въ собесѣдованіи съ однимъ чернориздемъ. Его желаніе исполнилось. Скоро по томъ нѣжная душа его отлетѣла въ лучшій міръ, гдѣ не живетъ насильство и любовь вѣроломная.

Ярославъ создалъ Отрочь монастырь надъ могилою несчастнаго юноши. Я не видалъ ни камня, ни надписи, которыя показали бы, гдѣ погребено тѣло Григорія, Княжескаго Отрока.

(*Изъ Freimüthige.*)

ПОЛИТИКА.

I.

Письмо изъ Вашингтона.

Отъ 4 *Декабря* 1805.

Вчера снова открыто здѣсь засѣданіе Американскаго Конгресса прочтеніемъ Президентскаго посланія, въ которомъ содержится слѣдующее:

„Сенату и Палатѣ Депутатской Соединенныхъ Областей Американскихъ.

Въ нынѣшнее время, — когда народы Европы находятся въ движеніи и вооружаются одинъ противъ другаго, когда тѣ изъ нихъ, которые съ нами въ связи, вовлечены въ общую войну — собраніе Депутатовъ одѣлалось весьма нужнымъ.

Предполагая обозрѣть состояніе нашей Республики, я долженъ упомянуть о несчастіи, которое претерпѣли два города наши отъ желтой лихорадки. Всеблагое Провидѣніе скоро прекратило сіе несчастіе, и уменьшило число обыкновенныхъ жертвъ его. Изъ опытовъ и наблюденій о разныхъ періодахъ сей заразительной болѣзни открылось,

что она есть только мѣстная, и что приключается только въ городахъ, лежащихъ при такихъ рѣкахъ, въ которыхъ приливы и отливы примѣчаются; что страждущіе сею болѣзнію не сообщаютъ ее другимъ жителямъ твердой земли, и что вещи, перевозимыя изъ мѣстъ зараженныхъ, ни мало не опасны; далѣе, что она обыкновенно появляется осенью и изчезаетъ при началѣ зимнихъ морозовъ. Лихорадка дѣйствуетъ только въ извѣстныхъ мѣстахъ и въ извѣстную пору; слѣдственно приморскіе города три четверти года, а прочіе всегда пользуются совершенною безопасностію. По симъ причинамъ — хотя было и не нужно принимать дальнѣйшія мѣры, однакожь чтобы успокоить націи чужестранныя и предотвратить жалобы на безпечность нашу вразсужденіи безопасности — я далъ строжайшее приказаніе таможеннымъ чиновникамъ, суда, плывущія въ чужестранныя гавани, снабжать подробнѣйшими свидѣтельствами о состояніи жителей того мѣста, откуда онѣ отправляются. Большій вредъ ощущается отъ того, что обыкновенную лихорадку, которая во всѣ времена и во всѣхъ земляхъ господствуетъ, и которая никогда не почиталась заразительною, смѣшиваютъ съ желтою лихорадкою, называя обѣ однимъ именемъ. По сей причинѣ затрудненія въ

карантинахъ какъ у насъ, такъ и въ чужихъ краяхъ, сдѣлались несносными.

Со времени послѣдняго собранія состояніе нашихъ внѣшнихъ отношеній весьма перемѣнилось. Наши берега терпятъ безпокойства; частныя вооруженныя суда примѣчаютъ за нашими гаванями; нѣкоторые изъ нихъ отваживались даже на дѣла противныя законамъ. Онѣ передъ самыми нашими гаванями и на открытыхъ моряхъ брали корабли не только на родовъ находящихся съ нами въ союзѣ, но даже собственные наши. Онѣ уводили съ собою похищенныя добычи подъ предлогомъ, будто имѣютъ на то законныя права; но боясь явиться передъ судилище для доказанія правъ своихъ, грабили корабли и потопляли ихъ въ странахъ неизвѣстныхъ, служителей высаживали на боты, или на берега безъ пищи и одежды. Такія ужасныя произшествія заставили меня приготовить эскадру, которая, разъѣзжая на моряхъ нашихъ, задерживала бы всѣ корабли, плавающіе около нашихъ береговъ и въ заливахъ, и препровождала бы ихъ, въ качествѣ разбойническихъ, куда слѣдуетъ. Такая система плаванія при берегахъ и около пристаней, будто бы для преслѣдованія непріятелей, весьма вредна для нашей торговли.

Недавно введены въ употребленіе новые законы права народнаго, законы противные справедливости и обычаямъ націй. Воюющая держава присвоиваетъ себѣ всю торговлю своего непріятеля, не дозволяя вмѣшиваться въ нее кораблямъ неутральнымъ подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы лишить непріятеля всѣхъ выгодъ. Здравой разсудокъ оскорбляется такою нелѣпостію; а какъ государство неутральное имѣетъ одинакое право съ воюющимъ вступаться за свои выгоды, то благо отечества и долгъ подкрѣплять права здраваго смысла — единственнаго судіи народовъ — требуютъ отъ насъ дѣятельнаго и рѣшительнаго сопротивленія системѣ столь вредной для государствъ мирныхъ. Въ самомъ дѣлѣ довѣріе, которое мы обязаны имѣть къ справедливости другихъ, обнадеживаетъ насъ, что каждая воюющая держава по безпристрастномъ разсмотрѣніи сихъ правъ конечно вознамѣрится наблюдать ихъ съ большимъ уваженіемъ.

Наши переговоры съ Испаніею о прекращеніи разныхъ несогласій еще не окончились. О хищеніяхъ, сдѣланныхъ въ продолженіе минувшей войны, и за которыя Испанія обязалась отвѣчать, еще не положено ничего рѣшительнаго, потому что сія держава объявляетъ съ своей стороны другія требованія, впрочемъ неимѣющія никако-

го отношенія къ вышеупомянутымъ. Между тѣмъ подобные поступки возобновлены въ настоящую войну. На рѣкѣ Мобилѣ торговля наша затрудняется отъ насильственныхъ налоговъ и разысканій. Предложенія о дружелюбномъ назначеніи границъ еще до сихъ поръ не приняты. До окончательнаго рѣшенія дѣла мы оставались при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, не занимая новыхъ мѣстъ и не усиливая нашихъ постовъ на спорномъ владѣніи; мы надѣялись, что другая держава поведеніемъ своимъ не заставитъ насъ послѣдовать ея примѣру, и принять опасную систему споровъ, систему, которую не легко можно ограничить.

Однако жь теперь имѣемъ причины уменьшить свои надежды. Недавно сдѣланы нападенія на область Орлеанскую и на Миссисипи. Наши сограждане лишились своего имущества, бывъ ограблены на землѣ, дѣйствительно уступленной намъ отъ Испаніи: регулярные офицеры и солдаты Испанскіе суть виновники сего хищенія. По сему я былъ принужденъ дать повелѣніе нашимъ войскамъ, въ тѣхъ мѣстахъ находящимся, приготовиться къ защищенію нашихъ согражданъ и къ отвращенію впредь подобныхъ нападеній. Дальнѣйшія подробности объ истинныхъ отношеніяхъ между

обоими государствами, будутъ предметомъ другаго посланія.

При разсмотрѣніи такихъ оскорбленій, наносимыхъ нѣкоторыми воюющими державами, должно призвать къ дѣйствію мудрость Законодательства. Между тѣмъ мы еще надѣемся, что время и правильное сужденіе о выгодахъ заставятъ оскорбителей обратиться къ желаемой справедливости. Но если какая-нибудь нація по ложнымъ разчетамъ обманетъ и себя и нашу надежду, тогда мы приступимъ къ рѣшенію пагубнаго вопроса, кто кому сдѣлаетъ болѣе несчастія? Нѣкоторыя оскорбленія, кажется, могутъ быть заглажены мирными средствами, которыя всегда вожделѣннѣе прочихъ, если только онѣ удовлетворительны. Другія напротивъ суть такого рода, что ихъ только силою предупреждать должно; онѣ необходимо заставляютъ принимать насильственныя мѣры.

Для того я нахожусь принужденнымъ дать повелѣніе къ такимъ приготовленіямъ, которыхъ требуютъ обстоятельства. Первая цѣль должна быть — приведеніе всѣхъ нашихъ гаваней въ оборонительное состояніе. Уже взяты мѣры снабдить приморскія батареи тяжелыми огнестрѣльными орудіями, для возпрепятствованія вооруженнымъ судамъ приближаться къ берегу. Сверхъ того нужно

имѣть въ готовности немалое количество канонерныхъ ботовъ. Если теперь начнемъ заботиться, то къ будущему году они готовы будутъ на службу. Потребно ли умножить наши сухопутныя силы — о семъ вѣроятно будетъ рѣшено въ нынѣшнее засѣданіе. Вы разсмотрите, полезно ли какъ для мирнаго, такъ и для военнаго времени устроить милицію такимъ образомъ, чтобы въ случаѣ нужды можно было вызвать на службу молодыхъ людей, не отягощая ни стариковъ, ни гражданъ, имѣющихъ семейства. По послѣднему изчисленію оказалось, что мы внутри границъ республики имѣемъ 300,000 здоровыхъ и способныхъ къ ружью людей отъ 16 до 25 лѣтъ; изъ нихъ можно набрать достаточное число для нападенія, или для защищенія какого-нибудь пункта, гдѣ потребуетъ нужда; притомъ же всегда есть довольно времени для устроенія регулярнаго войска въ случаѣ надобности. Намѣреніе составить войско изъ однихъ только молодыхъ людей, и нынѣ и впредь должно быть пріятно юнымъ нашимъ соотечественникамъ, потому что сіе предположеніе обѣщаетъ имъ въ старости спокойную жизнь въ нѣдрѣ семействъ ихъ. Почитаю нужнымъ предложить вамъ для поспѣшнаго и внимательнаго разсужденія новую систему милиціи, которая подастъ намъ возможность въ случаѣ нужды немед-

ленно выставить достаточной корпусъ на дѣйствительную службу.

По силѣ прежнихъ полномочій отъ Конгресса, сдѣланы важныя приготовленія къ построенію кораблей о 74 пушкахъ. Матеріалы для нихъ уже готовы, и предоставлены разпоряженію Законодательной власти.

(Пропускаются статьи, относящіяся до дѣлъ Областей Американскихъ съ Тунисомъ; Триполемъ и Американскими Индійцами; далѣе слѣдуетъ:)

Доходы Государственнаго Казначейства въ прошломъ году, которой окончился 30 Сентября, простирались болѣе нежели до 13 милліоновъ талеровъ; съ помощію 5 милліоновъ запасныхъ, мы въ началѣ года, удовлетворивъ другія нужды, могли уплатить долгу около 2 милліоновъ по силѣ Британскаго трактата; около 4 милліоновъ государственнаго долгу; и 4 милліона процентовъ. Отъ уплаты въ три года съ половиною государственный долгъ уменьшился *осьмнадцатью милліонами*. Конгрессъ уполномочилъ насъ актомъ 10 Ноября 1803 года, занять 1,750,000 талеровъ для удовлетворенія требованій нашихъ согражданъ по силѣ договора съ Франціею. Однакожь мы сіе полномочіе оставили безъ употребленія, потому что суммы $4\frac{1}{2}$ милліоновъ, оставшейся въ Казначействѣ къ 30 числу Сентября, и доходовъ, ожидаемыхъ въ будущемъ году,

за уплатою ежегоднаго долгу и за всѣми издержками, будетъ достаточно на удовлетвореніе требованій по упомянутому договору; сверхъ того останется около милліона для будущихъ разпоряженій. Если Законодательная власть согласится на предполагаемое вооруженіе людей и кораблей, нужное при нынѣшнихъ обстоятельствахъ то остающейся суммы довольно для сей надобности.

Подписано: Том. Джефферсонъ.

II.

Прокламація отъ Шведскаго Короля.

Мы Густавъ Адольфъ, Божіею милостію Король Шведскій, Гоѳскій и Вандальскій и проч. и проч. Чрезъ сіе объявляемъ, что когда Мы вступили на престолъ Королевскій, Французская революція по несчастію уже существовала многіе годы; событія кровопролитнѣйшія и неслыханныя, случившіяся во Франціи, разпространили несогласія, бѣдствія и войну въ большей части Европы. Въ послѣдовавшее девятилѣтіе Французская революція не переставала угрожать общей тишинѣ и возбуждать вниманіе во всѣхъ Государствахъ. Мы, полагаясь на вѣрность Шведскаго народа, и обезпечиваясь дальнимъ разстояніемъ отъ Франціи, спокойно взирали

на неистовства разныхъ партій и на бѣдствія терзаемаго государства; Мы были увѣрены, что опытъ столь ужасныхъ несчастій, отъ раздоровъ и олигархіи произшедшихъ, послужитъ къ возстановленію порядка и законнаго правительства для безопасности Французскаго народа и прочихъ Государствъ Европы. Сія пріятная надежда не исполнилась: хотя правительство и перемѣнялось весьма часто, но коренныя правила революціи, правила опасныя для всей Европы, оставались тѣже; онѣ существовали во время Консульскаго правленія. Первой Консулъ, усиливши власть свою, пренебрегъ всѣ понятія о законѣ и справедливости; все принесено на жертву честолюбію; забыты права народныя, святость договоровъ и уваженіе къ Правительствамъ. Рукою насильства недавно пролита кровь достойнѣйшаго потомка древней Королевской Фамиліи. Сей мятежническій поступокъ былъ не только очевиднымъ примѣромъ, какія понятія Французское правительство имѣетъ о законахъ и справедливости, но еще показалъ, какая гнусная система имъ принята, и чего должны ожидать прочія Правительства. Между тѣмъ какъ сіе насильство представило большимъ Государствамъ зрѣлище, по которому онѣ могли судить о могуществѣ Франціи, — малыя Государства коварствомъ и наглостію превращены во Французскія провинціи. Опасность казалась

общею и близкою, ибо по видимому никакое дальнее разстояніе не могло спасти отъ угрозъ.

Справедливыя требованія, предложенныя Нами Французскому правительству, остались безъ уваженія. Многіе Наши подданные не получили никакихъ удовлетвореній за нагло отнятые у нихъ товары, за своевольное употребленіе кораблей ихъ для перевозовъ, и за противузаконныя амбарго; насильство Французскаго правительства до того простерлось, что Шведская торговля девять мѣсяцевъ терпѣла великія притѣсненія въ пристаняхъ Франціи. Такіе поступки еще болѣе увеличили страхъ, внушенный столь опаснымъ поведеніемъ, и возбудили желаніе (сердце каждаго изъ вѣрныхъ Шведовъ безъ сомнѣнія чувствуетъ въ томъ потребность) составить противуположную тяжесть для перевѣса Государства, которое явно обнаруживаетъ покушенія свои надо всѣми господствовать, и которое употребляетъ нечестивые способы для достиженія къ своей цѣли.

Но какъ ни одно Государство не имѣетъ довольно силы для отвращенія слѣдствій отъ сихъ замысловъ, то Мы надѣялись, что безпрестанныя огорченія внушатъ наконецъ желаніе соединить усилія, чтобъ избавиться отъ общаго зла, и возпротивить-

ся такой силѣ, которая старается покорить себѣ всѣ прочїя, одну послѣ другой.

Сїя эпоха наконецъ настала, и сильнѣйшїя Государства Европы рѣшились дѣйствовать для поддержанїя своего достоинства и своей независимости. Мы соединились съ ними, и чтобы имѣть участїе во всѣхъ предпрїятїяхъ, заключили союзъ тѣснѣйшей дружбы; надѣемся, съ помощїю Промысла, возстановить общее спокойствїе. Въ семъ намѣренїи Мы съ частїю Нашего войска переправились въ Померанїю, чтобы соединиться съ Русскими, и по томъ дѣйствовать неутомимо, смотря по обстоятельствамъ.

Принявъ столь достохвальное и важное намѣренїе, Мы твердо уповаемъ на усердїе и молитвы нашихъ подданныхъ; ибо желанїе Наше есть — сражаться за будущую независимость и за честь имени Шведскаго. Заботясь, чтобы въ Наше отсутствїе дѣла общественныя отправлялись безостановочно и обыкновеннымъ порядкомъ, Мы признали нужнымъ учредить Регентство, и назначить Членами: Барона Врангля, Графа Акселя, Графа Угласа, Барона Брока Цедерштрома и Барона Эренгейма.

Въ слѣдствїе того Мы желаемъ, чтобы всѣ Наши вѣрные подданные, какого бы зва-

нія ни были, повиновались учрежденному Регентсіпру, какъ Нашей Особѣ. Кому слѣдуетъ, дано надлежащее повелѣніе сообразжаться съ настоящею прокламаціею, подписанною собственною рукою Нашею, съ приложеніемъ Королевской печати.

Въ Марсвинсгольмѣ, близъ Истада.

31 *Октября* 1805 *года.*

На подлинномъ: *Густавъ Адольфъ.*

М. Резенбладъ.

(*Изъ Газеты Великобрит.*)

III.

Прокламація отъ Наполеона Бонапарте къ Вѣнскимъ жителямъ.

Жители Вѣны! я заключилъ миръ съ Императоромъ Австрійскимъ. Отправляясь въ свою столицу, хочу изъявить вамъ мое уваженіе, и увѣдомить васъ, что мнѣ пріятно было видѣть поведеніе ваше, когда вы находились подъ моими законами. Я показалъ примѣръ, которому до сихъ поръ не было подобнаго въ Исторіи народовъ. 10000 Человѣкъ вашей народной гвардіи оставались вооруженными, и охраняли городскія ворота.

Арсеналъ (*) находился въ вашей власти въ то время, когда я гонялся за сомнительнымъ счастїемъ военнымъ. Я полагался на вашу честность, правоту и искренность: вы не обманули моей надежды.

Жители Вѣны! знаю, что вы не одобряли войны, которая затѣяна вашими Министрами, преданными островитянамъ. Вашъ Монархъ теперь увѣдомился о замыслахъ Министровъ. Теперь онъ совершенно предается чувствамъ добродѣтелей, которыми отличается. Надѣюсь, что впредь вы, и вся Европа, будете наслаждаться спокойствїемъ и счастїемъ.

Жители Вѣны! я показывался вамъ на короткое время, не отъ презрѣнїя или тщеславїя, но единственно для того, чтобы не перемѣнить въ васъ чувствованїй, питаемыхъ вами къ Монарху, съ которымъ я желалъ скоро заключить миръ. Въ самую минуту моего отъѣзда примите отъ меня арсеналъ въ *совершенной цѣлости* (!!), хотя по законамъ войны и былъ онъ моею собственностїю. Употребляйте его всегда для наблюденїя порядка; припишите претерпѣнныя вами несчастїя необходимымъ слѣд-

(*) То есть пустой. Пушки и другїя оружїя отвезены въ Баварїю и Францїю. — *Изд.*

ствїямъ войны, а снизходительность и доброе поведенїе войска почитайте доказательствомъ моего къ вамъ уваженїя, которое вы заслужили.

Шенбруннъ, 27 Декабря
1805 года.

Подписано: *Наполеонъ.*

IV.

Другая прокламацїя къ войску.

Солдаты! миръ между Императоромъ Австрїйскимъ и мною подписанъ. Вы совершили двѣ кампанїи въ продолженїе поздней поры года; вы сдѣлали все, чего я ожидалъ отъ васъ. Теперь отправляюсь въ мою столицу. Я обѣщалъ чины и награжденїя тѣмъ, которые болѣе другихъ отличились. Исполню все, что ни обѣщано. Вы видѣли, что я раздѣлялъ съ вами всѣ труды, всѣ опасности; остается еще вамъ увидѣть меня во *всемъ величїи, окруженнаго славою, принадлежащею Самодержцу перваго народа во вселенной* (*). Въ пер-

(*) Если Читатели не повѣрятъ, что это собственныя слова *скромнаго* Наполеона, то пусть заглянутъ въ Нѣмецкія и Французскія газеты. — *Изд.*

выхъ числахъ Мая мѣсяца я дамъ большой праздникъ въ Парижѣ; вы всѣ тамъ будете, и мы увидимъ по томъ, куда позовутъ насъ благо нашего отечества и выгоды нашей славы.

Солдаты! въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, которые вамъ остается пробыть внѣ Франціи, явите себя образцомъ всѣхъ армій. Отъ васъ не требуется ни мужества, ни неустрашимости, но строгаго порядка и повиновенія. Желательно, чтобъ мои союзники болѣе не жаловались на ваши переходы. Приближаясь къ священной землѣ отечественной, поступайте *какъ дѣти въ нѣдрѣ ихъ семейства* (comme des enfans dans le sein de leur famille). Мой народъ будетъ обходиться съ вами какъ съ героями и своими защитниками.

Солдаты! мысль, что прежде шести мѣсяцевъ увижу васъ собранныхъ вокругъ моихъ чертоговъ, пріятна моему сердцу; предварительно ощущаю сладостное впечатлѣніе. Мы станемъ праздновать въ память скончавшихъ жизнь свою на полѣ чести въ сіи двѣ кампаніи. Вселенная увидитъ, что мы готовы послѣдовать ихъ примѣру, и въ случаѣ надобности сдѣлать еще болѣе, нежели мы сдѣлали, противу тѣхъ, которые нападаютъ на честь нашу:

Шенбруннъ, 27 Декабря
1805 года.

Подписано: *Наполеонъ.*

V.

Прокламацїя Курфирста Виртемберскаго (*).

Мы ФридрихЪ, Божїею милостїю *Король* Виртембергскїй, священной Римской Имперїи КурфирстЪ, и проч.

ЧрезЪ сїе каждому объявляемЪ, что, по милости Бога Милосердаго, между Е. В. ИмператоромЪ НѣмецкимЪ и Австрїйскимъ и Е. В. ИмператоромЪ Францїи и КоролемЪ Италїи, заключенЪ мирЪ 26 числа Декабря.

Поелику Мы — вЪ слѣдствїе сдѣланнаго сЪ Е. В. ИмператоромЪ Францїи и КоролемЪ Италїи вЪ 12 день Декабря договора, которой составляетЪ одну изЪ главныхЪ статей мирнаго трактата между ИхЪ Величествами — приняли на себя и на потомковЪ НашихЪ Королевское достоинство; то и объявляемЪ о томЪ для всеобщаго свѣденїя и исполненїя.

ВЪ семЪ достопамятномЪ для каждаго вѣрнаго Виртембергца событїи Мы видимЪ

(*) Подобною прокламацїею возвѣщено вЪ Минхенѣ о принятїи БаварскимЪ КурфирстомЪ Королевскаго достоинства.

новое доказательство увеличивающагося къ Нашему Королевскому дому Божїяго благоволенїя; уповаемъ, что всѣ Наши слуги и подданные, при семъ великомъ и неожидаемо счастливомъ открытїи блага для отечества, равными чувствами радости и благодарности будутъ проникнуты.

Новыя по сему отношенїя подаютъ Намъ радостную надежду болѣе и болѣе утверждать и возвышать благо Нашихъ владѣнїй, родовыхъ и приобрѣтенныхъ, и счастїе всѣхъ Нашихъ подданныхъ. Наше неутомимое попеченїе о томъ будетъ оживляемо увѣренностїю находить для себя воздаянїе въ признательности, совершенной вѣрности и непоколебимой приверженности къ Намъ всѣхъ Нашихъ подданныхъ, къ которымъ пребываемъ благосклонны.

Дана въ Штуттгардѣ, нашей Королевской Резиденцїи. Января 1 дня 1806 года.

Подписано: *Фридрихъ.*

VI.

Извѣстія и замѣчанія.

Скоро откроются засѣданія въ Англійскихъ Парламентахъ. Произшествія, на твердой землѣ случившіяся, вѣроятно подадутъ матерію къ любопытнымъ спорамъ. Въ одной газетѣ стороны Министерской напечатано: „Какъ будетъ торжествовать Оппозиція по случаю перемѣны обстоятельствъ на твердой землѣ! какъ нетерпѣливо ей хочется напасть на Министровъ! Она не станетъ входить въ разсмотрѣніе, какія слѣдствія должны имѣть нынѣшнія событія. Досугъ ли ей заниматься подобными разсмотрѣніями? Ея дѣло побраниться, и представить Министра Питта въ самомъ невыгодномъ положеніи, въ которомъ онъ теперь находится по причинѣ неисполнившихся предпріятій, и проч.“ —

Неблаговременное примиреніе Римскаго Императора съ Наполеономъ Бонапарте на первой случай имѣло то слѣдствіе, что Англійскія войска, высаженныя на твердую землю, и находившіяся уже въ Ганноверѣ, пошли обратно къ Эльбѣ и Везеру, откуда отправятся въ свое отечество. Слабость и непостоянство одного союзника заставляютъ теперь отложить до удоб-

нѣйшаго времени исполненіе спасительнаго плана, — безъ чего Европа не можетъ быть спокойна.

Представимъ себѣ состояніе самой Австрійской Монархіи, и разсудимъ, можно ли ей долго оставаться въ настоящемъ положеніи. По договору Пресбургскаго мира, она лишается Тироля, Венеціи, Фріуля, Истріи и Далматіи. А получаетъ въ замѣну? прекрасныя области: Боснію, Сервію, Славонію, Молдавію и Валахію, которыя Г. Бонапарте по особенному своему снизхожденію отдаетъ Его Величеству Францу II. Весьма вѣроятно, что Султанъ Селимъ III, будучи увѣренъ въ правахъ своихъ на обладаніе упомянутыми провинціями, отправитъ 200 тысячь адвокатовъ, и строго запретитъ имъ соглашаться на требованія Австрійскихъ Коммисаровъ, которые присланы будутъ для принятія отъ жителей присяги и для другихъ хозяйственныхъ разпоряженій; легко можетъ статься, что и Черный Георгъ — у котораго, какъ извѣстно, стоитъ теперь подъ ружьемъ 100,000 Сербовъ, готовыхъ умереть за свою независимость — не одобритъ относящейся до его отечества статьи Пресбургскаго трактата: но такія мѣлочи не затруднятъ ни Наполеона, ни тѣхъ, которые исполняютъ все, что онъ ни предписываетъ. Г. Бонапарте занятъ теперь множествомъ

другихъ дѣлъ, до своей особы и до своего семейства касающихся. Отпраздновавши въ Минхенѣ бракосочетанїе пасынка своего съ Баварскою Принцессою, онъ поѣдетъ черезъ Штуттгардъ прямо въ Парижъ, гдѣ сдѣланы уже всѣ нужныя приготовленїя для торжествованїя *побѣдъ*, одержанныхъ при Трафальгарѣ и Австерлицѣ. Во всей Францїи пущены въ народъ подробнѣйшїя описанїя морскаго сраженїя, въ которыхъ весьма ясно изображено, какъ соединенный Французско-Испанской флотъ *разсыпалъ*, *разгромилъ и истребилъ* всю многочисленнѣйшую Англїйскую морскую силу при Трафальгарѣ (!!). Въ Гамбургѣ Французскїй Министръ Г. Бурьень рѣшительно требовалъ, чтобы о сраженїи при Австерлицѣ не было ничего печатано до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не представитъ *вѣрнаго извѣстїя*. Онъ объявилъ — такъ написано въ одномъ Англїйскомъ листкѣ — что останется на отчетѣ Сената, если что-нибудь явится въ публикѣ неодобренное имъ, Г-мъ Бурьенемъ. Когда въ Берлинскихъ Вѣдомостяхъ напечатано описанїе сраженїя при Кремсѣ и сказано, что Русскїе разбили Французовъ, Посланникъ Г. Лафоре укорялъ Издателя, и грозился отплатить ему, если впредь помѣститъ въ Вѣдомостяхъ статью, относящуюся до Францїи, не показавъ ее напередъ Г-ну Лафоре.

Теперь прежнія ландкарты опять не годятся. Если новый, такъ называемой, Король Баварской, въ силу Пресбургскаго договора лишится двухъ Княжествъ, назначаемыхъ въ удѣлъ Курфирсту Зальцбургскому: Вирцбургскаго и Бамбергскаго (въ первомъ считается земли 98 квадратныхъ миль и 250,000 жителей, во второмъ земли 65 кв. миль и 185,000 жителей); то Королевство его со вновь приобрѣтаемыми владѣніями состоять будетъ изъ слѣдующихъ провинцій: 1 е. Герцогство Баварское съ областію Пассау и Княжествомъ Фрейингеномъ содержитъ въ себѣ земли 535 квадр. миль и 953,000 жителей. 2 е. Княжество Верхній Палатинатъ, въ которомъ земли 130 кв. миль и 280,050 жителей. 3 е. Княжество Эйхштадтъ, содержащее въ себѣ земли 22 кв. мили и 56,000 жителей. 4 е. Прежнія Баварскія владѣнія въ Швабіи, въ которыхъ земли 120 кв. миль и 280,000 жителей. 5 е. Половина областей наслѣдственныхъ, принадлежавшихъ Австріи; въ нихъ земли 30 кв. миль и 70,000 жителей. 6 е. Графство Тироль съ Воралбергомъ — самая важнѣйшая потеря для Австріи въ военномъ отношеніи — въ нихъ земли 540 миль кв. и 430,000 жителей. Слѣдственно новое Королевство будетъ имѣть земли 1375 кв. миль и 2 милліона 86,050 жителей. — Владѣнія Курфирста Виртембергскаго до сихъ

порЪ имѣли земли 166 кв. миль и 731,900 жителей; теперь сЪ новыми приобрѣтенїями Королевство состоять будетЪ изЪ 200 кв. миль земли и 850,000 жителей.

ОШИБКА

вЪ 3мЪ Нумерѣ Вѣстника Европы:

Налечатано:		*Читать должно:*
Стран.	стр.	
192	23 искуса.	искуса. " — При-
Признаюсь		знаюсь

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ФЕВРАЛЬ, 1806.

№ 4.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Отрывокъ изъ рѣчи Святаго Іоанна Златоустаго о несчастіи Евтропія (*).

Евтропій былъ сильный любимецъ Императора Аркадія, и самовластно управлялъ умомъ своего Государя. Аркадій, легкомысленно возводившій любимцевъ своихъ на высокія степени, не имѣлъ твердости поддерживать ихъ; онъ противъ своей воли долженъ былъ оставить Евтропія. Сей любимецъ, въ одну минуту съ вершины величія низверженный въ бездну несчастія, нашелъ прибѣжище въ благочестивомъ великодушіи

(*) Оба отрывка, сей и слѣдующій за нимъ, взяты изъ Traité des études Роллена, которой предлагаетъ ихъ въ примѣръ краснорѣчія Святаго Іоанна Златоустаго.

Святаго Іоанна Златоустаго, которому часто наносилъ жестокія оскорбленія; нашелъ прибѣжище у олтарей, которые прежде старался опровергнуть. На другой день толпы народа бѣжали въ церковь, нетерпѣливо желая видѣть въ Евтропіѣ разительный примѣръ человѣческой слабости и ничтожнаго величія. Краснорѣчивый Святитель произнесъ при семъ случаѣ трогающую рѣчь; ненависть къ Евтропію превратилъ въ состраданіе, и заставилъ всѣхъ слушателей своихъ пролить сладкія слезы умиленія. Надобно помнить, что Златоустъ предъ великими и сильными говорилъ небоязненно со всею свободою строгаго Первосвященника.

„Никогда не было приличнѣе, какъ въ настоящее время, воскликнуть: *Все суета суетъ — все суета!* Гдѣ нынѣ блескъ высокихъ достоинствъ? гдѣ знаки отличія и почестей? Куда дѣвалось великолѣпіе празднествъ и пированій? Чѣмъ окончились частыя восклицанія, безстыдныя ласкательства народа, собиравшагося для зрѣлищъ? Отъ единаго дуновенія вѣтра гордое древо лишилось всѣхъ листвій, потряслось въ основаніи своемъ, и — пало на землю. Гдѣ ложные друзья, подлые льстецы, услужливые тунеядцы, которые словами и поступками изъявляли рабскую покорность? — Все разсыпалось, изчезло какъ сновидѣніе, какъ

цвѣтъ, какъ тѣнь. Не должны ли мы повторять слова, произнесенныя по вдохновенїю Святаго Духа: *Все суета суетъ, все суета?* Надлежало бы слова сїи яркими чертами изобразить на всѣхъ мѣстахъ публичныхъ, на дверяхъ всѣхъ домовъ, во всѣхъ нашихъ комнатахъ; но еще сильнѣе надлежало бы напечатлѣть ихъ на сердцахъ нашихъ, и сдѣлать ихъ всегдашнимъ предметомъ нашихъ бесѣдованїй.

„Не справедливо ли — продолжаетъ Св. Златоустъ, обратясь къ Евтропїю — я говорилъ тебѣ о непостоянствѣ, о ничтожности твоего богатства? Теперь ты узналъ, что оно, подобно бѣглому рабу, оставило тебя, сдѣлалось вѣроломнымъ противъ тебя и пагубнымъ: ибо оно есть главная вина твоего несчастїя. Я часто совѣтовалъ тебѣ уважать болѣе мои упреки, сколь ни казались они горькими, нежели нелѣпыя похвалы, которыми льстецы безпрестанно осыпали тебя; ибо *раны, отъ любящаго наносимыя, лучше льстивыхъ лобызанїй ненавидящаго.* Не имѣлъ ли я причины увѣщевать тебя? Что сдѣлалось съ твоими ласкателями? Они удалились; отреклись отъ дружбы твоей; заботятся только о своей безопасности, о своихъ выгодахъ, даже съ потерянїемъ твоихъ выгодъ. Мы поступаемъ иначе. Мы терпѣли гнѣвъ твой въ счастїи; теперь въ несчастїи помо-

гаемъ тебѣ всѣми силами. Церковь, на которую ты воевалъ, приемлетъ тебя на лоно свое; зрѣлища, бывшія всегдашнимъ предметомъ твоего благоволенія, и которыя весьма часто навлекали на насъ твое негодованіе, нынѣ оставили тебя и измѣнили.

„Я говорю не для того чтобы ругаться надъ несчастіемъ *падшаго*, не для того чтобы разтравить раны его, еще свѣжія, но чтобы поддержать *стоящихъ*, и предотвратить ихъ отъ подобныхъ бѣдствій. Самое надежное средство къ тому есть увѣренность въ ничтожности человѣческаго величія. Назовемъ его цвѣтомъ, быліемъ, дымомъ, сновидѣніемъ — и все еще не довольно, потому что оно менѣе самаго ничтожества. Имѣемъ передъ глазами убѣдительнѣйшее доказательство. Кто достигалъ когда-либо высшей степени? Не онъ ли обладалъ сокровищами несмѣтными? какого достоинства ему недоставало? не передъ нимъ ли трепетала вся Имперія? Теперь онъ униженъ болѣе нежели послѣдній изъ несчастныхъ, болѣе нежели послѣдній изъ рабовъ, болѣе нежели послѣдній узникъ, заключенный въ мрачной темницѣ; теперь онъ ничего не видитъ, кромѣ мечей, устремленныхъ на его погубленіе, кромѣ мученій и мучителей; при солнечномъ сіяніи лишенъ дневнаго свѣта; каждую минуту ожи-

даетъ смерти, и всегда имѣетъ ее передъ глазами.

„Вчера вы были свидѣтелями, когда присланные изъ Царскихъ чертоговъ хотѣли насильно извлечь его изъ сего убѣжища; вы видѣли, какъ онъ, полумертвой отъ страха, прибѣжалъ къ освященнымъ сосудамъ; видѣли блѣдное лице его, слышали слабой, перерываемой тяжкими вздохами его голосъ. Еще повторяю: я говорю сїе не для того чтобы ругаться надъ несчастїемъ низверженнаго, но чтобы возбудить въ васъ соболѣзнованїе, чтобы вдохнуть въ васъ чувство милосердїя.

„Нѣкоторые люди, немилосердые и жестокїе, негодующїе, для чего мы дали ему убѣжище во святомъ храмѣ, скажутъ: не сей ли былъ свирѣпѣйшимъ врагомъ Церкви? не сей ли изданными законами повелѣлъ затворить Божїе храмы? Справедливо; но сїе-то и должно быть побудительною для насъ причиною прославлять Бога, который страшнаго непрїятеля нашего заставилъ благоговѣть передъ могуществомъ Церкви и ея милосердїемъ; передъ могуществомъ — потому что война съ нею навлекла на него несчастїе; передъ милосердїемъ — потому что, забывая нанесенныя себѣ оскорбленїя, забывая все прошедшее, она простираетъ къ нему

свои объятія, приемлетъ его подъ сѣнь крылъ своихъ, покрываетъ его щитомъ своимъ, даетъ ему безопасное убѣжище у тѣхъ самыхъ жертвенниковъ, которые онъ много разъ покушался изпровергнуть. Никакія побѣды, никакіе трофеи не были бы столь славны для Церкви; ей одной свойственно такое великодушіе, посрамляющее Іудеевъ и невѣрныхъ. Принять подъ свою защиту явнаго непріятеля, низверженнаго въ пропасть несчастія, оставленнаго всѣми, сдѣлавшагося предметомъ общей ненависти и презрѣнія; изъявить ему нѣжность, болѣе нежели матернюю; подвергнуть себя гнѣву Государя и слѣпому неистовству черни — вотъ въ чемъ состоитъ слава нашего святаго Закона!

„Вы произносите съ негодованіемъ: „онъ повелѣлъ заключить храмы.“ Люди! кто дозволилъ вамъ помнить нанесенныя обиды? Мы не что иное, какъ рабы Распятаго Бога, который умирая возгласилъ: *Отче! отпусти имъ, не вѣдятъ бо что творятъ.* Сей человѣкъ, простертый у подножія олтарей, являющій себя позорищемъ міра, не уничтожилъ ли своихъ законовъ, не признался ли въ своей несправедливости? Какое торжество для олтаря! сколь страшнымъ, сколь почтеннымъ является онъ съ тѣхъ поръ, какъ обложилъ оковами сего льва неукротимаго! Такъ! Монархъ не тогда сіяетъ во всемъ велелѣпіи, когда си-

дитъ на престолѣ, облеченный въ порфиру, и діадимою украшенный; но когда онъ попираетъ ногами варваровъ побѣжденныхъ.

„Вижу собраніе народа во храмѣ столь многочисленное, какое бываетъ въ великій праздникъ Пасхи. Настоящее позорище должно быть важнымъ для васъ наставленіемъ; самое молчаніе сего человѣка въ нынѣшнемъ его состояніи краснорѣчивѣе нашей бесѣды. Богачь, вошедшій въ храмъ, взглянетъ и увѣрится въ истинѣ словъ священныхъ: *Всякая плоть есть былїе; слава его подобна цвѣту сельному. Былїе изсохло, и цвѣтъ упалъ: ибо Господь поразилъ его своимъ дуновеніемъ.* Бѣдный научится здѣсь лучше разсуждать о своемъ состояніи; вмѣсто того чтобы жаловаться, онъ будетъ доволенъ своею бѣдностію, которая служитъ для него убѣжищемъ и оплотомъ, покоитъ его въ безопасности, предохраняетъ его отъ боязни и смятеній — сихъ изчадій богатства.“

Св. Златоустъ, произнося рѣчь сію, имѣлъ намѣреніе не только учить народъ, но и возбудить въ немъ сострадание повѣствованіемъ о несчастіяхъ, столь живо описываемыхъ. Сказано выше, что всѣ слушатели прослезились, хотя ненавидѣли Евтропія, почитая его виновникомъ золъ общихъ и частныхъ. Святитель, примѣтивъ умиленіе въ слушателяхъ, продол-

жалъ: „Успокоилъ ли я духъ вашъ? изгналъ ли гнѣвъ? истребилъ ли жестокость? возбудилъ ли состраданіе? Такъ точно; состояніе, въ которомъ вижу васъ, и слезы вами проливаемыя, доказываютъ, что я не ошибаюсь. Сердца ваши предались умиленію; огонь любви растопилъ ледъ и смягчилъ твердость: пойдемъ же теперь всѣ и упадемъ къ стопамъ Императора, — или лучше, помолимся Милосердому Богу о томъ, чтобы Онъ смягчилъ сердце Государя, и вселилъ въ немъ склонность даровать намъ прощеніе.“

Рѣчь сія произвела желаемое дѣйствіе; Св. Златоустъ спасъ жизнь Евтропія, которой однакожь по неблагоразумію своему черезъ нѣсколько дней вышелъ изъ храма, желая скрыться; былъ взятъ и отосланъ на островъ Кипръ, по томъ перевезенъ въ Халкидонію, гдѣ по судебному приговору потерялъ голову.

II.

Другой отрывокъ изъ первой книги о священствѣ.

Св. Іоаннъ Златоустъ имѣлъ у себя друга, по имени Василія, которой убѣдилъ его

оставить домъ матери, удалиться отъ свѣта, и вести жизнь уединенную. Бѣдная мать — говоритъ Св. Златоустъ — узнавши о томъ, взяла меня за руку, повела въ свою комнату, посадила на то самое ложе, на которомъ я родился, заплакала и начала говорить словами, возбудившими во мнѣ болѣе жалости, нежели самыя слезы. — „Сынъ мой! — сказала она — Богу не угодно было, чтобы я долго наслаждалась добродѣтелью твоего родителя. Онъ умеръ скоро послѣ того, какъ я освободилась отъ болѣзни, бывшей слѣдствіемъ твоего рожденія; ты остался сиротою, а я вдовою, прежде нежели отецъ твой успѣлъ оказать намъ нужную помощь. Я терпѣла всѣ невыгоды одиночества, всѣ безпокойства, о которыхъ не можетъ имѣть понятія тотъ, кто не испыталъ ихъ. Не льзя изъяснить словами смятенія, въ которомъ находится молодая женщина, едва вышедшая изъ родительскаго дому, непривыкшая къ свѣтской жизни; съ огорченною душею, она должна принять на себя новыя заботы, несвойственныя ни полу ея, ни возрасту. Она должна исправлять нерадивыхъ слугъ, и предохранять себя отъ ихъ злобы; должна остерегаться коварныхъ умысловъ сосѣдей; должна постоянно переносить обиды отъ сильныхъ, и грубыя оскорбленія отъ собирающихъ государственные налоги.

„Знаю, какая печаль, какія заботы достаются въ удѣлъ вдовѣ, отягченной малолѣтными сиротами; однакожь сія печаль, сіи заботы бываютъ сносны, когда вдова остается съ дочерью, потому что ни страхъ, ни издержки не безпокоятъ матери. Но воспитаніе сына сопряжено съ большими трудностями; оно требуетъ неусыпныхъ попеченій, не упоминая объ издержкахъ, необходимо нужныхъ для наученія юноши. Не смотря на всѣ еіи трудности, я удержалась отъ втораго замужства; пребыла твердою среди бурь и волненій, и возложивъ надежду на милосердіе Божіе, рѣшилась претерпѣть всѣ безпокойства вдовической жизни.

„Единственное утѣшеніе я находила въ удовольствіи видѣть тебя, взирать на лице твое, на живое и вѣрное изображеніе покойнаго моего супруга. Сіе утѣшеніе началось вмѣстѣ съ твоимъ младенчествомъ, когда уста твои произносили одни невразумительные звуки: въ это время отцы и матери наиболѣе радуются дѣтьми своими.

„Я никогда не подавала тебѣ причины сказать себѣ, что хотя съ твердостію перенесла трудности нынѣшняго состоянія, однакожь, отвращая безпокойства, уменьшила имѣніе отца твоего, — а извѣстно, что подобное несчастіе не рѣдко случается съ сиротами. Нѣтъ! я сберегла для тебя

все, что ни осталось, хотя впрочемъ ничего не щадила для твоего воспитанія. На всѣ издержки я употребляла собственной свой достатокъ и свое приданое. Говорю тебѣ о семъ, любезной сынъ, не для того чтобы упреками напомнить тебѣ о сыновнихъ обязанностяхъ. За все, что ни сдѣлала для тебя, требую одной только милости: не оставь меня въ другой разъ вдовою; не разтравляй раны, которая начинала закрываться; подожди по крайней мѣрѣ моей смерти — можетъ быть она не замедлитъ ко мнѣ явиться. Молодымъ людямъ прилично ожидать старости; но въ мои лѣта прилично ожидать одной смерти. Когда опустятъ меня въ могилу твоего родителя, когда кости мои соединятся съ его прахомъ; въ то время предпринимай далекія путешествія, отплывай на отдаленныя моря — никто тебя не удержитъ. Но пока я дышу еще, живи со мною, и не скучай моимъ присутствіемъ. Не навлекай на себя гнѣва Божія оскорбленіемъ нѣжной матери, не заслужившей такого несчастія. Еслибъ я обременяла тебя заботами, еслибъ заставляла тебя принимать участіе въ общихъ дѣлахъ нашихъ: тогда, соглашаюсь, ты могъ бы пренебречь законы природы, мои попеченія о твоемъ воспитаніи, сыновнее почтеніе и прочія обязанности — тогда ты могъ бы отъ меня убѣгать, какъ отъ

рушительницы твоего покоя, разстилающей для тебя опасныя сѣти. Но я единственно о томъ только забочусь, чтобы доставить тебѣ совершенное спокойствїе: пускай же сїе одно обстоятельство удержитъ тебя, если всѣ другїя были безполезны. Ни одинъ изъ многихъ друзей твоихъ не печется, сколько я, о твоей свободѣ; никто столь усердно, какъ я, не желаетъ тебѣ счастїя."

Св. Златоустъ не могъ противиться дѣйствїю столь трогательной рѣчи; какъ ни старался другъ его Василїй склонить его на свою сторону, онъ не рѣшился оставить мать столь нѣжную, столь достойную любви и почтенїя.

Едва ли древность языческая можетъ представить намъ рѣчь, которая была бы живѣе, нѣжнѣе, краснорѣчивѣе; здѣсь разумѣется краснорѣчїе простое и натуральное, несравненно превосходнѣйшее всѣхъ блестящихъ прикрасъ искуства. Найдите въ сей рѣчи хоть одну мысль натянутую, хоть одинъ оборотъ странный или принужденный. Не правда ли, что все въ ней течетъ изъ своего источника, и что сама натура влагала слова въ уста матери? Но всего удивительнѣе непонятная скромность бѣдной матери, терзаемой печалїю; при столь горестномъ состоянїи, не вырывается у нее ни одно слово негодованїя, ни одна жалоба

противъ виновника печали; можетъ быть уважая добродѣтели Василїя и боясь раздражить сына, она думала только о томъ, какъ бы смягчить его, и склонить на свою сторону.

III.

Лихтенштейнъ, Евгенїй и Марлборугъ въ царствѣ мертвыхъ.

ЛИХТЕНШТЕЙНЪ.

Въ наше время составилась секта Энциклопедистовъ, называющихъ себя Философами; они ставятъ себя выше древнихъ мудрецовъ. При циническомъ безстыдствѣ, имѣютъ благородную наглость выдавать въ свѣтъ нелѣпости, какїя ни приходятъ имъ въ голову; чванятся Геометрїею, и утверждаютъ, что неучившїеся сей наукѣ имѣютъ неправильныя понятїя, и что одни только они имѣютъ даръ здраво мыслить. Самой обыкновенной разговоръ ихъ начиненъ учебными словами. Они говорятъ, на примѣръ: такїе-то законы премудро изданы *въ обратной пропорцїи квадрата ризстоянїй*; такая-то Держава, желающая заключить съ другою союзъ, *привлекается дѣйствїемъ притяженїя.* Предлагаете ли имъ идти гулять —

это для нихъ *задача о кривой линіи*. Страдая отъ нефретической колики, лѣчатся *по законамъ гидростатики*. Чувствуя свербежь на тѣлѣ, они говорятъ: меня кусаютъ *безконечно малыя первой степени*. Случится ли имъ падать — это *отъ потерянія равновѣсія*. Если какой-нибудь дерзновенной Журналистъ осмѣливается нападать на нихъ, потопляютъ его въ безднѣ чернилъ и ругательствъ: ибо оскорбленіе Философіи есть такое злодѣйство, котораго ничѣмъ извинить не можно.

ЕВГЕНІЙ.

Какое жь отношеніе имѣютъ сіи глупцы къ нашей славѣ, которую мы оставили по себѣ въ свѣтѣ?

ЛИХТЕНШТЕЙНЪ.

О, великое! они очерняютъ всѣ науки, кромѣ своихъ вычисленій. Стихотворство по ихъ мнѣнію есть вздоръ; вдохновенный Поэтъ долженъ мечтать объ алгебраическихъ уравненіяхъ. Исторіи надлежитъ учиться навыворотъ, то есть, начавъ съ нашего времени, идти къ эпохѣ прежде потопа. Въ правительствахъ должно сдѣлать важныя перемѣны: Францію должно превратить въ республику, которой законодателемъ будетъ Геометръ, и которою будутъ управлять Геометры и, соображаясь въ дѣйствіяхъ новой республики

съ *изчисленїемъ количествъ до безконечности малыхъ.* Сїя республика будетъ хранить вѣчной миръ, и обойдется безъ войска . . . . Они показываютъ непреодолимое отвращенїе отъ войны . . . . Хотя ненавидятъ войска и славныхъ военачальниковъ, однакожь охотно дерутся на перьяхъ, и часто потчиваютъ другъ друга площадными ругательствами; еслибъ они имѣли войска, то конечно выводили бы ихъ на сраженїе . . . Учтивыя привѣтствїя, ими употребляемыя, на ихъ языкѣ называются *вольностью философскою.* Надобно говорить все, что думаешь; всякую истину должно открывать; а какъ они почитаютъ себя хранителями всѣхъ истинъ, то и присвоиваютъ себѣ право разсказывать нелѣпости, какїя ни приходятъ имъ въ голову, будучи твердо увѣрены, что всему, сказанному ими, станутъ удивляться.

МАРЛБОРУГЪ.

Видно, въ Европѣ нѣтъ уже домовъ для сумасшедшихъ; по моему мнѣнїю, тамъ надлежало бы помѣстить сихъ господъ, и сдѣлать ихъ законодателями людей имъ подобныхъ, то есть сумасшедшихъ.

ЕВГЕНІЙ.

А я думаю, что ихъ управленїю надлежитъ ввѣрить такую область, которая заслужила наказанїе; они, поставивши все

вверхъ дномъ, обнаружили бы собственное свое невѣжество, показали бы, сколь легко во всемъ находить недостатки, и какъ трудно изобрѣтать полезное; а особливо напомнили бы, своимъ примѣромъ, что начавъ говорить о томъ, чего не разумѣешь, наскажешь множество нелѣпостей.

ЛИХТЕНШТЕЙНЪ.

Они высокомѣрны, и никогда не признаются въ винѣ своей. По ихъ правиламъ, мудрецы, то есть они сами, никогда не ошибаются; они одни озарены просвѣщеніемъ; отъ нихъ изтекаютъ лучи свѣта, разгоняющіе мрачные пары, въ которыхъ гніетъ толпа слѣпой черни. Какъ же они просвѣщаютъ народъ? Открываютъ ему *Начало предразсудковъ*, книгу *о Разумѣ*, *Систему Натуры*, и проч. Многіе повѣсы по легкомыслію записываются къ нимъ въ ученики, стараются во всемъ подражать имъ, и выдаютъ себя наставниками человѣческаго рода. А какъ несравненно легче язвить ругательствами, нежели приводить основательные доводы, то сіи велемудрые питомцы не пропускаютъ случая съ неистовымъ безстыдствомъ нападать на военныхъ.

ЕВГЕНІЙ.

Что глупецъ удивляется другому глупцу — это не новое. Но почему военные терпѣливо сносятъ оскорбленія?

ЛИХТЕНШТЕЙНЪ.

Презираютъ негодяевъ, и дѣлаютъ свое дѣло.

МАРЛБОРУГЪ.

Не стыдно ли возставать противъ благороднѣйшаго искуства, противъ того, подъ щитомъ котораго другія процвѣтаютъ?

ЛИХТЕНШТЕЙНЪ.

Будучи совершенными невѣждами въ военномъ искуствѣ, они хотятъ унизить его, сдѣлать презрѣннымъ. Я уже сказалъ, что они опровергаютъ вообще всѣ науки, и на ихъ развалинахъ возносятъ одну Геометрію, чтобы помрачить блескъ чужой славы, и на себѣ соединить всѣ лучи ея.

МАРЛБОРУГЪ.

Однакожь мы не презирали ни Философіи, ни Геометріи, ни Изящныхъ наукъ, и довольствовались успѣхами въ своемъ дѣлѣ.

ЕВГЕНІЙ.

Я сдѣлалъ еще болѣе: я покровительствовалъ Вѣнскихъ Ученыхъ, и ободрялъ ихъ, тогда какъ никто не занимался ими.

ЛИХТЕНШТЕЙНЪ.

Вы были великіе люди, а сіи, такъ называемые, Философы суть не что иное,

какъ повѣсы, которые изъ тщеславія хотятъ представлять важныя лица: не смотря на то, ругательства, часто повторяемыя, иногда вредятъ славѣ людей великихъ. Теперь думаютъ, что Философія состоитъ въ дерзкомъ умствованіи, и что выдать парадоксъ значитъ — одержать побѣду. Сколько разъ слыхалъ я, какъ очерняли знаменитые ваши подвиги, и называли васъ такими людьми, которые насильно присвоили себѣ славу во времена невѣжества, когда не умѣли еще опредѣлять заслугамъ достойную цѣну!

МАРЛБОРУГЪ.

Какъ! нашъ вѣкъ былъ варварскимъ?

ЛИХТЕНШТЕЙНЪ.

Да, а нынѣшній (*) есть вѣкъ Философіи.

(*Изъ Génie du Christ.*)

IV.

Письмо отъ Вольтера къ Лорду Гервею.

1740 *года.*

.... А особливо прошу васъ, Милордъ, не сердиться на меня,

(*) То есть осмнадцатый. Это писано противъ Дидеротовъ и Даламберовъ.

что я прошедшій вѣкъ называю вѣкомъ Лудовика XIV. Очень знаю, что Лудовикъ XIV не имѣлъ чести быть Государемъ ,ни благодѣтелемъ Беля, Невтона, Галлея, Адиссона, Драйдена; но въ вѣкъ Леона X одинъ ли сей Папа все сдѣлалъ? Не старались ли и другіе Государи образовать и просвѣтить родъ человѣческій? Однакожь имя Леона X взяло верхъ, потому что онъ болѣе другихъ ободрялъ искуства. Какой же Монархъ въ семъ болѣе оказалъ услугъ человѣчеству? Какой Монархъ болѣе расточалъ благодѣяній, болѣе отличался изящностію вкуса, болѣе основалъ прекрасныхъ заведеній? Конечно онъ не сдѣлалъ всего, что могъ сдѣлать — ибо онъ былъ человѣкъ; но сдѣлалъ болѣе, нежели кто-либо другой — ибо онъ былъ человѣкъ великій. Сильная причина, заставляющая меня отлично почитать Лудовика, состоитъ въ томъ, что всѣмъ извѣстные пороки его не помѣшали ему прославиться болѣе всѣхъ своихъ современниковъ, и что — не смотря на вопли милліона людей, изгнанныхъ имъ изъ Франціи, и потому очернявшихъ имя его — вся Европа уважаетъ Лудовика, и ставитъ его на ряду съ величайшими и добрѣйшими Государями.

Назовите мнѣ, Милордъ, Монарха, которой болѣе привлекъ къ себѣ искусныхъ чужестранцовъ, и которой болѣе ободрялъ за-

слуги своихъ подданныхъ! Шестьдесять человѣкъ иностранныхъ Ученыхъ, въ одно время получившихъ отъ него награды, безъ сомнѣнія крайне удивились, что Лудовикъ о нихъ знаетъ.

„Король, не будучи вашимъ Государемъ — такъ писалъ къ нимъ Министръ Кольберъ — „хочетъ быть вашимъ благодѣтелемъ; онъ „поручилъ мнѣ послать къ вамъ приложен„ный вексель, въ залогъ своего почтенія.“ Богемецъ и Датчанинъ получили письма изъ Версаліи. Гильемини отъ щедротъ Лудовика XIV построилъ домъ во Флоренціи; онъ изобразилъ имя Короля на передней сторонѣ зданія, а вы не хотите, чтобы оно сіяло надъ семнадцатымъ столѣтіемъ.

Его дѣянія должны служить вѣчнымъ примѣромъ для Монарховъ. Онъ поручилъ воспитывать сына своего и внука краснорѣчивѣйшимъ и ученѣйшимъ Мужамъ въ Европѣ; далъ мѣста сыновьямъ Петра Корнеля, двумъ въ военной службѣ, одному въ духовной; возбудилъ раждающійся талантъ въ Расинѣ подаркомъ, весьма важнымъ для человѣка неизвѣстнаго и недостаточнаго. Когда Геній Расиновъ созрѣлъ и достигъ совершенства, въ то время дарованія, которыя часто заграждаютъ путь къ фортунѣ, открыли ему доступъ къ сей богинѣ. Онъ по-

лучилъ еще болѣе — онъ пользовался благосклонностїю, даже прїязнїю такого Монарха, котораго каждой взглядъ былъ — благодѣянїе. Расинъ участвовалъ въ путешествїяхъ, предпринимаемыхъ въ Марли (1688 и 1689), — чего многїе изъ придворныхъ тщетно добивались; онъ спалъ въ одной комнатѣ съ Королемъ, которому во время болѣзни читалъ образцовыя свои произведенїя витїйства и поэзїи — произведенїя, украшавшїя славное царствованїе Лудовика.

Такая благосклонность, оказываемая съ разборчивостїю, возпламеняетъ великїе умы, и раждаетъ ревнованїе. Похвально основывать заведенїя и подкрѣплять ихъ; но заниматься одними заведенїями иногда значитъ то же, что готовить пристанище для человѣка безполезнаго и для человѣка великаго, принимать въ одинъ улїй и пчелу и шмеля.

Лудовикъ XIV обо всемъ заботился. Онъ покровительствовалъ Академїи; отличалъ тѣхъ, которые старались отличаться; не истощалъ всѣхъ благодѣянїй своихъ для награжденїя одной какой-нибудь науки, одного искуства, подобно многимъ Государямъ, которые ободряютъ не то, что достойно ободренїя, но то, что имъ нравится; обращалъ вниманїе свое и на физику и на древности. Войны, которыя онъ велъ съ Евро-

пою, не утомляли его; строя крѣпости, управляя четырьмя стами тысячь солдатъ, онъ занимался сооруженіемъ обсерваторіи, приказывалъ провести меридіанъ отъ одного края королевства до другаго — подвигъ единственный въ свѣтѣ! Онъ повелѣвалъ печатать въ своихъ чертогахъ переводы хорошихъ авторовъ, Греческихъ и Латинскихъ; посылалъ Геометровъ и Физиковъ во глубину Африки и Америки для приобрѣтенія новыхъ познаній. Вспомните, Милордъ, что безъ путешествія и опытовъ, сдѣланныхъ по его повелѣнію Учеными, посыланными въ 1672 году въ Кайенну, и безъ Пикаровыхъ измѣреній, Невтонъ не прославился бы своими открытіями о притяженіи. Вообразите, что Кассини и Гугеній, оставя отечество, притекли во Францію подъ покровъ благодѣтельнаго Лудовика XIV. Не думаете ли, что самые Англичане не чѣмъ не обязаны ему? Скажите же, при какомъ Дворѣ Карлъ II приобрѣлъ столько вкуса, научился такой вѣжливости? Хорошіе писатели Лудовика XIV не были ль вашими образцами? Не изъ нихъ ли мудрый Адисонъ, которой отличался самымъ точнымъ вкусомъ, не изъ нихъ ли часто извлекалъ превосходныя критики? Епископъ Бюрне признается, что изящный вкусъ, которой придворные Карла II заняли во Франціи, произвелъ у васъ великую перемѣну даже въ про-

повѣдяхъ, не смотря на различіе исповѣданій: такую власть имѣетъ здравой разумъ! Скажите, не по книгамъ ли, сочиненнымъ въ вѣкъ Лудовика, учились всѣ Нѣмецкіе Принцы? При какомъ Дворѣ въ Германіи не было Французскаго театра? какой Государь не старался подражать Лудовику XIV? какой народъ не соображался съ Французскими модами?

Вы ссылаетесь на примѣръ ПЕТРА Великаго, которой насадилъ искуства въ своемъ государствѣ, и былъ творцемъ новаго народа; говорите, что вѣкъ его не названъ вѣкомъ Петровымъ, и тѣмъ хотите доказать, что и я не долженъ минувшій вѣкъ называть именемъ Лудовика XIV. Розница очевидна (*). ПЕТРЪ I, научась между народами чуждыми искуствамъ, перенесъ ихъ

(*) Лудовикъ XIV не помрачитъ славы ПЕТРА Великаго. Вольтеръ, желая превознести своего Героя, напрасно дѣлаетъ сравненія. Выхваляя луну, не надобно бы говорить о солнцѣ. Сказавши, что ПЕТРЪ насадилъ искуства въ своемъ государствѣ и былъ творцемъ новаго народа, онъ сказалъ все. Гоненія Лудовика XIV на Протестантовъ до сихъ поръ почитаются черными пятнами въ исторіи сего Монарха, которой конечно не для блага народовъ притѣснялъ своихъ подданныхъ, и выгонялъ ихъ изъ отечества. *Изд.*

въ свое отечество; Лудовикъ XIV просвѣщалъ чужеземцовъ; все, даже погрѣшности его были полезны людямъ. Протестанты, оставившіе владѣнія его, принесли къ вамъ ту самую промышленность, которая обогащала Францію. Не уже ли вы считаете ни за что фабрики шелковыя и хрустальныя? Наши бѣглецы усовершенствовали оныя въ Англіи; вы приобрѣли то, чего мы лишились.

Наконецъ, Милордъ, Французской языкъ сдѣлался почти общимъ. Кто сему причиною? При Генрихѣ IV былъ ли онъ въ такомъ употребленіи? Нѣтъ конечно; тогда по большой части говорили по Италіянски и по Испански. Наши знаменитые писатели произвели сію перемѣну. Но кто покровительствовалъ сихъ писателей? кто ободрялъ ихъ? кто занималъ ихъ работою? Кольберъ, вы скажете. Соглашаюсь съ вами и утверждаю, что Министръ раздѣляетъ славу съ своимъ Государемъ. Но что бы сдѣлалъ Кольберъ при другомъ Государѣ, при вашемъ напримѣръ Вильгельмѣ, которой ничего не любилъ, при Карлѣ II, Королѣ Испанскомъ, и при многихъ другихъ?

Повѣрите ли, Милордъ, что Лудовикъ XIV преобразилъ вкусъ при Дворѣ во многихъ художествахъ? Онъ выбралъ Люлли въ свои музыканты, и отнялъ привиллегію у Лам-

бера, потому что Ламберъ былъ человѣкъ посредственный, а Люлли съ превосходнымъ талантомъ. Онъ умѣлъ отличить умъ отъ генія; задавалъ стихотворцу Кино матеріи для оперъ; назначалъ предметы для живописца Лебрена; защищалъ Боало, Расина и Мольера отъ ихъ непріятелей; ободрялъ искуства, полезныя и изящныя, и всегда съ намѣреніемъ; ссужалъ суммами Ван-Робе для пользы мануфактуръ; выдавалъ милліоны денегъ Индійской компаніи, имъ образованной; опредѣлялъ всегдашнія жалованья ученымъ людямъ и храбрымъ офицерамъ. Въ его царствованіе совершились великія дѣла, — но сего не довольно; онъ самъ былъ виновникомъ оныхъ. И такъ, Милордъ, позвольте мнѣ воздвигнуть во славу его памятникъ, которой посвящу пользѣ человѣческого рода.

Я почитаю Лудовика XIV не только потому, что онъ дѣлалъ добро Французамъ, но болѣе потому, что онъ былъ благодѣтелемъ людей; пишу не въ качествѣ подданнаго, но какъ человѣкъ; хочу изобразить минувшее столѣтіе, не одного Короля. Я не люблю такихъ исторій, въ которыхъ повѣствуется только о приключеніяхъ Государя, какъ будто ничего другаго не было на свѣтѣ; однимъ словомъ — мнѣ болѣе хочется писать исторію великаго вѣка, нежели исторію великаго Монарха.

Пелиссонъ могъ бы написать краснорѣчивѣе, нежели я; но Пелиссонъ получилъ за то деньги, и былъ придворной. Я не придворной и не бралъ денегъ; слѣдственно остается говорить правду.

(*Изъ Corresp. gén. Tom. III.*)

V.

Рѣдкой примѣръ неустрашимости.

Одинъ Шотландской сержантъ захваченъ былъ въ плѣнъ дикими Американцами. Желая избавиться отъ мучительной смерти, которой всѣ плѣнные подвергались, онъ прибѣгъ къ хитрости.

„Герои и Патріархи западнаго міра! — сказалъ онъ дикимъ — я не хотѣлъ васъ имѣть своими непріятелями; какъ бы то ни было, вы побѣдили. Жребій войны предалъ меня въ ваши руки. По праву побѣды, дѣлайте со мною что хотите; не могу вамъ противиться. Обычаи моего отечества дозволяютъ выкупать жизнь свою; выслушайте предложеніе, которое можетъ быть для васъ полезнымъ.

„Знайте, храбрые Американцы, что въ странѣ, гдѣ я родился, есть люди, имѣющіе знанія сверхъестественныя. Одинъ

изъ сихъ мудрецовъ, близкій мнѣ по родству, при вступленіи моемъ въ военное званіе открылъ мнѣ волшебную тайну сдѣлаться неуязвляемымъ. Вы видѣли, сколь чудесно я избавился отъ стрѣлъ вашихъ; безъ силы очаровательной могъ ли бы я остаться живымъ послѣ смертныхъ ударовъ, которые вы на меня направляли? Свидѣтельствуюсь вашею храбростію, что я не прятался на сраженіи, не старался избѣгать опасностей. Не столько прошу васъ о спасеніи жизни моей, сколько желаю прославиться открытіемъ вамъ тайны, необходимо нужной для безопасности вашей, для того, чтобы первой народъ въ мірѣ могъ сдѣлаться непобѣдимымъ. Освободите отъ узъ одну руку мою, и дозвольте мнѣ исправить нѣкоторые обряды волхованія, котораго опытъ сдѣлаю на себѣ самомъ въ присутствіи вашемъ."

Индійцы весьма внимательно выслушали рѣчь сію, которая льстила и воинскому ихъ духу и склонности ко всему чудесному. Посовѣтовавшись между собою, они освободили одну руку плѣнника. Шотландецъ просилъ саблю свою отдать самому сильному и ловкому Американцу; по томъ обнажилъ шею свою, попеременъ ее рукою, произнесъ нѣсколько невразумительныхъ словъ, сдѣлалъ нѣсколько волшебныхъ движеній, и закричалъ гром-

кимъ голосомъ съ видомъ веселымъ: „Теперь, мудрые Американцы, смотрите на вѣрный опытъ моей искренности! Воинъ, держащій въ рукѣ мое оружіе! ударь изо всей силы: ты не только не отдѣлишь головы моей отъ туловища, но не сдѣлаешь ниже малѣйшаго знака на шеѣ.“

Лишь только произнесъ онъ слова сіи, какъ мочный Индіецъ нанесъ страшный ударъ, и голова сержанта отскочила шаговъ на двадцать. Изумленные дикіе неподвижно смотрѣли на окровавленное тѣло чужестранца; по томъ, поглядывая другъ на друга, упрекали себя въ легковѣріи. Удивляясь хитрости плѣнника, которой умѣлъ спасти себя отъ мукъ, и сократить время своей смерти, они съ почестями погребли трупъ его.

Райналь.

VI.

Совѣтъ учиться естественнымъ наукамъ.

Можно ли не пылать желаніемъ учиться естественнымъ наукамъ? Какая участь васъ ни ожидала бы, въ какой странѣ свѣта ни проводили бы вы жизнь, Натура всегда будетъ окружать васъ своими произведеніями, своими явленіями, своими чудесами. На обшир-

ныхъ равнинахъ и среди густыхъ лѣсовъ, на высотѣ горъ и во глубинѣ долинъ уединенныхъ, на берегахъ кроткихъ ручейковъ и на безпредѣльной поверхности яраго океана — вездѣ найдете предметы естественной науки. Собраніе сихъ предметовъ, великолѣпно открываемое Натурою предъ глазами, достойными созерцать ихъ, несравненно превосходнѣе тѣхъ, которыя время, искуство и могущество помѣстили во храмахъ, посвященныхъ воспитанію; оно повсюду за вами послѣдуетъ. Гдѣ, въ какой странѣ наука, которой мы посвятили себя, не найдетъ новаго существа для описанія, новаго свойства для изслѣдованія, новаго феномена для объясненія? Гдѣ, въ какомъ климатѣ вы не приобрѣтете правъ на благодарность людей, перенося, умножая, приводя въ совершенство роды травъ и поколѣнія животныхъ, подавая сильную помощь земледѣлію, оживляя торговлю многими прекрасными произведеніями, обогащая народы способами вести жизнь пріятную и здоровую? Ахъ! любите всегда источникъ чистѣйшаго блаженства, какимъ только способенъ наслаждаться родъ человѣческій. Философія выхваляетъ вообще упражненіе въ наукахъ; чтожь мы сказать можемъ въ похвалу склонности постоянной и любезной, которая укрѣпляется отъ времени, питаетъ не истощаясь, заманиваетъ къ новымъ удовольствіямъ,

печатлѣетъ въ душѣ ощущенія живыя, но не сильныя, беретъ подъ власть свою все существо наше, хранитъ его отъ безпокойствъ и раскаяній, прилѣпляетъ его къ истинѣ, имѣетъ первымъ предметомъ — наблюденіе дѣйствій творческой способности; послѣднею цѣлью — усовершенствованіе человѣка; наслажденіемъ — внутреннее спокойствіе и тайное, неизъяснимое удовольствіе; наградою — уваженіе современниковъ и потомства! Ахъ! какъ украшаетъ она всѣ предметы, имѣющіе къ ней отношеніе! какому возрасту, какому состоянію, какому достатку она не прилична? Она плѣняетъ насъ въ юности, нравится въ зрѣлыхъ лѣтахъ, украшаетъ цвѣтами старость; отгоняя печаль, умѣряя горесть, удаляя скуку, облегчая бремя должности, смягчая непріятность заботъ, заставляя забывать даже самую бѣдность — какого несчастія она не уменьшаетъ! Обратите взоры на людей знаменитыхъ, которыхъ жизнь намъ извѣстна. Какіе изъ нихъ были счастливѣйшіе? Именно тѣ, которые посвящали себя созерцанію Натуры. Свидѣтельствуюсь Аристотелемъ, Линнеемъ, Бюффономъ, Боннетомъ и симъ Бернардомъ Жюсьё, котораго нѣжная заботливость о сохраненіи одного новаго растенія столь живо изобразила намъ тихое счастіе; свидѣтельствуюсь

почтеннымъ Натуралистомъ (*), которой въ маститой старости наслаждается жизнїю долголѣтною, счастливою и ясною, наслаждается признательностїю современниковъ и любовїю ученыхъ моихъ товарищей; свидѣтельствуюсь знаменитыми жертвами священной страсти своей: Плинїемъ, погибшимъ отъ изверженїя Везувїя, — множествомъ славныхъ путешественниковъ, умершихъ для пользы наукъ въ странахъ чуждыхъ, — несчастными товарищами Лаперуза, которыхъ море лишило всего, кромѣ правъ на благодарность потомства. Полезныя пожертвованїя, великодушная преданность, святой восторгъ любви къ человѣчеству, не составляютъ ли верховнаго блаженства?

Ни что, кромѣ добродѣтели, не укажетъ вамъ столь вѣрнаго пути ко счастью, какъ любовь къ естественнымъ наукамъ. О вы, юные слушатели, надежда соотчичей! вы, предъ которыми открывается поприще, гдѣ можете прославить свое имя! когда по самому опыту увѣритесь въ утѣшительной истинѣ, что счастїе состоитъ въ добродѣтели и въ наукѣ, — когда въ блескѣ славы, или въ тишинѣ уединенной жизни, будете наслаждаться удовольствїями наукъ естественныхъ, — когда станете приводить себѣ на

(*) Д' Обантономъ.

намять лѣта юности, первыя усилія, и первые успѣхи ваши, воспоминайте иногда о томъ, котораго не будетъ уже на свѣтѣ, но которой нынѣ со всѣмъ напряженіемъ умственныхъ своихъ способностей призываетъ васъ къ блаженству.

Ласепедъ.

VII.

Боссюэтъ и Корнелъ.

Возвышенность есть отличительное свойство Боссюэта и Корнеля; возвышенность Корнелева близка къ гордости республиканской, Боссюэтова — къ благочестивому восторгу; Корнель презираетъ величіе и могущество, Боссюэтъ попираетъ ногами то и другое, и стремится къ самому Богу; одинъ, показывая намъ человѣка во всемъ достоинствѣ его, возвеличиваетъ насъ въ собственномъ мнѣніи нашемъ; другой, представляя намъ человѣка ничтожнымъ, паритъ выше человѣческаго рода: выспренность Поэта наполнена глубокими мыслями и рѣзкими чертами; выспренность Оратора состоитъ въ величіи, въ силѣ, въ картинахъ; погрѣшности Корнеля происходятъ отъ утомленія и недостатка, Боссюэтовы отъ излишняго жара и обилія; въ обыкновенной, не высокой рѣчи, Корнель почти низокъ: у

Боесюэта обыкновенныя выраженія великой мысли придаютъ еще болѣе величія.

(*Даламберъ.*)

VIII.

ТОРЖЕСТВО АЛЕКСАНДРОВО,

или

СИЛА МУЗЫКИ.

(Кантата Драйдена въ честь Святой Цециліи, переложенная съ наблюденіемъ мѣры подлинника.)

На Царственномъ пиру, какъ Персъ упалъ
Монарха юнаго рукой,
Божественный Герой
Въ величествѣ сіялъ
На тронѣ золотомъ;
Вокругъ его — вождей безстрашныхъ сонмъ!
Цвѣтущи розы въ ихъ власахъ,
И мирты вьются на челахъ! —
Какъ утра тихаго заря,
Таиса, объ руку Царя, —
Предметъ его очей —
Сіяла прелестью и младостью своей.

*

Ликуй, ликуй! ликуй чета!
Тебѣ, Герой
Тебѣ, Герой!
Тебѣ, Герой, награда — красота! —

*

Пѣвецъ возсталъ; — за нимъ
Огромный хоръ вступилъ; —
Онъ персты къ арфѣ приложилъ,
И бурна пѣснь ліется въ слухъ: —
Въ восторгахъ таетъ духъ! —

*

Отъ Зевса слово. — Онъ,
Оставилъ свой и храмъ и тронъ —
(Такъ всемогущъ любви законъ!)
Дракона гордый видъ приемлетъ царь боговъ
Паритъ средь радужныхъ круговъ,
Къ Олимпіи паритъ, къ красавицѣ приникъ:
Въ ней отразился Зевсовъ ликъ, —
И новый Зевсъ — великъ! . . . .
Высока пѣснь восхитила соборъ;
Се богъ нашъ! вопіетъ благоговѣйный хоръ;
Се богъ нашъ! — разнеслось, какъ волнъ шумящихъ споръ!
И гордый взоръ
Подъялъ Герой! —
И мнитъ: я богъ!
Подвигъ главой, —
И мнитъ: дрожатъ міры у ногъ! —

*

Потомъ священный Бардъ честь Бахуса поетъ:
Прекрасный Бахусъ вѣчно юнъ!
Тріумфъ! богъ радости грядетъ!
Гремите трубы днесь! — раздайтесь звуки струнъ!
Лице его горитъ въ смѣющихся зарях
Величество въ очахъ
Раздайтесь трубы! онъ спѣшитъ! спѣшитъ! спѣшитъ! —

*

Вѣчно юнъ, и вѣчно милъ,
Бахусъ счастью научилъ! —
Въ немъ богатство храбрыхъ воевъ!
Онъ отрада послѣ боевъ! —
Въ горѣ — сладость;
Въ счастьѣ — радость,
Врачеванье слабыхъ силъ! —

*

Царь гордый пѣсни внявъ, свои побѣды зритъ;
Онъ вспомнилъ славну брань,
Забывшись, поднимаетъ длань,
Трекратно поражалъ, трекратно вновь разитъ! —

*

Таковъ Героя ратный жаръ!
Глаза горятъ; лице блеститъ;
Казалось, онъ съ землей и съ небомъ въ брань спѣшитъ!
Но по струнамъ ударъ —
Неистовство молчитъ! —

*

Унылой, тихой тонъ
Въ геройско сердце жалость льетъ! —

*

Онъ пѣлъ: Царь Персовъ былъ
Великъ и добръ; — но Рокъ судилъ —
Онъ палъ, онъ палъ, онъ палъ, онъ палъ,
Съ высотъ величія упалъ! —
Влачится тамъ въ крови густой:
Забытъ, оставленъ въ нуждѣ злой
Отъ всѣхъ, кого любилъ душой! —
Нѣтъ сердца — горесть усладить,
Нѣтъ друга — вѣжды затворить! —

*

Герой, склоня главу, въ безмолвьи предсѣдалъ, —
Покрытый мрачною тоской;
На бѣгъ Фортуны онъ взиралъ:
Что вѣчно? — думалъ, и вздыхалъ, —
И слезы полились рѣкой!

*

Пѣвецъ осклабясь, зритъ легко:
Что до любви недалеко!
Онъ сладки звуки строитъ вновь:
Гдѣ состраданье, тамъ любовь!

*

Нѣжно, сладко лейтесь пѣсни
Страстнымъ пламенемъ въ сердца!

*

Брань — мученье и труды;
Честь — прозрачный клубъ воды! —

Вѣкъ растетъ, а все начало;
Все сражаетъ, все ей мало! —
Небо подвигъ твой вѣнчало:
Время, время насладиться! —
Здѣсь Таиса возсѣдитъ!
Слава въ ней тебя даритъ! —

*

И съ шумомъ радостнымъ соборъ вождей гласилъ:
Любовь, восторжествуй! — Богъ пѣсней побѣдилъ! —

*

Монархъ не могъ любви скрывать:
Взоръ томной заблисталъ; —
Онъ таялъ, и молчалъ!
Что взоръ — то вздохъ; что вздохъ, — то взоръ;
Что взоръ, — то вздохъ опять.
Противъ любви вина Герой неустоялъ;
Нагрудь Таисы палъ! —

*

Раздайся лиры звукъ, промчись!
Сильнѣй, еще сильнѣй, какъ бурный вихрь, крутись!
Прерви ничтожны сна оковы! —
Возстань! возстань Герой на подвигъ славы новый!

*

И се въ ужасной часъ
Онъ внемлетъ грома гласъ!
Какъ изъ могилы вдругъ
Возсталъ, и зритъ вокругъ! —

❋

Отмсти, отмсти, отмсти! повсюду вопіютъ, —
Фуріи грозны бѣгутъ! —
Надъ тобою ихъ змѣи висятъ!
И свистятъ, и шипятъ,
И черное пламя рѣкою клубятъ!

❋

Зри: тѣни блѣдны въ облакахъ! —
Перуны въ ихъ рукахъ! —
Кто вы? — не души ли героевъ убіенныхъ
На полѣ битвы злой?....
Тамъ трупы ихъ забвенны
Лежатъ въ крови густой,
И просятъ погребенья! —
Я слышу страшный гласъ:
Мщенья! мщенья! мщенья! —
Возвмите стыдъ отъ насъ! —

❋

Зри: тамо искры шумятъ съ облаковъ,
Надъ Персополемъ вьется пожаръ!
Надъ божницами грянулъ ударъ!
Неистовыхъ клики раздались въ стѣнахъ,
И Герой устремился съ перуномъ въ рукахъ!

Таиса съ нимъ грядетъ,
Таиса грознаго влечетъ! —
Елена новая! — и новой Трои нѣтъ!

*

Такъ, Тимоѳей, —
Когда органы не вѣщали
И трубы слухъ не поражали, —
Плѣнялъ всѣхъ флейтою своей! . . .
И дивный лиры строй
И ярость и любовь вездѣ водилъ съ собой!

*

Съ небесъ Цецилія сошла,
И тайна музыки открылась,
Въ очарованіяхъ, въ чудесностяхъ явилась,
И нову область обрѣла
Для безпредѣльнаго искуства! —
Великолѣпье, слава, чувства,
Стремясь за геніемъ на огненныхъ крылахъ
Гремятъ въ несчетныхъ голосахъ!

*

Бардъ древній побѣжденъ!
Нѣтъ! — слава равный ихъ удѣлъ.
Имъ смертный въ небо возведенъ;
Съ ней Ангелъ къ намъ слетелъ!

А. Мрзлкв.

IX.

Смѣсь.

Однѣми заслугами, безъ счастья, не всегда удается прославиться въ свѣтѣ. Вотъ примѣръ тому:

Въ семнадцатомъ столѣтіи въ Вейдѣ жилъ Суперинтендентъ Дерфель, человѣкъ умной и хорошій Астрономъ. Когда въ 1681 году явилась большая комета, онъ прежде всѣхъ открылъ ея параболическое теченіе вокругъ солнца. Не смотря на то, Дерфель и его открытіе преданы забвенію. Невтонъ вывелъ тотъ же самой результатъ изъ своей системы о всеобщемъ тяготѣніи, и доказалъ его наблюденіями, сдѣланными надъ кометою. Имя Невтоново загремѣло въ Европѣ, и никто не думалъ о добромъ Суперинтендентѣ, хотя Невтонъ пожалъ то, что Дерфель посѣялъ.

Опытъ научаетъ, что никакое титло (не исключая Отца отечества) не бываетъ столь часто похищаемо, какъ титло изобрѣтателя. Долго спорили: Невтонъ, или Лейбницъ нашелъ изчисленіе безконечнаго. Съ важными вещами точно тоже случается, что съ бездѣлками. *Творческій* умъ какой-нибудь торговки изобрѣтаетъ новую моду — не смотря на то, рѣдкіе знаютъ объ изоб-

рѣтательницѣ, а всѣ называютъ модной уборъ именемъ какой-нибудь Помпадуръ, которая сперва стала носить его. (*Коцебу.*)

❋

Нѣкто Ломбаръ Лангръ весьма неучтивымъ образомъ отказался отъ чести, предложенной ему Г-мъ Лаландомъ, быть помѣщеннымъ въ Словарѣ Аѳеистовъ. Онъ безъ околичностей называетъ Лаланда шальнымъ. По сему случаю въ Journal de l'Empire напечатано слѣдующее замѣчаніе: „Г. Лаландъ по простотѣ своей считаетъ людскую молву за славу, и заставляя о себѣ говорить публику, думаетъ, что превозноситъ свое имя. Если бъ онъ былъ поумнѣе, то конечно зналъ бы, что *извѣстность* не всегда почтенна, и что звѣри и люди, злые и добрые, могутъ имѣть ее своимъ удѣломъ. Если же *извѣстность* замѣняетъ истинную славу, то гуси Римскаго Капитолія и Гоноріевы куры достойны большаго уваженія, нежели всѣ новые наши Астрономы.“

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

❋

Извѣстный воздухоплаватель Александръ напечаталъ въ газетахъ письмо къ Бланшару, въ которомъ упоминаетъ, что „*Великій* Бланшаръ открылъ способъ управлять аэростатомъ.“ Бланшаръ въ отвѣтѣ на письмо, также въ газетахъ напечатанномъ, пи-

шетъ, что Александръ неошибся, что онъ (Бланшаръ) открылъ еще новый газъ водородный, которой обходится гораздо дешевлѣ прежняго, и что жена его предприметъ воздушное путешествіе изъ Бордо. Письмо сіе, подобно манифесту самодержавнаго Монарха, начинается именемъ сочинителя со всѣми титулами, которыми ему угодно было украсить свою особу. Между прочимъ онъ именуетъ себя „*воздухоплавателемъ обѣихъ гемисферъ.*“ Одинъ Нѣмецкой Журналистъ спрашиваетъ — и кажется не безъ причины — знаетъ ли великій Бланшаръ, что значитъ гемисфера? и не однозначительны ли слова: воздухоплаватель и хвастунъ?

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

❦

Теперь отыскали переписку Г-жи Лепренсъ де Бомонъ, извѣстной Сочинительницы Дѣтскаго магазина (Magazin des enfans). Въ Публицистѣ напечатано одно любовное письмо ея, писанное на 44 году отъ рожденія къ Г-ну Тиреллю, за котораго она потомъ вышла за мужъ. Любовное письмо отъ пожилой, весьма умной женщины есть въ самомъ дѣлѣ диковинка, стоющая любопытства. Г-жа Бомонъ родилась въ 1711 году, а вышла за мужъ около 1756. Она въ жизнь свою написала 70 Томовъ, въ числѣ которыхъ находится нѣсколько романовъ весьма посредственныхъ; умерла въ небольшомъ по-

мѣстьѣ своемъ близь Аннеси, въ Савои, когда — не извѣстно.

(*Изъ Фран. Журн.*)

*

Въ *Юніонъ-Галлѣ* производится странная тяжба двухъ женщинъ, весьма похожая на ту, которую премудрый Соломонъ рѣшилъ остроумною выдумкою. Каждая изъ тяжущихся называетъ себя матерью прекрасной дѣвочки, имѣющей не болѣе двухъ лѣтъ отъ рожденія. Одна изъ матерей представила свидѣтелей, что она родила сію дѣвочку, и отдала на воспитаніе соперницѣ. Другая, которая съ мужемъ разсталась передъ симъ зачетыре года, увѣряетъ, что также родила эту же дѣвочку, хотя и безъ свидѣтелей. Обѣ присягнули; Судъ не придумалъ еще никакого рѣшенія.

(*Изъ Англ. Лист.*)

*

Съ 1го числа Января появился въ Парижѣ Журналъ для *Обжоръ* и *Красавицъ* (Journal des Gourmands et des Belles). Названіе весьма странное! но еще страннѣе, что Парижскій Журналъ (Journal de Paris), которой самъ не рѣдко бываетъ набитъ нелѣпостями, смѣется надъ сею нелѣпостію. Напримѣръ, въ одномъ листкѣ онъ доноситъ, что въ Бренпрю родился жеребенокъ, спереди похожій на медвѣдя, и объясняетъ сей случай тѣмъ, что кобылица испугана была двумя

медвѣдями, запертыми съ нею въ одной конюшнѣ. Одинъ веселой Журналистъ Нѣмецкой пишетъ: „Еслибъ чудовище представляло собою сросшихся змѣю и гуся, то было бы оно аллеторическимъ образомъ Парижскаго Журнала!!“

⁂

Въ Ирландїи одинъ Священникъ, отправляя обрядъ погребенїя надъ мертвымъ тѣломъ, забылъ объ его полѣ. Когда въ молитвѣ дошло до мѣста: „упокой брата нашего, или сестру нашу,“ — доброй Священникъ остановился, и спросилъ у предстоящихъ носильщиковъ: „кто тутъ лежитъ? братъ или сестра?“ — Ни то ни другое — отвѣчалъ Ирландецъ — самая дальняя родня!

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

⁂

Въ Константинополѣ есть много питейныхъ домовъ, которые отдаются отъ Правительства на откупъ по большой части Грекамъ, и въ которыхъ каждому дозволяется покупать вино и водку. Нечиновные Турки весьма часто посѣщаютъ сїи домы, не боясь наказанїя. Въ самомъ дѣлѣ, на это смотрятъ сквозь пальцы, наблюдая только слѣдующїя отмѣны: если пьяной Турокъ въ состоянїи идти домой, то его не замѣчаютъ; если валяется на улицѣ, то на другой день заставляютъ его вытерпѣть нѣсколько палочныхъ ударовъ; сдѣлавшїй въ другой и въ

третій разъ такое дурачество, наказывается равнымъ образомъ; но въ четвертой разъ — освобождается безъ наказанія, объявляется неспособнымъ къ исправленію; и получаетъ названіе *Султанскаго*, то есть привиллегированнаго *льяницы*; тогда онъ смѣло можетъ валяться на улицѣ, объявивъ только о своемъ имени, званіи и жилищѣ — разумѣется, если языкъ въ состояніи оказать такую услугу; его съ бережливостію относятъ въ ближайшую баню, и кладутъ спать на теплую золу.

(*Изъ Пуквиля.*)

❋

Дошло до свѣденія Г-на Бонапарте, какой соблазнъ произвелъ во Франціи Календарь Аѳеистовъ, изданный Лаландомъ. Наполеонъ далъ знать Министру внутреннихъ дѣлъ, что сія книга ему очень не нравится, и приказалъ запретить Лаланду впредь что-либо писать. Министръ сообщилъ Наполеоново письмо Президенту національнаго Института; собрано было чрезвычайное засѣданіе для объявленія воли Г-на Бонапарте Лаланду, которой отвѣчалъ, что впредь будетъ во всемъ повиноваться своему Государю. — Лаландъ хотѣлъ-было напечатать въ публичныхъ вѣдомостяхъ письмо Наполеоново и свой отвѣтъ; однакожь принужденъ былъ оставить сіе намѣреніе. Всѣмъ Издателямъ Журналовъ при-

казано не только не помѣщать въ листкахъ своихъ ничего, написаннаго Лаландомъ, но даже не упоминать объ его имени.

(*Изъ Сѣв. Пчелы.*)

❋

Недавно въ Вѣнѣ при Дворѣ данъ былъ концертъ *на стульяхъ*, изобрѣтенный однимъ искуснымъ художникомъ, дѣлающимъ музыкальныя орудія. Каждой стулъ имѣлъ свой голосъ въ фугѣ, сочиненной какимъ-то Нѣмецкимъ музыкантомъ. Подъ стуломъ помѣщенъ былъ инструментъ, похожій на рылѣ; отъ давленія того, кто садился, рылѣ начинали дѣйствовать. Всѣ музыканты сѣли въ одно время, и концертъ загремѣлъ.

Тотъ же художникъ сдѣлалъ для Императора потайную шкатулку, которая, за отъѣздомъ Франца II изъ Вѣны, осталась у мастера. Самая важная вещь въ ней есть ящичекъ, длиною около полутора фута; онъ вкладывается въ мѣсто, нарочно для него приготовленное. Если злодѣйская рука захочетъ вынуть его, то въ туже минуту, какъ подниметъ ящикъ, двѣ стальныя руки удержатъ вора, и голосъ трубы возвѣститъ о хищеніи.

(*Изъ Сѣв. Пчел.*)

ПОЛИТИКА.

I.

Окончательный мирный трактатъ между Австріею и Франціею.

Его Величество Императоръ Германіи и Австріи, и Е. В. Императоръ Французовъ и Король Италіи, будучи одушевлены равнымъ желаніемъ прекратить военныя бѣдствія, опредѣлили приступить къ заключенію окончательнаго мирнаго трактата, и признали къ тому своими Уполномоченными: Е. В. Императоръ Германіи и Австріи — Господина Князя Іоганна Лихтенштейна, Князя Священной Римской Имперіи, Кавалера большаго креста Маріи Терезіи, Генералъ-Лейтенанта войскъ Е. В., и Начальника одного полку гусарскаго, — и Господина Графа Игнатія Жюлая, Коммандора военнаго Ордена Маріи Терезіи, Каммергера Е. В., Генералъ-Лейтенанта войскъ, и Начальника одного полку пѣхотнаго; а Е. В. Императоръ Французовъ и Король Италіи — Господина Карла Маврицію Таллейрана-Перигорда, Оберкаммергера, Министра внѣшнихъ дѣлъ Е. В., Кавалера большаго креста Почетнаго Легіона и Прусскихъ Краснаго и Чернаго Ор-

ловъ; которые по размѣнѣ уполномочій согласно заключили слѣдующія статьи:

Статья 1. Отъ нынѣшняго дня навсегда долженствуютъ быть миръ и дружба между Е. В. Императоромъ Германіи и Австріи, и Е. В. Императоромъ Французовъ, Королемъ Италіи, его наслѣдниками и преемниками, ихъ Государствами и подданными.

Статья 2. Франція будетъ владѣть какъ истинною собственностію и съ самодержавною властію Герцогствами, Княжествами Областями и землями, по ту сторону горъ Альпійскихъ лежащими, которыя прежде заключенія нынѣшняго трактата соединены съ Французскою Имперіею, и которыя находились подъ Французскими законами или управленіемъ.

Статья 3. Е. В. Императоръ Германіи и Австріи признаетъ за себя, своихъ наслѣдниковъ и преемниковъ разпоояженія, сдѣланныя Е. В. Императоромъ Французовъ и Королемъ Италіи, относительно Княжествъ Луккскаго и Піомбинскаго.

Статья 4. Е. В. Императоръ Германіи и Австріи отрекается за себя и за своихъ наслѣдниковъ и преемниковъ отъ части Областей Венеціянской Республики, достав-

шейся ему по трактатамъ Кампо-Формійскому и Люневильскому. Упомянутая часть навсегда присоединяется къ Королевству Италіи.

Статья 5. Е. В. Императоръ Германіи и Австріи признаетъ Е. В. Императора Французовъ Королемъ Италіи. Однакожъ положено — въ слѣдствіе объявленія, сдѣланнаго Е. В. Императоромъ Французовъ въ то время, когда онъ принялъ корону Италіи — чтобы короны Франціи и Италіи, немедленно по исполненіи условій, содержащихся въ упомянутомъ объявленіи, навсегда раздѣлены были, и ни въ какомъ случаѣ не соединялись бы на одной главѣ. Е. В. Императоръ Германіи и Австріи обязывается по раздѣленіи коронъ признать преемникомъ того, кого Е. В. Императоръ Французовъ назначитъ по себѣ, въ качествѣ Короля Италіи.

Статья 6. Настоящій мирный трактатъ относится и до Ихъ Свѣтлостей Курфирстовъ Баварскаго, Виртембергскаго и Баденскаго и до Батавской Республики, которые въ настоящей войнѣ были союзниками Е. В. Императора Французовъ и Короля Италіи.

Статья 7. Курфирсты Баварской и Виртембергской, принявшіе Королевское титло,

причемъ однакожь они по прежнему принадлежатъ къ Германской Конфедераціи, отъ Е. В. Императора Германіи и Австріи будутъ признаны въ семъ достоинствѣ.

Статья 8. Е. В. Императоръ Германіи и Австріи отказывается за себя, своихъ наслѣдниковъ и преемниковъ, за Князей своего дома, ихъ наслѣдниковъ и преемниковъ, отъ нижеписанныхъ Княжествъ, областей, земель и округовъ:

Онъ уступаетъ и отдаетъ Е. В. Королю Баварскому Маркграфство *Бургау* съ принадлежностями, Княжество *Эйхштадтъ*, часть области *Пассау*, принадлежащей Его Кор. Высочеству Курфирсту Салцбургскому, и находящейся между Богеміею, Австріею, Дунаемъ и Инномъ; далѣе — Графство *Тироль* со включеніемъ Княжествъ *Бриксенскаго* и *Тридентскаго*; семь округовъ *Форалберга* съ областію; Графство *Гогенемсъ*, Графство *Кенигсег - Ротенфельсъ*, округи *Тетнангъ* и *Аргенъ* и городъ *Линдау* съ областію.

Его Величеству Королю Виртембергскому: пять такъ называемыхъ Дунайскихъ городовъ, а именно: *Эхингенъ*, *Мундеркингенъ*, *Рейтлингенъ*, *Менгенъ* и *Сулгау* съ ихъ принадлежностями, верхнее и нижнее Графство *Гогенбергъ*, Ландграфство *Нел-*

ленбургъ и область *Альттерфъ* съ ихъ принадлежностями (кромѣ города *Констанца*); далѣе — часть *Брейсгау*, окружаемую Виртембергскими владѣніями, и лежащую на восточной сторонѣ линіи, проведенной отъ Шлегелберга до Мольбаха; и города съ областями *Виллингенъ* и *Ерентингенъ*.

Его Свѣтлости Курфирсту Баденскому: *Брейсгау* (кромѣ выше означенной части отдѣленной); далѣе — *Ортенау* съ принадлежностями, городъ *Констанцъ* и коммандорство *Мейнау*.

Выше упомянутыя Княжества, земли, области и округи будутъ принадлежать Ихъ Величествамъ, Королямъ Баварскому и Виртембергскому, и Его Свѣтлости Курфирсту Баденскому какъ верховнымъ повелителямъ и обладателямъ, на такомъ основаніи, съ тѣми же титулами, правами и преимуществами, какъ принадлежали Его Величеству Императору Нѣмецкому и Австрійскому, или Принцамъ его Дома, не иначе.

Статья 9. Его Величество Императоръ Германіи и Австріи признаетъ за собою долги, сдѣланные Австрійскимъ Домомъ для пользы частныхъ людей и общественныхъ заведеній земли, нынѣ составляющей часть Французской

Имперіи; также положено, чтобы Его Величеству оставаться свободнымъ отъ всѣхъ долговыхъ обязательствъ, сдѣланныхъ Австрійскимъ Домомъ, съ закладами относительно тѣхъ областей, отъ которыхъ онъ отрекается по силѣ настоящаго трактата.

Статья 10. Области *Сальцбургъ* и *Бертольсгиденъ*, принадлежащія Его Королевскому Высочеству Курфирсту Эрцгерцогу Фердинанду, будутъ присоединены къ Австрійской Имперіи, и Его Величество Императоръ Германіи и Австріи будетъ владѣть ими, какъ совершенною собственностію, только съ титуломъ Герцога.

Статья 11. Е. В. Императоръ Французовъ и Король Италіи обязывается для Е. К. Высочества Эрцгерцога Фердинанда, Курфирста Сальцбургскаго, изходатайствовать у Е. В. Короля Баварскаго уступку Княжества *Вирцбургскаго*, даннаго Е. В. по общему согласію Имперской Депутаціи 25 Февраля 1803 года.

Курфиршескій титулъ Е. К. Высочества перенесется на сіе Княжество, которымъ Е. К. В. будетъ владѣть какъ своею собственностію на такомъ же основаніи и на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ онъ владѣлъ Курфиршествомъ Сальцбургскимъ.

Что принадлежитъ до долговъ, положено, чтобы новой владѣлецъ отвѣчалъ только за тѣ, которые сдѣланы по формальному согласїю Чиновъ земскихъ для издержекъ, дѣйствительно употребляемыхъ на управленїе упомянутой области.

Статья 12. Достоинство Великаго Магистра Тевтоническаго Ордена, права, земли и доходы, до начатїя нынѣшней войны зависѣвшїя отъ Мергентейма, главнаго мѣста Ордена, другїя права, земли и доходы, которыя впредь будутъ принадлежать къ Великому Магистерству при размѣнѣ ратификацїй сего трактата, также земли и доходы, которыми въ упомянутую эпоху Орденъ будетъ владѣть, сдѣлаются наслѣдственными по чину первородства въ особѣ и потомствѣ, прямомъ и мужескомъ, того изъ Принцевъ Императорскаго Дома, которой будетъ къ тому назначенъ отъ Е. В. Императора Германїи и Австрїи.

Е. В. И. Наполеонъ обѣщается постараться о томъ, чтобы Е. К. Высочество Эрцгерцогъ Фердинандъ получилъ въ Германїи полное и совершенное вознагражденїе.

Статья 13. Е. В. Король Баварскїй можетъ занять городъ *Авгсбургъ* съ округомъ, присоединить его къ своимъ обла-

стямъ, и владѣть ими самовластно, какъ собственностїю. Равнымъ образомъ Е. В. Король Виртембергскїй можетъ присоединить къ своимъ областямъ, и владѣть самовластно какъ собственностїю — Графствомъ *Бондорфъ*, а Е. В. Императоръ Германїи и Австрїи обязывается не дѣлать въ томъ никакого препятствїя.

Статья 14. Ихъ В. Короли Баварскїй и Виртембергскїй и Е. С. Курфирстъ Баденскїй будутъ владѣть землями, нынѣ имъ уступленными, и прежними ихъ областями съ полнымъ самовластїемъ, и зависящими отъ него правами, за цѣлость которыхъ ручается Е. В. Императоръ Французовъ, Король Италїи, также и на такомъ же основанїи, какъ владѣютъ Нѣмецкими областями Е. В. Императоръ Германїи и Австрїи и Е. В. Король Прусскїй. Е. В. Императоръ Германїи и Австрїи обязывается, ни какъ Глава Имперїи, ни какъ Членъ ея, не препятствовать исполненїю актовъ, которые они сдѣлаютъ, или могутъ сдѣлать.

Статья 15. Е. В. Императоръ Германїи и Австрїи, какъ за себя, своихъ наслѣдниковъ и преемниковъ, такъ и за Князей своего Дома, ихъ наслѣдниковъ и преемниковъ, отрекается отъ всѣхъ правъ на господствованїе и обладанїе, отъ всѣхъ требова-

ній, нынѣшнихъ и впредь могущихъ случиться, на всѣ безъ изъятія области Ихъ В. Королей Баварскаго и Виртембергскаго и Е. С. Курфирста Баденскаго, и вообще на всѣ области, земли и владѣнія, лежащія въ округахъ Баварскомъ, Франконскомъ и Швабскомъ, равно и отъ всѣхъ титловъ, взятыхъ отъ упомянутыхъ земель и областей; взаимнымъ образомъ всѣ требованія нынѣшнія и впредь могущія случиться отъ упомянутыхъ Государствъ въ тягость Австрійскаго Дома или его Князей остаются навсегда уничтоженными; однакожь отреченія, заключающіяся въ сей статьѣ, не относятся до собственности, которая по силѣ 11 статьи предоставлена, или по силѣ 12 статьи будетъ предоставлена Ихъ С. Эрцгерцогамъ, означеннымъ въ статьяхъ вышеупомянутыхъ.

Статья 16. Волостныя обязательства и архивы, планы и карты разныхъ областей, городовъ и крѣпостей, уступаемыхъ по нынѣшнему трактату, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ отъ размѣна ратификацій будутъ выданы Державамъ, получившимъ оныя во владѣніе.

Статья 17. Е. В. И. Наполеонъ ручается за цѣлость Австрійской Имперіи въ такомъ состояніи, въ какомъ она будетъ

находиться въ слѣдствіе настоящаго мирнаго трактата, также за цѣлость владѣній Князей Австрійскаго Дома, означенныхъ въ статьяхъ одиннадцатой и двенадцатой.

Статья 18. Высокія договаривающіяся стороны признаютъ независимость Гельветической Республики, управляемой актомъ посредничества, равно и независимость Батавской Республики.

Статья 19. Военноплѣнные, захваченные Франціею и союзниками ея у Австріи, также Австріею у Франціи и союзниковъ ея, которые еще не возвращены, должны быть отпущены въ теченіи сорока дней по размѣнѣ ратификацій настоящаго трактата.

Статья 20. Всякія сообщенія и торговыя сношенія между обоими Государствами будутъ приведены въ такое состояніе, въ какомъ онѣ были до войны.

Статья 21. Е. В. Императоръ Германіи и Австріи и Е. В. Императоръ Французовъ, Король Италіи, будутъ наблюдать между собою тотъ же порядокъ, вразсужденіи степеней и обрядовъ, какой наблюдаемъ былъ до настоящей войны.

Статья 22. Въ теченіе пяти дней послѣ размѣна ратификацій сего трактата, городъ Пресбургъ и его окружности на шесть миль будутъ очищены.

Черезъ десять дней послѣ размѣна, войска Французскія и союзниковъ Франціи выдутъ изъ Моравіи, Богеміи, Фиртель-Унтер-Виннер-Вальда, Фиртель-Унтер-Мангартсберга, Венгріи и всей Стиріи.

Потомъ еще черезъ десять дней онѣ выдутъ изъ Фиртель-Оберъ-Виннеръ-Вальда и Фиртель-Оберъ-Мангартсберга.

Наконецъ, непремѣнно чрезъ два мѣсяца послѣ размѣна ратификацій, войска Французскія и союзниковъ Франціи выдутъ изъ всѣхъ наслѣдственныхъ областей Е. В. Императора Германіи и Австріи, кромѣ города Браунау, которой останется еще на мѣсяцъ во власти Е. В. Императора Французовъ, Короля Италіи, какъ главное депо для больныхъ и для артиллеріи.

Въ теченіе того мѣсяца отъ жителей не будетъ требовано ничего. Однакожь положено, чтобы до окончанія мѣсяца Австрійскія войска не были вводимы въ окрестности города на шесть миль.

Также положено, чтобы мѣста, изъ которыхъ будутъ выходить Французскія войска въ сроки вышеназначенные, не прежде какъ спустя 48 часовъ послѣ выступленія Французовъ, занимаемы были Австрійцами.

Также положено, чтобы магазины, заложенные Французскимъ войскомъ въ мѣстахъ, изъ которыхъ оно будетъ отъ времени до времени выступать, оставались въ его разпоряженіи, и чтобы высоко-договаривающіяся стороны условились между собою относительно военныхъ контрибуцій, наложенныхъ на разныя наслѣдственныя области, занятыя Французскимъ войскомъ; въ слѣдствіе предполагаемыхъ условій, собираніе контрибуцій должно совершенно прекратиться со дня размѣна ратификацій.

Войско Французское должно получать съѣстные припасы для себя отъ собственныхъ магазиновъ, учрежденныхъ на дорогахъ, по которымъ оно будетъ возвращаться.

Статья 23. Немедленно послѣ размѣна ратификацій настоящаго трактата будутъ назначены съ обѣихъ сторонъ коммиссары для сдачи и принятія, отъ имени ихъ Государей, всѣхъ частей области Венеціянской, не занятыхъ войсками Е. В. Императора Французовъ, Короля Италіи.

Городъ Венецїя, озера и владѣнїя твердой земли (Terra Ferma) должны быть отданы въ теченїе двухъ недѣль; а Венецїянская Истрїя и Далматїя, устья Каттаро, Венецїянскїе острова на Адрїятическомъ морѣ и всѣ крѣпости на нихъ находящїяся — въ теченїе шести недѣль по размѣнѣ ратификацїй.

Коммиссары обѣихъ сторонъ постараются со всею тщательностїю отобрать артиллерїю, принадлежавшую бывшей Венецїянской Республикѣ, отъ артиллерїи Австрїйской; первая должна остаться навсегда въ Королевствѣ Италїи. Они по общему согласїю опредѣлятъ роды и свойства вещей, принадлежащихъ Е. В., Императору Германцїи и Австрїи, и долженствующихъ оставаться въ его разпоряженїи. Также согласятся или продать Королевству Италїи Императорскую артиллерїю и упомянутыя вещи, или обмѣнять оныя на равное количество артиллерїи и другихъ вещей, оставленныхъ Французскимъ войскомъ въ областяхъ наслѣдственныхъ.

Австрїйскимъ войскамъ и правительствамъ гражданскимъ и военнымъ оказаны будутъ всѣ пособїя для препровожденїя ихъ въ области Австрїйскїя по лучшимъ и безопаснѣйшимъ дорогамъ, также для перевозу

Императорской артиллерїи, сухопутныхъ и морскихъ магазиновъ, и другихъ предметовъ, которые не будутъ включены въ предполагаемые договоры о продажѣ и размѣнѣ.

Статья 24. Ратификацїи настоящаго трактата будутъ размѣнены въ теченїе осьми дней, или если можно, скорѣе.

Сочиненъ и подписанъ въ Пресбургѣ 26 Декабря 1805. (5 Нивоза 14 года.)

Подписали: Карлъ Маврицїй Талейранъ.

(М. П.)

Іоганнъ Князь Лихтенштейнъ.

(М. П.)

Игнатїй Графъ Жюлай.

(М. П.)

II.

Объявленїе, поданное Регенсбургскому Сейму отъ Посланника Шведской Померанїи.

Его Шведское Величество повелѣлъ нижеподписавшемуся своему чрезвычайному и полномочному Министру объявить Имперскому Сейму, что нарушенїя, ежедневно Членами дѣлаемыя законамъ и Германской Кон-

ституціи, которыя они клялись защищать и охранять, совершенно противны правиламъ чести и добродѣтели. Его Величество давно уже предвидѣлъ несчастныя слѣдствія несогласій, господствовавшихъ между Членами Имперіи, и нерадѣніе ихъ о законахъ Конституціи. Чувства и правила Его Величества всѣмъ извѣстны, и часто были отъ него объявляемы Сейму; слѣдственно не нужно напоминать объ нихъ снова, а особливо въ такое время, когда не смѣютъ говорить языкомъ чести, а и того болѣе, слѣдовать ея законамъ. Почему Его Величество почитаетъ дѣломъ низкимъ для своего сана впредь участвовать въ совѣщаніяхъ Сейма, пока онѣ будутъ подвержены вліянію хищничества и эгоизма. Регенсбургъ. 13 Января 1806.

Подписано: Бильдтъ.

III.

Отъ Эрцгерцога Карла войску.

Эрцгерцогъ Карлъ, по заключеніи мира въ Пресбургѣ, отдалъ войску слѣдующій приказъ 2 Января въ Голичѣ, главной квартирѣ:

„Его Величество, по любви къ своему народу, заключилъ миръ. Онъ могъ еще по-

лагаться на храбрость такого войска, которое осталось непобѣдимымъ, и какъ въ Германіи, такъ и въ Италіи съ равнымъ постоянствомъ защищало права своего Монарха. Однакожь отеческія расположенія Его Величества не дозволили терпѣть ему, чтобы вѣрные подданные его долѣе изнемогали отъ бѣдствій войны, и были подвержены опасностямъ перемѣннаго счастья сраженій. Войско пойдетъ на непремѣнныя свои квартиры, и будетъ ожидать, пока защищеніе престола и отечества не позоветъ его къ новымъ опасностямъ и новой славѣ. Надѣюсь, что господа начальники и рядовые время отдохновенія употребятъ на образованіе себя, что дисциплина и духъ воинскій не ослабѣютъ; и что случившіеся опыты будутъ обращены на пользу службы и къ будущей чести оружія. Благодарю за вашу приверженность къ моей особѣ. При всякомъ случаѣ постараюсь доказывать, что благо войска есть любезнѣйшій предметъ попеченія для моего сердца."

Подписано: Эрцгерцогъ Карлъ, Фельдмаршалъ.

IV.

Объявленіе отъ Римскаго Императора жителямъ Вѣны.

Января 15 прибито на всѣхъ публичныхъ мѣстахъ въ Вѣнѣ объявленіе слѣдующаго содержанія:

„Францъ Вторый, Божіею милостію избранный Римскій Императоръ, во всѣ времена распространитель Имперіи, наслѣдственный Императоръ Австрійскій, Король Германскій, Венгерскій, Богемскій, Далматскій, Кроатскій, Славонскій, Галицкій, Лодомирскій и Іерусалимскій, Эрцгерцогъ Австрійскій, Герцогъ Лотарингскій, Венеціянскій и Сальцбургскій, Князь Стирійскій, Каринтскій и Карніольскій, Виртембергскій, верхней и нижней Шлезіи, владѣтельный Графъ Габсбургскій, и проч.

„Удаляясь отъ васъ, я имѣлъ важныя причины надѣяться, что разлука наша будетъ кратковременна; ибо тогда твердое положилъ я намѣреніе по окончаніи Венгерскаго Сейма немедленно возвратиться въ Вѣну, и находиться между вами до тѣхъ поръ, пока присутствіе мое не было бы противно должности Правителя, пекущагося о благѣ цѣлой Имперіи. Только стеченіе обстоятельствъ помѣшало исполниться сему

намѣренію. Я думалъ, что для васъ и для всѣхъ вѣрныхъ моихъ подданныхъ мнѣ надлежало оставаться близь соединенной арміи. Я выбралъ намѣстника, которой имѣлъ вашу довѣренность, и былъ совершенно достоинъ оной. Я занимался вами, заботился о васъ, сколько дозволяли мнѣ противныя обстоятельства.

Если Провидѣнію было не угодно чрезъ счастіе войны даровать намъ вожделѣнную, прочную безопасность, то тѣмъ болѣе старался я переговорами о мирѣ доставить спокойствіе и облегченіе утѣсненнымъ моимъ областямъ. Не скоро для сердца моего, но довольно скоро для государства случилось событіе такого дѣла, которое весьма важно для настоящаго времени и для будущаго, и для исполненія котораго требовалось согласіе обѣихъ сторонъ.

Наконецъ несчастное время разлуки миновалось. Возвращаюсь къ вамъ тронутый вашимъ постоянствомъ, вашею непоколебимою приверженностію, вашею бдительностію въ сохраненіи спокойствія и порядка, вашею готовностію облегчать бѣдствія человѣчества благодѣтельными подвигами. Вы не пренебрегли ни одной изъ обязанностей, исполнили всѣ добродѣтели. Вы приобрѣли почтеніе согражданъ и чужестранцевъ, и право неоспоримое на мою благодарность. Живучи

далеко отъ васъ среди горестныхъ опытовъ, я находилъ въ семъ чувствѣ утѣху и успокоенїе.

Но хотя я, возвращаясь къ добрымъ жителямъ Вѣны, имѣю причины наслаждаться радостными ощущенїями; хотя вы съ веселостїю встрѣчаете своего Государя, и въ минуту свиданїя забываете о претерпѣнномъ несчастїи; однакожь не думайте, чтобы я не зналъ вашего положенїя, и тщательно не обозрѣлъ его мысленнымъ взоромъ.

Такъ, доброй народъ! ты испыталъ бѣдствїя, которыя потрясли благосостоянїе твое, приобрѣтенное дѣятельностїю и прилѣжанїемъ. Не обманываю себя; я старался вникнуть въ ваше положенїе тѣмъ рачительнѣе, чѣмъ нужнѣе способы для отвращенїя несчастїя. При всѣхъ непрїятныхъ обстоятельствахъ я по возможности заботился, чтобы вы не терпѣли недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и дороговизны — что и случилось. И впредь всѣ средства, которыя отъ Провидѣнїя даны мнѣ, буду употреблять для достиженїя сей вожделѣнной цѣли.

Пребудьте вѣрными вашему Государю, какими вы были во времена смутныя; подкрѣпляйте единодушїемъ мои неусыпныя

попеченія о благѣ общемъ; удвойте ваши усилія; предайтесь благородной склонности къ человѣколюбію; не слушайте молвы, разсѣваемой злобою; уповайте на Бога, и соединясь со мною, воззовите къ Нему. Раны наши, сколь ни глубоки онѣ, скоро исцѣлятся. Фельсбергъ, 15 Января 1806."

Подписано: Францъ.

V.

Письмо изъ Лондона.

отъ 23 Января 1806.

Сего дня въ три часа по полудни послѣдовало открытіе Парламента Перами и великими Офицерами коронными, а именно: Архіепископомъ Кантербурскимъ, Лордомъ Канцлеромъ, Лордомъ Элленборугомъ, Лордомъ Гакесбури и Графомъ Дармутомъ, которые для сего уполномочены отъ Его Величества. Лордъ Канцлеръ прочиталъ отъ имени Короля слѣдующую рѣчь:

„Милорды и Господа!

Намъ дано полномочіе отъ Его Величества объявить вамъ причины открытія сего Парламента, и особенно повелѣно обратить ваше вниманіе на успѣхи, которые дарованы

отъ Провидѣнія оружію Его Величества со времени послѣдняго вашего засѣданія.

Дѣятельность и постоянныя усилія флотовъ Его Величества оказаны знаменитымъ образомъ въ преслѣдованія и нападенія на разныя эскадры непріятельскія. Каждое сраженіе оканчиваемо было съ честію для Британскаго флага, каждое сраженіе уменьшало морскую силу Державъ, воюющихъ съ Его Величествомъ. Побѣда, одержанная надъ соединеннымъ Французско-Испанскимъ флотомъ при мысѣ Трафальгарскомъ, славнѣе всѣхъ подвиговъ, незабвенныхъ въ лѣтописяхъ Британской морской силы; она показала въ блестящемъ видѣ искуство и предпріимчивость всѣхъ Офицеровъ и матросовъ Его Величества; истребленіе столь важнаго отдѣленія морской силы непріятельской не только утвердило преимущества наши на моряхъ, но много споспѣшествовало къ охраненію областей Его Величества.

Его Величество чувствительно сожалѣетъ, что день незабвеннаго торжества сего помраченъ смертію Героя-Военачальника, одержавшаго славную побѣду. Е. В. убѣжденъ собственнымъ чувствомъ, что сіе печальное и вмѣстѣ славное окончаніе многихъ чрезвычайныхъ подвиговъ требуетъ отличнаго памятника признательности, и что вы дади-

ше способы Его Величеству къ почетнымъ должностямъ, назначеннымъ для родственниковъ покойнаго Лорда Вице-Графа Нельсона, присоединить такіе знаки народной щедрости, которые могли бы сохранить для отдаленнѣйшаго потомства имя, заслуги и примѣръ великаго Мужа.

Далѣе, Его Величество повелѣлъ объявить вамъ, что между тѣмъ какъ сила его оружія торжествовала на морѣ, онъ не переставалъ заниматься средствами, предоставленными его власти, подкрѣплять тѣ Державы твердой земли, которыя рѣшились противиться часъ отъ часу возрастающимъ, страшнымъ хищеніямъ Франціи. Его Величество повелѣлъ представить вамъ всѣ трактаты, заключенные съ Державами по сему случаю. Хотя Е. В. не можетъ не сожалѣть о томъ, что военныя произшествія въ Германіи не имѣли желаемаго окончанія, однакожь онъ не сомнѣвается, что разсмотрѣвъ поступки его, вы совершенно увѣритесь, что онъ все сдѣлалъ по возможности для подкрѣпленія усилій своихъ союзниковъ, и что въ точности соображался съ правилами, которыя Парламентъ признаетъ необходимыми для пользы и блага отечества, и вообще для безопасности твердой земли.

Его Величество находитъ утѣшеніе — въ которомъ безъ сомнѣнія и вы при-

мете участіе — въ томъ, что хотя Императоръ Нѣмецкій и оставилъ поле сраженія, однакожь сильный Союзникъ Англіи, ИМПЕРАТОРЪ Всероссійскій, остается при СВОЕЙ непоколебимой привязанности къ благородной и умной политикѣ, которою ОНЪ руководствовался до сего времени. Е. В. увѣренъ, что вы знаете, сколь важенъ для насъ тѣсной союзъ съ симъ Монархомъ."

„Господа Члены Нижняго Парламента!

Его Величество повелѣлъ представить вамъ счетъ издержекъ нынѣшняго года, и поручилъ намъ увѣрить васъ, что онѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ усиліямъ, коихъ непремѣнно требуетъ настоящее положеніе Великобриттаніи. Е. В. не сомнѣвается, что вы согласитесь отпустить денежныя суммы для удовлетворенія необходимыхъ нуждъ общественныхъ.

Постояннѣйшее желаніе Е. В. есть споспѣшествовать всѣми средствами, отъ него зависящими, облегченію своего народа отъ бремени налоговъ; на сей конецъ Е. В. повелѣлъ одинъ милліонъ фунт. ст.; вырученный за часть проданныхъ кораблей, взятыхъ у непріятеля, сумму, по законамъ принадлежащую Е. В., употребить на государственныя нужды."

„Милорды и Господа!

Его Величество совершенно увѣренъ, что — при благородной гордости и чувствованіяхъ, которыя должны родиться въ васъ отъ успѣховъ Бриттанскаго оружія, и которыя Е. В. раздѣляетъ съ вами — вы не потеряете изъ виду, что военныя произшествія на твердой землѣ, которыя по несчастію еще болѣе увеличили могущество Франціи, требуютъ отъ насъ неослабной бдительности и постояннѣйшихъ усилій.

Его Величество надѣется, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ обратите все вниманіе свое на приведеніе въ лучшее устройство той силы, которая состоитъ въ мужествѣ и дициплинѣ его войскъ, въ усердіи и честности всѣхъ сословій его подданныхъ, и въ неистощимыхъ пособіяхъ его владѣній, чтобы Государство Бриттанское сдѣлать внутри непобѣдимымъ, извнѣ страшнымъ; онъ увѣренъ, что такими только усиліями можемъ настоящую войну привести къ концу, соотвѣтственному безопасности, независимости Государства, и степени, занимаемой имъ между народами земнаго шара.“

Оба Парламента, послѣ неважныхъ споровъ, опредѣлили поднести Королю благодарственной адрессъ, и увѣрить его въ готовности своей всѣмъ жертвовать для безопасности отечества.

VI.

Извѣстія и замѣчанія.

Пускай раболѣпные поклонники Наполеоновы воздвигаютъ памятники, долженствующіе возвѣстить потомству о моральномъ и политическомъ ихъ униженіи; пускай Россійско-Англійскія войска оставятъ Италію, — гдѣ ихъ присутствіе нужно было по общему плану, разрушенному стеченіемъ странныхъ обстоятельствъ; — пускай власть Наполеонова надъ слабыми сосѣдами еще болѣе увеличится: но все не должно отчаеваться о спасеніи Европы. Англичане держали въ заперти Французскія пристани; и теперь они опять тоже могутъ сдѣлать, — они могутъ даже всѣ берега Франціи держать въ осадѣ. Покушенія, разрушить пристани и корабли Наполеоновы, оставлены не потому, чтобы не возможно было произвести ихъ въ дѣйство, но для того, что по сдѣланному соглашенію надѣялись достигнуть желаемой цѣли съ меньшими опасностями, съ меньшею потерею. Теперь Англійское правительство, кажется, возобновитъ военныя дѣйствія по прежнему плану. Колоніи Французскія и Испанскія безъ дальнихъ препятствій могутъ сдѣлаться жертвою завоеваній. Англія подкрѣпляется сильными союзниками. Чѣмъ опаснѣе становится Бонапарте для слабыхъ

зосѣдовъ, тѣмъ болѣе ему самому угрожаетъ опасностей. Кто бы, на примѣръ, сперьва повѣрилъ, что когда-нибудь составится противъ него союзъ столь страшный? Какъ бы торжествующимъ и блестящимъ ни казался онъ для глазъ не далеко видящихъ, никто не поручится, чтобы черезъ одинъ или два года не сполчилась противъ него вся Европа. Спрашивается: чему обязанъ онъ своими побѣдами надъ Австрійцами? Не насильственному ли переходу войскъ Французскихъ черезъ неутральную землю Гессенскую и Анспахъ? не лукавству ли Баваріи? не корыстолюбію ли людей, имѣвшихъ вліяніе на Чиновъ Виртембергскихъ? не тому ли, что Россіяне долго принуждены были, стоя на границѣ, ждать, пока Прусскій Король дозволитъ имъ пройти черезъ свои области? не тому ли, что Бонапарте по благопріятности обстоятельствъ имѣлъ въ рукахъ своихъ всѣ способы, при началѣ войны выставить на границу Баваріи вдвое болѣе войска, нежели онъ могъ бы выставить въ другомъ случаѣ, и вдвое болѣе, нежели сколько находилось у Австрійскаго Императора? Успѣхи сего рода должны ли приводить кого-либо въ отчаяніе? Никакъ.

*

Великаго Питта нѣтъ на свѣтѣ: онъ умеръ 23 Января въ 4 часа поутру. Не

во м жно выразить, сколь глубокую печаль причинило сїе несчастное произшествїе гражданамъ всѣхъ состоянїй. Денежной курсъ понизился однимъ процентомъ. Носятся разные слухи, кому заступить мѣсто перваго Министра; однакожь никто подлинно еще не знаетъ, на кого Король возложитъ столь тягостное бремя. — Питтъ умеръ очень спокойно, даже безъ судорожныхъ движенїй. Онъ лежалъ на смертномъ одрѣ тогда, какъ въ Парламентахъ разсуждали о дѣлахъ государственныхъ; всѣ Члены, всѣ партїи изъявили живѣйшую печаль. Благословенїя гражданъ послѣдуютъ въ могилу за великимъ человѣкомъ тѣмъ единодушнѣе, что его дарованїямъ, которыя приводили въ отчаянїе слабую гордость, не всегда было отдаваемо справедливое уваженїе. Онъ дождался той страшной минуты, когда уничтожиться должны всѣ усилїя соперниковъ, и когда смерть похищаетъ у зависти славу. Люди, которыхъ мнѣнїе предупредило судъ безпристрастнаго потомства, по крайней мѣрѣ нынѣ имѣютъ горестное удовольствїе видѣть, что цѣлая нацїя уважаетъ Генїя, бывшаго нѣсколько разъ ея спасителемъ.

*

Евгенїй Богарне, получивъ титло Императорскаго Высочества и Баварскую Принцессу, отправился изъ Минхена въ Италїянское свое Королевство. Г-на Бонапарте съ

часу на часъ ожидаютъ въ Парижъ. Обстоятельства заставляютъ думать, что онъ въ скорости опять соберетъ многочисленное войско на берегахъ океана для предполагаемой переправы въ Англїю. — Въ слѣдствїе сдѣланнаго соглашенїя между Прусскимъ Королемъ и Г-мъ Еснапарте, Ганноверъ будетъ занятъ Прусскими войсками впредь до возстановленїя общаго мира въ Европѣ. — Главная квартира Шведскаго войска, бывшая въ Бойценбургѣ, перенесена въ Ростокъ. Корпусъ Россїянъ выступаетъ изъ Ганновера, и возвращается черезъ Мекленбургъ и Прусскую Померанїю въ отечество.

❋

Несчастные жители Пармы и Пїачендзы, угнетаемые насильственнымъ правительствомъ, наконецъ потеряли терпѣнїе, принялись за оружїе и рѣшились кровью выкупить свою свободу. Евгенїй Богарне передъ самымъ отъѣздомъ своимъ въ Минхенъ посылалъ отрядъ войска, подъ начальствомъ Генерала Пино, Военнаго Министра Королевства Италїи, для усмиренїя мятежниковъ. Онъ издалъ по сему случаю проклама-цїю слѣдующаго содержанїя:

„Евгенїй, Вице-Король Италїи, Государственный Архи-Канцлеръ Французской Имперїи, Главноначальствующїй надъ войсками въ Королевствѣ Италїи и бывшихъ обла-

стяхъ Венеціянскихъ, народамъ областей Пармы.

Народы областей Пармы! Мы увѣдомились съ величайшею горестію, что нѣкоторые изъ васъ, безъ сомнѣнія побуждаемые врагами вашего отечества, подняли оружіе противъ власти и законовъ.

Какъ! въ то время, когда всѣ народы твердой земли начинаютъ отдыхать послѣ долговременныхъ движеній, среди славнаго мира, которой отъ Е. В. И. Французовъ, Короля Италіи, *снова отданъ міру*, вы присоединяете вопли мятежа *къ радостнымъ и благодарнымъ восклицаніямъ народовъ!*

Народы областей Пармы! Е. В. Императоръ и Король воззвалъ насъ къ чести начальствовать надъ всѣми войсками въ Королевствѣ Италіи и областяхъ Венеціянскихъ.

Мы не допустимъ, чтобы народы Королевства Италіи, которые показали себя столь вѣрными и миролюбивыми, хотя одну минуту терпѣли безпокойство отъ своихъ сосѣдовъ.

Если имѣете надобность отнестись къ вашему Государю; положите оружіе, возвратитесь къ семействамъ, и будьте покорными.

По томъ объявите ваши требованія Вице - Королю Италіи.

Вице-Король Италіи даетъ вамъ честное слово свое, что требованія ваши будутъ препровождены къ подножію престола Его Величества.

Вамъ отдадутъ должную справедливость.

Но если не послушаете голоса нашего, если не воспользуетесь отеческимъ совѣтомъ, которой даемъ вамъ; то мы станемъ исполнять свою должность!

Войска, привыкшія къ битвамъ, нетерпящія покоя, огорченныя вашимъ возмущеніемъ, идутъ наказать васъ.

Берегитесь! Французскіе солдаты поступаютъ великодушно съ непріятелями своего отечества, но никогда не щадятъ мятежниковъ.

Если черезъ два часа по полученіи сей прокламаціи вы не разойдетесь, то знайте, что ваши семейства долго долго будутъ оплакивать ваше заблужденіе. Въ Падуѣ. 5 Января 1806." —

Заключимъ сіи извѣстія пріятнѣйшею новостію, о которой пишутъ изъ С. Петербурга. Г. Резановъ, послѣ семи - мѣсячнаго пребыванія въ Японіи, отправился оттуда

къ Кодьяку и другимъ селеніямъ Россійско-Американской Компаніи. Г. Крузенштернъ, Капитанъ фрегата *Надежды*, отплылъ къ Кантону, откуда надѣется прибыть въ С. Петербургъ въ будущемъ Августѣ мѣсяцѣ. Путешественники не претерпѣли никакого несчастія и всѣ были здоровы. Фрегатъ *Надежда* оставилъ Камчатскіе берега въ минувшемъ Іюнѣ.

КОНЕЦЪ XXV ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

ЯНВАРЬ No. 1.

Стран.

I. *Что сдѣлано въ Россіи для просвѣщенія народа и для славы Отечества отъ временъ Рюрика до ПЕТРА Великаго.* - 3

II. *О Стихотворицѣ Дезульверъ и ея сочиненіяхъ.* - - 20

III. *Идилліи.* - - - 22

IV. *Сравненіе Спарты съ Аѳинами.* 30

V. *Ея Превосходительству, Прасковьѣ Ивановнѣ Малевой* - 32

Стран:

VI. Критика: - - - 31

1. Ольшы лирическіе и другія мѣлкія сочиненія во стихахъ А. Востокова. - - - —

2. Путешествіе въ полуденную Россію Владиміра Измайлова. 42

VII. Объ Австрійской Монархіи. - 55

VIII. Жизнь Нельсона. - - 68

IX. Извѣстія и замѣтанія. - 77

ЯНВАРЬ No. 2.

I. Что сдѣлано въ Россіи для просвѣщенія народа и для славы Отечества отъ временъ Рюрика до ПЕТРА Великаго. (Окончаніе.) 81

II. Доминикинъ. - - 96

III. О Литтературѣ у Индусовъ. 101

IV. Аналогія обманчива. - - 106

V. Къ Лаурѣ за клависиномъ. (Изъ Шиллера.) - - - 112

VI. Раскаянье. - - 115

VII. Голубка, басня. - - 118

VIII. Критика. Собраніе сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Евстафія Станевича. Книжка первая. Въ Санктпетербургѣ. 1805. - 119

IX. Историческое и статистическое обозрѣніе Республики Соединен-

Стран.

ныхъ Областей въ сѣверной Америкѣ. - - 132
X. Военной судъ надъ Сиромъ Робертомъ Калдеромъ. - - 148
XI. Извѣстія и замѣтанія. - 155

ФЕВРАЛЬ No. 3.

I. Солнце. - - 161
II. Цирцея. - - 164
III. Счастливое лицемѣрство. - 168
IV. Двѣ натуральныя картины. - 205
V. Календарь золотаго вѣка. - 212
VI. Письмо путешествующаго Нѣмца изъ Твери. - - 215
VII. Письмо изъ Вашингтона. - 218
VIII. Прокламація отъ Наполеона Бонапарте къ Вѣнскимъ жителямъ. 230
IX. Другая прокламація къ войску. 232
X. Прокламація Курфирста Виртембергскаго. - - 234
XI. Извѣстія и замѣтанія. - 236

ФЕВРАЛЬ No. 4.

I. Отрывокъ изъ рѣчи Святаго Іоанна Златоустаго о несчастіи Евтропія. - - 241

Стран.

II. Другой отрывокъ изъ первой книги о священствѣ. - 248
III. Лихтенштейнъ, Евгенїй и Марлборугъ въ царствѣ мертвыхъ. 253
IV. Письмо отъ Вольтера къ Лорду Гервею. - - - 258
V. Рѣдкой примѣръ неустрашимости. - - - 266
VI. Совѣтъ учиться естественнымъ наукамъ. - - - 268
VII. Боссюэтъ и Корнель. - 272
VIII. Торжество Александрово, или сила музыки. - - 273
IX. Смѣсь. - - - 280
X. Окончательный мирный трактатъ между Австрїею и Францїею. - - - 287
XI. Объявленїе, поданное Регенсбургскому Сейму отъ Посланника Шведской Померанїи. - 300
XII. Отъ Эрцгерцога Карла войску. 301
XIII. Объявленїе отъ Римскаго Императора жителямъ Вѣны. - 303
XIV. Письмо изъ Лондона. - 306
XV. Извѣстїя и замѣчанїя. - 311